

Татарстан фәннәр академиясенәң
Тарих институты

ТАТАР АРХЕОЛОГИЯСЕ

№ 1 (2)

Казан — 1998

*Посвящается 155-летию начала
раскопок остатков Сарая-Берке (Сарай
ал-Джадид) — одной из столиц Золотой
Орды — под руководством А.В. Терещенко
в 1843 году.*

Василий Григорьев Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая . 3	
Франс Баллод Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (результаты археологических работ летом 1922 года) 14	
Леонард Недашковский, Алексей Ракушин Средневековые металлические зеркала с Увекского городища 32	
Альфира Сингатуллина Джучидские монеты поволжских городов XIII в. (материалы из каталога) 52	
Дина Валеева Художественная резьба в архитектуре и эпиграфике золотоордынских болгар 88	
Марсель Эхмэтжанов Болгар теленең язмышы (Эпиграфика материаллары буенча) 99	
Хроника 70-летию Т.А.Хлебниковой 121 Конференция “Биляр и Волжская Булгария” 123	
Сведения об авторах 127 Список сокращений 128	

Василий Григорьев Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая*

Знаменитый в свое время в Азии, долго и постоянно обращавший на себя взоры целой России, великолепный, обширный Сарай, после полуторавекового блистательного существования разрушен был впервые в 1395 году, мстительным Тамерланом, и потом в конце XV столетия пал окончательно от руки Русских. Преданная огню и мечу, брошенная жителями, обреченная запустению, бывшая столица Золото-Ордынских Ханов стала гложуть с тех пор в развалинах, по обычному ходу вещей, все более и более распадавшихся, безобразившихся, ссыпавшихся в кучи мусора и кирпича, которые в свою очередь, с каждым годом, все гуще и гуще заволакивались сетью растительности: тощей травой и обычным жильцом степей, сухим бурьяном. Потом удалилось из соседства развалин и то население, праотцы которого были свидетелями их славы, между которым могли сохраняться об них какие-либо предания. Его заменило другое, новое, прикочевавшее из-за тысяч верст, от подошвы далекого Алтая, с верховьев Енисея и Иртыша; оно было чуждо прошлому этих развалин, не связано с ним никакими воспоминаниями: таким образом утратилось на месте и самое имя, принадлежавшее этим развалинам. а как точно такие же безымянные развалины оставили единственными следами своего существования и многие другие города Золото-Ордынские, современно со столицей возникшие и павшие, то и вышло, что зная со всею Европою, как найти в Сирийской Пустыне дорогу к остаткам Пальмиры и Баальбека, мы до последнего времени не знали определенно, где, в каком именно месте Астраханской или Саратовской губерний стоял город, в котором два века сряду решались судьбы властителей России. В сущности дела, разрешение вопроса о местоположении Сарая, определенное: которое между существующими развалинами Золото-Ордынских городов, должны принадлежать бывшей столице этого ханства — было вовсе не трудно: самый объем Сарайского пепелища должен был свидетельствовать, что тут находился не простой город, а столица сильного государства; потому, имя Сарая смело должно было быть приурочено к обширнейшим из развалин, рассеянных на пространстве Астраханской и Саратовской губерний. Но для того, чтобы знать, какие из существующих там развалин обширнее других, надо было, или посетить все их лично, или всех их иметь полные описания. Последнего не имеем мы и до с тех пор, а первое, если было кем исполнено, то все людьми, не занимавшимися историческими исследованиями, большею частью путешественниками-натуралистами, которые очень мало заботились не только о том, где теперь развалины Сарая, но и о том, существовал ли он когда-либо. Из приурочивавших имя Сарая к той группе Астраханских и Саратовских развалин, или вообще определявших его географическое положение, они видели только некоторые из этих групп и не имели понятия о других; остальные вовсе не бывали на местах и делали свои

* Статья публикуется по: Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД). — СПб., 1847, №9. — С.549-575. Особенности орфографии и оформления научного аппарата оставлены в авторском варианте. — Ред.

заклучения на основании чужих описаний или свидетельств исторических, сбивчивых и противоречивых, а чаще непонятых самими толкователями: отсюда и все разнообразие мнений, определяющих положение Сарая в десяти различных местах.

В статье “О местоположении Столицы Золотой-Орды Сарая”, напечатанной за два слишком года перед сим,¹ мы имели в виду свести, сравнить, разобрать и разъяснить все, сколько могли собрать, исторические свидетельства об этом городе, и все известные нам географические его определения, с тем чтобы решить окончательно: которое же из высказанных о предмете мнений справедливо, и к какой же местности, наконец, должно быть неотъемлемо привязано имя Золотоордынской столицы Сарая. Надеемся, цель исследования была нами достигнута и никто не вздумает сомневаться или оспаривать, чтобы Сарайские развалины были не те, которые находятся в урочище недавно еще называвшемся “Царевы-Поды”, около и на месте нынешнего города Царева, в Саратовской губернии.* Теперь, когда географическое положение Сарая определено, время уже сообщить читателям хотя краткий обзор тех археологических поисков, которые, как известно им,² приняты были на помянутой местности в мае месяце 1843 года и с тех пор доселе продолжают постоянно каждое лето, командиремым для того от Министерства В.Д. одним и тем же чиновником, г.Терещенком. Представляем такой обзор,³ составленный самим производителем работ, сделав из его официального донесения только некоторые выпуски.

“Остатки бывшей столицы Золотой Орды обозначаются ныне, по левому берегу реки Ахтубы, беспорядочными кучами курганов” и насыпей, вьющимися в многообразных направлениях искусственными каналами, водохранилищами и окружавшими Сарай насыпными валами: все это раскинуто на двадцативерстном протяжении от селения Пришиб до деревни Колобовщины и занимает под собою: часть селения Пришиб, весь город Царев с его окрестными полями, пригородную слободу Солодовку и всю деревню Колобовщину, называемую иначе Растягаевкой. Но гуще и явственнее, чем в других местах, представляются эти остатки между речками Калкутою, Царевкою и ериками Тутовым и Раковым, на одинацати-верстном пространстве. Тут главные группы курганов и насыпей, образовавшихся из зданий столицы Джучидов; что же касается до следов жилищ Татарских в окрестностях ее, то они, начинаясь уже на луговой стороне Волги, у Дубовского Посада, от устья Ахтубы и селения Верхнеахтубинского, называемого иначе Безродным, простираются до деревни Зубовки, почти на стоверстном протяжении по прямому направлению и на 450 верст в окружности. Курганы и насыпи умножаются постоянно, по мере приближения к Цареву; а в четырех верстах к северо-западу от него, множество курганов, насыпей, каналов, водоемов и озер, в одной густой массе, представляют убедительные доказательства существования тут столицы, коей средина обведена была большим валом, имевшим местами кирпичное основание, причем на оконечностях устроены были плотины для предохранения ее от потопления, во время весенних раз-

* Находится в современной Волгоградской области. — Ред.

** “Курганами” названы те же насыпи, образовавшиеся из статков сооружений Сарая (жилища, общественные здания, мастерские, дюрбе-мавзолеи и др.), покрытые к тому времени слоем земли и песка. — Ред.

лизов, и сохранения воды в каналах и озерах, во время засухи. В середине бывшей столицы находятся курганы, имеющие до 280 саженей в окружности; но самый большой из всех курганов, это “Колобовский”, в деревне Колобовщине, отстоящей до десятка верст от главного гнезда развалин.

Все эти курганы были уже разрываемы; искатели сокровищ перекапывали их тысячу раз, и безжалостно истребляли находимые вещи. Самый кирпич вывозили на продажу в дальние места: из него выстроены не только здания соседственных деревень и селений, но в Дубовке, Царицыне и даже Астрахани, находящейся отсюда в 440 верстах. Над беззащитными развалинами Кипчакской столицы щечился всякой, кто хотел, и только в наше время приняты меры к прекращению дальнейшего расхищения.

Приступая к разрытиям, весьма трудно было определить: с каких курганов следовало-бы лучше начать работу. Иные указывали на места, где, по рассказам, отрываемы были сокровища, другие — на предполагаемые дворцы и Русские церковные здания. Решено было начать раскопки с самой середины густейшей массы развалин.

В первый год поисков(1843), приступлено было прежде всего к разрытию десяти больших курганов. В них попадались изразцы разноцветные, мозаиковые и с позолотой. В одном кургане отрыли стену, убранную мозаиком и голубой пол, в другом — несколько стен с остатками комнат, в коих пол был выложен мозаиком и круглыми шестиугольными кирпичами; в третьем — пять комнат с небольшими и обыкновенным кирпичным полом, в четвертом — водопроводные трубы, проведенные по стенам комнат уже разрушенных. В других четырех курганах открыты комнаты с обломанными стенами и кирпичным полом, частью выбранным. В девятом открыли магометанское гробничное здание с куполом, круглыми сводами, сохранившимися стенами и входом; здесь нашли восемь разбросанных скелетов; подле одного из них лежали обломки от ятагана и меча и железные перержавленные куски от каких-то орудий. В десятом — каменный свод, в роде пещеры; под каменным полом ее были проведены трубы в пяти разных направлениях и тут же отыскан остаток медной трубки от фонтана. Так как во всех этих курганах не оказалось никаких вещей, то приступлено было затем к раскапыванию мелких насыпей и курганов, каналов и водохранилищ. Тут найдены были: глиняные кувшины, покалы (бокалы — Ред.) разной величины, мраморные куски, перержавленное железо, детские свистки, перержавленная медь и сталь, обломки оружия, водопроводные трубы, кольца, перстни, монисты, светильники, ночники, медные весовые чашечки, лепные гипсовые украшения, бубенчики, пуговицы, чернильницы, стеклянно-серебристый флакон, поломанные замки, разные железные изломанные вещи и небольшой медный идол; в одной из насыпей нашли медный наперсный крест,* в некоторых из раскопанных мест отрываемы были горны с печью, в других — одни землянки. Между мелкими насыпями попадались часто монеты татарские, каких найдено всего 1,373. Самая древнейшая из них, серебряная, относится ко времени правления Тохтогу-Хана(1310). Большинство принадлежит к ханствованиям Узбека, Джанибека, Хидыря и Тохтамыша. Между Джучид-

* Отдельные кресты, найденные при раскопках Сарая, связаны с какой-то русской частью населения города. Известно также, что в Сарае существовала православная епархия. — Ред.

скими были тут же: медная, современника Узбекова, Персидского хана Абу-Саида и золотая Турецкого султана Ахмеда I, битая в Дамаске в 1603-1604 годах.

При разностороннем раскапывании начала объясняться и самая местность; на ней с положительностью определились: так сказать рабочее поле, на коем, по видимому, были устроены заводы и другие заведения, и магометанское кладбище, расположенное вне Сарая, и простирающееся почти на семь верст: тут отрывались в большом числе одни скелеты, в кирпичных гробах. Украшения и одежда на них истлели, но кости сохранились в целости, а зубы — белые, как слоновая кость. Стала обозначаться также явственно и линия вала, окружавшего Сарай.

Во второй год поисков (1844) работы начаты были с так называемого Колобовскаго Кургана, находящагося на берегу Ахтубы в деревне Колобовщине, отстоящей от города Царева на семь верст. Он весь был засыпан песком, известью и грудами кирпича, и до того плотно склеилась в нем земля с известью, что приходилось разбивать ломами даже верхнюю кору. Издали курган этот представляется горою: высота его будет до 15 сажень, окружность — до 100, а четверугольный вал, которым он обведен — в окружности до 300 сажень. Старожилы рассказывают, что они видели еще здесь стены, столь широкие и толстые, что по ним свободно можно было разезжать тройкою, и что на западном углу вала стояла еще каменная “сторожка”, то — есть башня. В разных расстояниях от этого кургана рассыпаны другие, мелкие и едва заметные, насыпи. При раскапывании вала отрывали в нем кирпичный пол, стены и изразцовые разноцветные обломки. Внутри главного здания и за валом, отрывались во множестве человеческие остовы, довольно хорошо сохранившиеся, но украшения их истлели. Покойники лежали головами иные на юг, иные на запад; руки их были сложены не на груди, а на коленях. По остовам этим нельзя заключать, чтобы тут была мечеть, потому что в самом средоточии Сарая, их находили нередко даже под полом зданий, и около стен жилья. С очищением значительной части главного кургана, отрыли поломанный свод, упиравшийся о кирпичные столбы; по бокам оказались стены комнат, внутренность которых была завалена перерытым кирпичем, а подле стен находились сгнившие двери. У стены, обращенной на север, отрыли три кирпичных склепа, обведенных со всех четырех сторон кирпичными стенами толщиной в пол-аршина; внутренность их была обита досками, а крышею служил кирпичный же свод. Внутри одного из этих склепов лежал мужской остов в деревянном гробе; платье и доски, все истлело. В двух остальных стояли два деревянных гроба, бывшие обитыми парчею и скованными металом — каким, за переешшею его ржавчиною, сказать определенно нельзя; кажется, что серебром. В гробах этих лежало в каждом по женскому скелету. Один из них был обвернут в парчу, бархат и шелковую материю, причем голова и грудь обвиты были шелковым покрывалом, прозрачным как кисей. Все это истлело и обратилось в прах; порядочно сгнил даже самый череп остова, небольшой, кругловатый, а между тем сохранились на нем прекрасные черные волосы с длинной густой косою, лежавшей раскинутою по плечам. Другой скелет был обвернут в шелк и атлас, перегнувшие равно как и самый череп, на котором оставался всего клочок жиденьких волос. Подле этого скелета лежал остов дитяти. На одной из оконечностей вала,

нашли куски от жерновов, мраморные тумбы, мраморные карнизы, мраморные и из дикаря разбитые доски. На обломке одного камня видна половина высеченного на нем креста.

Там же, по течению речки Царевки от севера на запад, отысканы, в незначительном расстоянии от берегов ее двенадцать горнов, с пережженным кирпичем и слитками железа. Около этих горнов поделаны были водоемы, к коим проведены едва заметные каналы, и все пространство между Царевкою и главным курганом изрезано на участки, отделявшиеся друг от друга каналами; по берегу же самой Ахтубы рассыпаны мелкие курганы, в коих оказались остатки стены с полом. Под полом найдены остовы в совершенно истлевшей одежде.

Судя по веселому местоположению Колобовского Кургана и разбросанным вокруг насыпям, водоемам и каналам, можно заключать, что здесь находился загородный дворец ханов.

По прекращении, к началу июня, работ в Колобовщине, перешли в самый город Царев, где дотоле нельзя было начать раскопок по причине необыкновенного разлития Волги, потопившего почти всю местность Сарая. Здесь начали разрывать так называемый Каменный Курган. Стены его оказались сложенными из дикаря, а верх из залитого известью кирпича. Толщина стен $2 \frac{1}{4}$ аршина, пол вымощен внизу дикарем, а свод, толщиною в 1 аршин 2 вершка, весь из дикаря. По всему зданию проведены были водопроводные трубы, направленные к водоемам и каналам. Между сводом и полом поделаны круглые подвалы, на подобие пещер, в окружности от 8 до $13 \frac{1}{2}$ сажень. В этих пещерах хранилась вода, которая собиралась помощью водопроводных труб. В одном месте торчал медный фонтан. Замечательно, что весь свод здания держится силою сцепления одной смазки и утверджен на гудах дикого камня, залитого известью, окружность всего здания 48, в длину же и ширину имеет оно 12 сажень. На верхнем полу заметны обломанные стенки комнат. В девяти сажнях от этого здания, прорыты были вокруг него рвы, шириною в $1 \frac{1}{2}$ сажень, наполнявшиеся водою, и все пространство от здания до рва вымощено дикарем. За рвом находится вал, выложенный местами камнем и простирающийся в окружности на 668 сажень. Хотя на этом месте стоят теперь избы, однако во дворе их все еще местами обозначается пол из дикаря и кирпича. Вал соединен с каналами и большими водоемами. Все это вместе окружало здание; с северной же и южной сторон тянутся к нему широкие каналы, соединенные с Сахарным Озером, и все пространство между ними вымощено кирпичем. По всем этим признакам можно заключить, что здание это было укрепленным дворцом. При расчистке его не нашлось ничего, кроме мелких кусков мозаики, и Русской денежки 1730 года. Многие рассказывают, что для фундамента городской церкви в Цареве и для отвоза в селение Капустин-Яр, не очень еще давно ломали из этого кургана плиты, разбирали торчавшие еще тогда по углам башни, и сломали тут какую-то "Мамаевскую бабу", стоявшую на четырех ногах, потом, пробив в трех местах верхний пол, разобрали его и поломали трубы с фонтанами. Носится также предание, что тут доселе живет Мамай, который бережет зарытого в землю золотого коня.

По уменьшении воды, заливший внутренность Сарая, приступлено было к раскапыванию разсыпанных здесь около так называемого Большого Курга-

на, по разным направлениям, насыпей и незначительных курганов. Везде обозначались следы комнат со стенками, и внутри их печи со сводами; по бокам стен валялись горелые бревна, кучи угля и золы. Под полом лежали в склепах человеческие кости. Вся эта местность обведена рвом, кое-где выложенным кирпичем, а по рву проведены каналы. Под одним кирпичным кругом, нашли сырцовый пол и на нем новый круг, обложенный дикарем, по снятии которого открылся под ним колодез. В других насыпях отрываемы были землянки и кой-где валялись куски битой посуды. Недалеко от этих мест найдено около 13 ям, наполненных перепревшим уже зерновым хлебом: пшеницею, рожью и просом. Под стенами одного здания нашлись корки ржаного печеного хлеба. В некотором расстоянии от большого Кургана показались четыре печи, на круглых сводах, а в нескольких шагах от стены, нечто в роде отхожего места. Пол в нем кирпичный, столбчат на каменных столбах, и поверх их плита из дикаря, обложенного голубым изразцем; посредине круглая большая дыра. Раскапывая гладкую поверхность, открывали постоянно землянки, печи и куски битой посуды. Между ними нашли два медных наперсных креста, с изображением Распятия Спасителя. Между насыпями попадались разные токарной работы вещи, множество водопроводных труб, котлы, обломки стеклянной, цветной, фаянсовой и глинянной посуды, кожа, нитки, холс, поясы, обувь, парча, украшения женские, чернильницы, разные посуды, подсвечники, ночники, костяные иглы, перержавленные ножи, топоры, заступы, смола, канифоль, кольца, перстни и монисты.

За главным рвом, огибающим внутренность Сарая, раскапывали во многих местах северную сторону, где, по мнению нашему, расположено было магометанское кладбище. Тут снова находили одни остовы, иногда в кирпичных склепах, но чаще в сырцовых и весьма редко в деревянных гробах. Не только одежды, покрывавшие покойников, но и самое дерево гробов, находимы были совершенно истлевшими. Между тленом просвечивали кой-где блестящие от украшений.

Затем, произведено было разрытие могильной насыпи в Верхнеахтубинском селении, в 42 верстах от города. Эта насыпь, заросшая травой и лесом, иметь в длину — 32, в высоту — 16 и в ширину — 4 1/5 сажени. По углублении на три сажени, отрыли в ней внутренность могилы, выложенной досками, и в середине ее остов всадника на лошади. Около лошади и седока лежали куски сгнившего дерева и перержавленного железа и меди; на черепе всадника видны были блестящие и красные кружечки, съеденные временем; по бокам лежали опилки как бы от золота; у ног валялись обломки перержавленного оружия. Всадник, обращенный головою на запад, был одет в парчевую одежду, совершенно сгнившую, лошадь покрыта как-бы шелковой материей и металлическими опилками. По бокам конского остова лежали железные перержавленные кольца, ремни и шелковые шнуры (шнуры — Ред.). Остов этот держался на деревянных подпорах, которые развалились при открытии насыпи.

Между обгорелыми бревнами и золою находились часто монеты, но преимущественно отрываемы они были около одного каменного здания, которое можно было почесть за монетный двор, потому что тут попадались как самые формы для чеканки монет и другие железные, чугунные и глиняные

формы, так и плавильные чашечки с остатком в них металла. Плавильные чашечки находимы были еще и в горнах, и между многими глиняными чанами, имевшими до 3 ½ сажень в окружности. Всех монет отрыто было 8,872; большею частью были они медными, совершенно переделанные ярью. Те, которые можно было отчистить, оказались Золото-Ордынскими, битыми преимущественно в Новом-Сарае и Гюлистане.

В третий год исследования (1845), поиски производимы были преимущественно внутри Сарая; работу начали в одно время с двух больших курганов. Один из них, принимаемый мною за развалины дворца, имеет в окружности около 250 сажень, а другой, который считаю я за монетный двор, 180 сажень; оба отстоят друг от друга, наискосок, не более как в 120 сажнях. В первом отрыли внизу две комнаты, с проведенными под ними трубами, которые направлялись к колодезю и большому водоему; вверх, или во втором этаже, очищена была одна комната, стены во всех них выложены местами мозаиком. На “монетном дворе” очистили три комнаты, тут находили слитки меди, обломки от разных орудий и разбитые формы, но более всего монеты, числом до 2,000. Около этого здания откопали, в разных направлениях, три канала, имевшие сообщение как с ним, так и с окружавшими его большими водоемами. Среди мелких курганов нашли наполненную просом яму, а в нескольких сажнях от нее — комнату со сводами, в которой лежали обыкновенные лесные орехи, грецкие и миндаль. При дальнейшем раскапывании насыпи, обозначались три комнаты с водопроводными каналами, обложенные кирпичем, потом откопали колодез, из коего проведена была вода в большой канал. В другом месте обозначился свод, в виде дугообразного склепа. Внутренность его выложена кирпичем и смазана известью, объем ее — 10, ширина — 5 ½ сажень, с двух сторон свода устроены ниши, а напротив них выведено крыльцо с уступами. Подле крыльца лежал из красного мрамора столб; внутри самого склепа найдены куски разного рода орудий и между ними жемчужная серьга, скелет какого-то животного, обломки шпажного клинка и несколько монет. Из числа двенадцати других расчищенных затем насыпей, обнаружили в одной три комнаты, в коих пол выложен голубым изразцем, а по отштукатуренным стенам заметно присутствие татарских писмен. В прочих насыпях оказались землянки: в одной из них, подле печи, обрнушенной и заваленной угольем и золою, найдены в куче цветные камешки мониста; в другой — лежали сваленные в кучу перепрелая юфть и подошвы, а между ними кусочки смолы и вара, слипшиеся толстые нитки или дратва, железные тонкие острия, без сомнения, от шильев, клубок ниток, намотанный на палочке шелк, пояса, толстое полотно и куски парчи. При разрытии одного незначительного кургана, отрыли в нем склеп, длиною в 2 саж., шириною в 2 арш. 4 верш. и глубиною в 2 арш. 8 верш.; внутренность его выложена кирпичем, и по кирпичному же крыльцу выведен вход со ступенями. На одной возвышенности отрыли, между перегоревшим кирпичем и золою, прекрасной фигуры медную лампу. Вообще во всех насыпях и мелких курганах отрывались постоянно стенки от комнат, водопроводные трубы, посуда и разные домашние вещи. На ровных местах обнаруживалось тоже самое, и кроме того попадались кувшины разной величины, кадки, котлы, чаны, печи с дымовыми трубами, карнизы, гипсовые украшения, горны, изразцы мозаиковые с позолотой и с надписями, обломки цветной посуды,

в том числе два полуразбитых кувшина с татарской надписью, и белый мраморный подсвечник с прекрасно-вырезанною вокруг рельефом надписью⁴; обломки стеклянной посуды с золотыми цветами и фаянсовой; формы для разных сосудов; камни для растирания красок; краски: синяя, белая, желтая и красная; мраморные доски, колонки и тумбы; обломки ножей и заступов, подковы, рыбы удочки, замки висячие и вставные, ключики, гвозди, медные блюдечки, подсвечники церковные, весовые гири и чаши, пуговицы, бубенчики, счетные кости, камешки, употребляемые в игре, изломанные перстни и кольца, лоскутки шелковой материи и парчи, окаменелые кости разных животных, плавильные чашечки с остатками в них металла; песочницы, чернильницы, монеты, пережатая бумага и листки целой с вытесненными в ней золотыми незабудками и золотыми по краям ободками; сверху одного листа заметны писанные золотом буквы. На одном ровном месте и в одном кургане открыты в кувшинчиках серебрянные монеты, числом 1,128, битые, по-большой части, в Сарае и не ранее ханствования Узбека. Всех монет открыто в 1845 году, из разных мест — 4,446. На одной поверхности, не обнаруживавшей никаких следов здания, открыты двенадцать комнат в один ряд; по стенам их были проведены водопроводные трубы, найденные изломанными; полы выложены были местами голубым изразцем, по углам некоторых комнат видны были следы печей с остатками дымовых труб, и местами уцелела штукатурка на стенах. Вокруг этого здания находятся большие водоемы, куда были направлены его водопроводные трубы. При раскопке одного из водоемов обозначился колодез с переломленными в нем трубами: должно полагать, что это был фонтан. В нескольких сажнях от этих комнат были открыты еще три другие, небольшие комнаты.

В четвертый год исследований (1846) разрытия снова обращены были на внутренность главного гнезда развалин, и во все время работы раскапывали одну только ровную поверхность. Здесь обнаруживались: стенки зданий, разрушенных и покрытых обгоревшими бревнами и угольями; горны, печи, колодези, склепы с человеческими остовами и подвалы для складки рухляди, домашней посуды, проса, пшеницы и ржи. Местами попадались водопроводные трубы, проведенные около строений, сравнявшихся уже с землею. Повсюду откапывались во множестве: зола, уголья и пережатые бревна; кой-где попадались они кучами, вместе с разбитой посудой: кувшинами, бокалами, горшками, кадками, котлами, чугунами и жерновыми камнями. Все это свидетельствует о страшном опустошении, которому по всей вероятности, Сарай подвергся внезапно, в то время, быть может, когда князь Ноздреватый громил его в отсутствии хана Ших-Ахмеда, в конце XV столетия. Не только почти все отрываемые остатки повсеместно носят на себе отпечаток уничтожения мечем и огнем: самая земля даже находится в иных местах совершенно пережатною вершков на 10, на 12 толщиною.

На четвероугольном пространстве, имеющем окружность 210 сажень и усыпанным мелким кирпичем в ширину на 13 ½ сажень, находили во множестве: битую цветную и стеклянную посуду, чаши, чернильницы, куски кож, кожу, скроенную для сапогов и башмаков, холст, шелковую материю, одежду, — все это перегоревшее; ножи, ятаганы, шпажные клинки, топоры, заступы, сковороды, тазы, употребляемые при обрядном омовении, кочерги, трут, огнива, ножички, чугунные котлы, медные чаши, медные кубки, медные

подсвечники, костяные прутики, употребляемые при вязании, обломки от ножниц, монисты, пережженную бумагу, ночники, веревочки, березовую кору, перегоревшие циновки, плетенные из травы “куга” (которая растет в здешних местах в большом обилии), гвозди, крючья, петли дверные, замки вставные и висачие, куски перегоревшего печеного хлеба, рожь и пшеницу, орехи грецкие и обыкновенные лесные, чернильные орешки, жолуди, миндаль, изюм, чернослив, сливы, винные ягоды, сладкие рожки, персики, фисташки, гвоздику, перец, горох, бобы, сарацинское пшено и частью кофе. В трех каменных, на этом месте, подвалах лежали кучею: куски кристалла, краски: синяя, желтая, голубая, зеленая, красная и белая, кольца от хомутов и уздечек, удила, цепи железные, подковы, железные втулки от колес, смола, листы меди, оселки, точильные бруски, грифельные дощечки, камни для растирания красок, глиняные кегли и шары, медная проволока, мокрыги, сера, квасцы, соль, селитра и просо. По разнородности найденных на одном месте предметов, можно полагать, не был-ли тут базар, внутри которого могло находиться каменное складочное место для товаров, какое бывает почти во всяком Азиатском городе.

На других местах были открыты три склепа, с остатками в них человеческих остовов, с блестками от одежды и кусочками от оружия, и несколько разломанных комнат, обложенных цветным изразцем и мозаиком; пол в них был из голубого изразца, под полом находился склеп, с тремя скелетами; склеп этот был покрыт угольями, а кости перегорели до половины и подле них валялись куски сгоревшей материи. В одной из комнат были подвал и кирпичная лестница с разрушенными деревянными дверьми. По стенам и около зданий шли водопроводные трубы, направленные к окружавшим их никогда водоемам. Из нескольких печей в этих комнатах, одна была выложена голубым изразцем, около нее валялись пережженные яйца, хлеб, куриные и рыбы кости, рыба шелуха, два переломленных ножа, сковорода и конец кочерги. Подле дверей находились в кучке: миндаль, винные ягоды, сладкие рожки, изюм, грецкие орехи и 106 стеклянных монист. На одной площади, выложенной кирпичем, нашли под спудом 37 человеческих черепов; посреди их стояли два опрокинутых кувшина, и в одном из них была монета времен хана Джанибека. Можно думать, что место это занято было зданием, под полом коего устранена была, по восточному обычаю, семейная усыпальница.

При открытии в одном месте осьми горнов, один из них найден с 79 отдушинами, посредине горна стояла обвалившаяся печь; ее окружали водопроводные трубы, которые расходились по стенкам отдушин; около печи нашли несколько ночников, кувшинов, котлов и множество слитков железа, меди, плавильных чашечек и форм. Во всех остальных горнах также находили слитки металлические, куски разбитых форм и плавильных чашечек.

На плоскости, имеющей окружность 225 сажень, находили одни пережженные кости и частью битую посуду. На этом месте был вероятно селитряный завод. Вокруг плоскости донине видны большие водоемы.

В разных других местах было открыто 12 колодезей, со вложенными в них водопроводными трубами, которые были направлены к разрушенным зданиям; в двух из них валялись медные трубы, внутренность некоторых колодезей была выложена дикарем, а наружная сторона кирпичем.

Из вещей, были находимы некоторые не встречавшиеся в предшествующих годах, вообще-же гораздо большем числе и в лучшем виде, именно: водопроводные трубы, изразцы цветные, мозаиковые, с следами надписей и позолоты; карнизы, обломки от мраморных досок и от колонн, котлы, ведра, кадки, кувшины разного вида, в том числе два в роде ваз: один шоколадного цвета, другой узорчатый бело-голубой, третий круглый с надписью вокруг его из голубой лазури; бокалы палевые, зеленые, голубые и кирпичного цвета; чаши с заклинательными начертаниями, чашечки фаянсовые и стеклообразные; горшки обыкновенные, поливняные и голубые; чернильницы разноцветные и с узорами: одна из них с надписью вокруг, а другая с чернильной ветошью внутри; перетлевшая бумага, свинцовая печать с изображением на ней тигра; плавильные чашечки с остатками в них металла, формы для отливки разных вещей, весовые медные чашечки, фунтовые доли, голвка от безмена, медные иготи, обухи, серпы, пилы, скобели, ночники, подсвечники, лампы, кольца, перстни: из них два золотые, три позолоченные; наперстки, медные серьги, подвеска позолоченная от серьги, пуговицы, бубенчики, детские свистки, счетные кости, две медные пули, два медных наконечника от стрел; стеклянная битая посуда, украшенная цветами и позолотой; фаянсовая и форфоровая битая посуда с изображением на ней цветов и птиц; тарелки поливняные, бутылочка, флакончик, два медных кубка, медное изображение быка; медные донышки вроде блюдец с разными украшениями: на одном находится изображение в виде креста, на других представлены слоны, а на некоторых готические украшения; мраморная пилястра с татарской надписью; отломок бело-синеватого мрамора с изображением на нем оленя и вокруг его остатками татарских слов; две полированные дощечки, кажется яшмовые; серебристая шпилька, украшенная львом в сидячем положении — прекрасной работы; половинка позолоченного браслета с вырезкою на концах его тамги, какие находятся на монетах Джучидских ханов, окаменелый хлебец (?); какой подается в рамазан бейрам мулле, за прочтение им молитвы в доме правоверного; окаменелый кусок медовых сотов (?), между коими виден местами окристаллизовавшийся белый мед; два наперстных, из составного металла, креста: на одном изображено Распятие, а вверху его вырезан крестик, на другом тоже Распятие, а на обороте его молящаяся Божия Матерь, весь крест усыпан мелким белым жемчугом; буквы же на нем: I.I.X.P. (Иисус Христос) и M.P.O.V. (Божья Матерь), крестики вверху изображений и самые изображения Спасителя и Божьей Матери, вылеты из стекла; — круглое перламутровое украшение, на коем изображены: посредине кувшин, по бокам его секира и алебарда, над ними русские буквы: I.I.H.; вверху корона, а внизу кувшина лавровая ветвь, — обломок церковной рипиды,⁵ монисты разноцветные, монеты, числом 2,777, все Золото-Ордынские; наконец, игорные камешки, коньки, бабки, и несколько игорных зерен.”

Разрытия продолжаютя и в текущем 1847 году. Недавно увенчались они находкою сосуда из чистого золота весом в 2 фунта 8 золотников и серебряного блюда формою своею более похожего на сковороду, весом в 2 фунта 86 золотников. На золотом сосуде, имеющем вид обыкновенной деревянной чашки с ручками, употребляющейся в нашем простанародье, находится на дне, изображенное арабскими цифрами, число 163, вероятно, означющее

вес сосуда в арабских гранах; надписей же никаких нет; на блюде, напротив, есть Татарская надпись, которую можно читать так: *беш сом таки йигирми нукрат мискаль ярым*. Вероятно, это также означение количества и ценности металла в блюде. Когда сделана одна такая находка, можно ожидать и других подобных, не только замечательных по ценности металла, но и важных, может быть, в археологическом отношении, вроде, например, золотой короны хана Джанибека, отрытой здесь несколько лет тому, неизвестно кем, и неизвестно каким образом попавшейся в великогерцогский кабинет восточных древностей в Йене, где она хранится.⁶

Примечания:

¹ ЖМВД, ч.IX. стр.189-219, 440-481 и ч.X, стр.3-31.

² ЖМВД, ч.II, стр.426-430. Затем, в ч.IV, стр.112-130, 279-298, ч.VII, стр.290-295 и ч.VIII, стр.294-318, помещены почти полные дневники разрытий за два первые года, 1843 и 1844.

³ Присем, для большей ясности, прилагается и план главного гнезда Сарайских развалин, в их настоящем виде, снятый по поручению г.Терещенка, землемером г.Васильевым.

Прим. ред.: В настоящем издании названный план отсутствует. С ним можно ознакомиться в работе: Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Рис.53.

⁴ Не знаем, подсвечник ли эта мраморная вещь, что-либо другое, а надписи на ней Арабские: вверху — *эль-музаффер, эль-мансур, эль-муджагид, эль-мурабит*, то есть: “победоносный, боговспомоществуемый, воитель неверных и устроитель порядка”; внизу, крупнее — *эд-доуле-уаль-иззь-эд-даим уаль-афдаль-эс-селамаэ*, то-есть: “[да будут] владычество и величие [твое] постоянно, и [да наслаждается] совершенную безопасностью”. Почерк надписей — сьюльс. — Прим. ред. 1847г.

⁵ В том, что г.Терещенко считает за обломок рипиды, видим мы обломок восточного металлического зеркала. — Прим.ред. 1847г.

⁶ См. Die grozberzogliche morgenlandische Wanzbammlung in Jena, von Jtictel. Jena, 1846. — С.8.

Франс Баллод Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (результаты археологических работ летом 1922 года)*

Историко-географические данные

“Три века с половиною прошло лишь с тех пор, как меч и политика... Иоанна III нанесли последний удар существованию... Зол. Орды...” а мы в настоящее время, как ни бьемся, не можем уже собрать о бывших властителях Руси никаких удовлетворительных сведений... А о столице Золотой Орды, о знаменитом Сарае, мы не знаем даже наверное, к каким бы развалинам могли приурочить это громкое имя”, так писал в 1854 году В.В. Григорьев.¹

Прошли три четверти века, и едва ли мы знаем больше о Золотой Орде, чем знал Григорьев; работы его и других исследователей середины 19 века попрежнему являются настольными книгами для работающих по изучению Золотой Орды; а раскопки полковника Терещенко в районе г. Царева² только нагромодили материал, который должен быть расшифрован. Раскопки Рыбушкина, Спицына и других в с.Селитренном прошли почти вовсе бесследно.³ Вопрос о том, являются ли Царевские и Селитренские развалины “Сарайскими”, существовала ли одна столица “Сарай”, или мы имеем дело с двумя городами “Новым” и “Старым Сараем”, — был подвинут лишь относительно. Не расшифрованы существенные моменты истории З. Орды и ее культуры, споры по топографии З. Орды продолжаются, хотя Терещенко

* Печатается по: *Баллод Ф.В.* Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. — Казань, 1923. — 62 с., 30 илл. (табл.-рис.).

Несмотря на то, что книга Ф.Баллода, с точки зрения достижений современной археологии, несколько устарела (срок работы всего в 35 дней по исследованию остатков двух огромных городов, отсюда недостаточные сведения для определения исторической и социальной топографии Нового Сарая, некоторые другие выводы по истории материальной культуры), эти первые и последние археологические исследования обоих Сараев в довоенный советский период представляют немалый научный интерес. При Баллоде были еще хорошо заметны наземные следы оборонительных укреплений, остатков больших сооружений (общественных, жилых, гидротехнических), большие скопления изразцовых и простых кирпичей, художественной керамики, китайского селадона и т.д. Часть этих памятников, среди них горны и строения, удачно раскопаны автором книги. Весьма ценны сведения Ф.Баллода о существовании на ново-сарайском кладбище эпитафий, в том числе и памятника XVI в., в целом его данные о средневековых некрополях с кочевническими погребениями, мусульманскими дюрбе-мавзолеями, о новых кладах и находках джучидских монет, особенно с территории Старого Сарая (Селитренное городище). Исследование Франца Баллода (окончание его публикации см. в след. номере журнала) знакомит нас с богатым историко-культурным миром Золотой Орды и ее столичных городов. Некоторые особенности орфографии и транскрипции, а также оформление научного аппарата оставлены в авторском варианте. — Ред.

** Здесь неточность. Золотая Орда распалась не при “ударах” Ивана III (годы правления 1462-1502), а раньше — в 30-40-х годах XV в. В этом случае приходится говорить о Большой Орде, образованной, наряду с другими татарскими ханствами, после падения Золотоордынского государства. Именно Большой Орде (1434-1502), как считается в русской историографии, Русь перестала платить дань после известного “Стояния на Угре” 1480 г. — Ред.

“местность Сарая была подвергается раскопке во всех возможных направлениях: не только окрестности бывшей столицы”, сообщает он,⁴ — “но решительно все средоточие его и магометанское кладбище, не остались без раследования”. Вопрос о Гюлистане и Новом Гюлистане еще недавно⁵ вызывал горячие споры среди востоковедов (В. К. Трутовский и Н. В. Веселовский) и вопрос этот остался так же открытым, как и после решения Григорьева: “С большею уверенностью, пригородом Сарая, или отдельным дворцом невдалеке от него, или даже небольшим городком, в некотором от него отдалении следует почесть Гюлистан”,⁶ или “Новый Гюлистан может быть новый загородный дворец и совсем в противоположной стороне от того места, где стоял перенец этого имени...”⁷

Еще требуется много добросовестной работы на местах, должны быть отысканы подземные архивы в виде остатков городских строений, чтобы прояснился туман, который поныне окутывает вопросы, касающиеся Золотой Орды.

В настоящем очерке мне хотелось бы поделиться теми соображениями, которые у меня появились после изучения материала печатного и археологического в связи с экспедициями, организованными мною в 1922 году в районы гор. Царева и села Селитренного.

Григорьев, критикуя своих предшественников по изучению Золотой Орды, доказывает, что “кроме Сарая, столицы Золото-Ордынского Ханства, не было б том же Ханстве никакого другого города этого имени (за исключением Багче-Сарая в Крыму)”, что “Новый Сарай находился там же в Царевых-Падах и был, вероятно, не пригородом Старого Сарая, а дворцом внутри или в предместьях его”. Так или почти так думали и Френ⁸ и Гаммер⁹; только едва ли правильно мнение Френа, что доказательство в пользу отождествления древней столицы с Царевскими развалинами можно почерпнуть у Ибн-Арабшаха, и мнение Гаммера, если оно так понимаемо, что это развалины близ с. Селитренного. Мне кажется, что более прав был Саблуков,¹⁰ устанавливая существование двух столиц: более древней — Старого Сарая, развалины которой сохранились вокруг села Селитренного, и более новой — Нового Сарая, развалины которого были обследованы Терещенко в Цареве.

Мысль Саблукова не оригинальна, она лишь развивает идеи Мюллера.¹¹ Небезинтересно, что она была подхвачена теми из современных археологов, которые изучали развалины Царева и села Селитренного на месте.¹²

На самом деле, в 1254 году был в Сарае Рубрук,¹³ который называет город — “новопостроенным”. Позднее, в 1261 году, Сарай очевидно считается первенствующим золотоордынским центром: здесь митрополит Кирилл учреждает отдельную русскую епархию.¹⁴ Основан Сарай Батыем “недавно”, как говорит Абульфед¹⁵; это — “город великий, столица государства Татарского”... “лежит к северо-западу от моря Хазарского, которое находится от него в расстоянии около двух дней пути к юго-востоку; река Итиль протекает подле города ...; Сарай расположен на берегу Итиля с северо-восточной стороны; это один из больших транзитных пунктов”. Доводы Григорьева¹⁶ в пользу мысли, что Сарай был основан Батыем между 1242 г. и 1254 г., т. е. после возвращения из Венгерского похода, когда Орда водворилась в низовьях Волги, и до путешествия Рубрука, — достаточно убедительны, на них останавливаться я не стану; Гаммер, относя основание Сарая к последним годам жизни Батыя, к 1256 г., явно ошибается.¹⁷ Первая битая в Сарае монета относится к 1266 году.¹⁸

Берке “оказывал покровительство науке и ученым”; при нем, по Ибн-Арабшаху¹⁹ — “Сарай сделался сосредоточием науки и рудником благодатей, и в короткое время в нем набралась добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников”. Таким образом Саблуков,²⁰ видимо, прав, утверждая, что Берке, покровительствуя ..искусствам, украсил столицу зданиями...” Погиб этот построенный Батыем и расширенный Берке Сарай, вместе с другими золотоордынскими городами, когда в 1395 году — по словам Шериф-Эддина, — Тамерлан по взятии Астрахани, двинулся к Сараю, зажег его, обратил в пепел”.²¹

Хочется верить, что развалины села Селитренного хранят единственный ответ на вопрос, где находился Батыев Сарай; во всяком случае не противоречат этому предположению слова Абульфеды о “двух днях пути от моря Хазарского”, ,, ибо расстояние от Астрахани до села Селитренного действительно соответствует им. Если это так, то возможно, Сарай с.Селитренного не был вовсе брошен населением после разрушений Тамерлана, ибо Казанская летопись повествует о разграблении “Юрта Батыева” князем Василием Ноздреватым при Иоанне III. И по-видимому о Сарае села Селитренного говорит также Никоновская летопись²²: “Большая Орда им (Иоанном III) порушилась, и почали Цари Ордынские жить в Асторохани, а Большая Орда опустела, а место ее области близ Асторохани два днища по Волге вверх, именуется Сарай Большие”. В таком случае Сарай села Селитренного в последние годы существования Золотой Орды вновь стал играть более видную роль. Во всяком случае “Сарай Большие” предрешают существование каких-то других “Сараев” — “малых”, “старых”, “новых” или других.

“Старинный Селитренный городок”, говорит Паллас,²³ — “стоит на середине цепи холмов, на десять верст простирающейся, на коем вдоль по Ахтубе, в ширину на версту или на две, ничего не видно, кроме щебня и следов от зданий или кирпичом выкладенных рвов... Но корыстолюбие черни, давно уже преобразило достопамятные остатки древности в груды камня. Доселе целые суда нагружали кирпичом и переводили в Астрахань”...²⁴ Эти слова Палласа вполне совпадают с данными рукописного описания Астрахани²⁵: “Апреля в 10 день 1631 г., в царствование Михаила Федоровича, при воеводах: Салтыкове и Житове, при дьяках Смывалове и Трофимовиче, застроена Астрахань каменной, князем Оболенским, Хохловым да дьяком Патрикеевым; велено кирпич брать на Ахтубе, и Ханскую мечеть и дом ханский сломать, чтобы было на построение довольно, как белого камня, так и железа от Ахтубы”.

И вот мимо этого города,²⁶ ныне превращенного в “груды камня”, плыл тот купец Абульфеды, согласно рассказа которого: “встретили в море, лес камышей, но кормчий наш знал в нем дорогу; пробравшись сквозь камыши, выехали на реку, одну из тех, на которые разветвляется Итиль, и плыли ею до местечка, называемого Эски-Юрт, что значит по арабски Старое Селище, а от местечка этого опять пустились в путь по Итилю, и ехали, пока не приехали к Сараю”.²⁷ Итак, когда писал Абульфеда, т. е. в двадцатых годах XIV века, уже была основана новая столица “Новый Сарай”, а Старое Селище (“Старый Сарай”) стало превращаться в провинциальный город, где за отсутствием двора — купцы полагали, что не стоит долго останавливаться и показывать свои товары. Ибн-Арабшах (1389-1450), побывавший лично в городах Золотой Орды, повествует, что “между построением Сарая и разруше-

нием тамошних мест (прошло) 63 г.”,²⁸ т. е. относит основание Сарая приблизительно ко времени около 1330 года (1395-63=1332). Другими словами, согласно данным Абульфеды, в ханствование Узбека (1312-1340) существовала новая столица (“Новый” Сарай), заменившая “Старое Селище” и расположенная севернее Эски-Юрта, т. е. Батыева Сарая; и в дополнение к сему, сведения Ибн-Арабшаха гласят, что новая столица, “Сарай”, была построена Узбеком. Используя цифровые данные, приходится прийти к заключению, что Новый Сарай был построен между 1320 (Абульфедой) и 1332 годами (Ибн-Арабшах). Во всяком случае Узбек скончался в Новом Сарая.²⁹ Такой датировке основания Нового Сарая в царствование Узбека лишь противоречили бы те сведения Григорьева, согласно которым древнейшая битая в “Новом Сарая” монета относится ко времени Токтогу, ³⁰ к 710 году (=1310-11); но может быть, противоречие можно было бы понимать так, что Новый Сарай, существовавший и ранее, как населенное место, и имевший со времени Токтогу свой монетный двор, — с 20 годов XIV века, т. е. со времени Узбека, стал столицей Золотой Орды. В пользу такого толкования говорили бы данные Эль-Омари, что Сарай построен Берке-ханом,³¹ если конечно, у Эль-Омари, а равно Ибн-Арабшаха,³² не переплетаются и не спутываются сведения о “Новой” и “Старой” столицах. На вопрос, где должно отыскивать эту вторую столицу, “Новый Сарай”, возможно найти ответ в книге Большого Чертежа³³: “А по реке по Ахтубе, на 90 верст от Царицына, — Золотая Орда, мечети татарские каменные...”; сведения Ибн-Батуты о 10 днях пути от Укека до Сарая едва ли могут считаться более ценным указанием.

“Сарай лежит на берегу реки, отделяющей от Итиля”, — рассказывает Ибн-Арабшах. Действительно, на берегу Ахтубы, приблизительно в 90 верстах речного пути, вокруг города Царева (см. табл. 1), — лежат одни из наиболее крупных известных нам развалин золотоордынского города, не один раз описанные путешественниками; развалины лучше всего обрисованы Леопольдовым³⁴: “Начинаясь подле Безродного (или Верхнеахтубинского),” говорит он, — “тянутся развалины верст на 70 по самому гребню сырта до села Пришиба... Развалины сии то часты, то редки, то велики и обширны, то малы и незначительны... Далее, от села Пришиба, через город Царев, почти до деревни Колобовщины, видны на 15 верст развалины почти сплошные и большею частью огромные. Это остатки бывшего города. Место здесь представляет довольно возвышенную долину, которую перерезывают 4 речки: Брики Тутовый и Раковский, Кальгута и Царевка... С востока осеняет долину довольно крутой и высокий сырт. Бугры обрубленных зданий разбросаны везде, по самому сырту, по предгорьям и у подошв его... Трудно заметить правильность в расположении некогда существовавших здесь улиц; однако она обнаруживается некоторым образом против Сахарного Озера, и там где стоит нынешний город Царев. Чаща строений тянется по Кальгуте к сырту; к селению Пришибу развалины становятся реже, дворцы и сады просторнее. Развалины по речке Кальгуте сплошны и обширны. Посредством проведенных из нея каналов поливались в сады и наполнялись бассейны”... — “Один из величайших городов по положению своему и населеннейший по количеству народа” — разве не соответствуют эти слова Ибн-Арабшаха³⁵ описанию Леопольдова? Ибн-Батута, совершивший свое путешествие по Востоку с 1324 по 1353 год и посетивший Золотую Орду при Узбеке в 1333 году, разумеется, описывает именно громадный Царевский Сарай, сообщая, что “город Сарай из красивейших городов, достиг-

ших чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами... В нем 13 мечетей для соборной службы”.³⁶ “Сарай-город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, место, куда направляются товары... посредине его пруд, вода которого из этой реки (Итиля)”, говорит Эль-Омари.³⁷

“Один из величайших городов, с 13 соборными мечетями, расположенный на ровной земле”, “посредине его пруд, вода которого из этой реки”: это все слова, которые не противоречат описанию Леопольдова. Царевские развалины действительно расположены на ровной долине у подножия степного сырта; они громадны, достигают площади не менее 48 квадратных верст; посредине их Сахарное озеро (а также Солончатое), вода которого из Ахтубы.

Развалины села Селитренного, как говорит Спицын: “раскинулись на 8 холмах”, хотя также “на расстоянии свыше 12 верст”. Старый Сарай, как видно из цитированных слов,³⁸ не соответствует картине столицы Узбека, нарисованной арабскими авторами. И, может быть, повторное доказательство в пользу существования двух Сараев, “Нового” и “Старого селища”, возможно почерпнуть у того же Эль-Омари, который называет Сарай — “городом великим”, а в другом месте повествует: “Столица тамошнего царя — Сарай; это небольшой город между песками и рекою”.³⁹ Пребывающий там теперь султан его, Узбекхан, построил в нем медресе для науки, потому, что он очень предан науке и людям ее”. При Узбеке были две столицы на Ахтубе, первую из которых Узбек чтит, как город Батыя, древний центр Золотой Орды, который однако он потом заменяет “Новым Сараем”, получившим при преемнике его Джанибеке еще большее развитие, если верить нумизматическому материалу.⁴⁰

В районе села Селитренного копали Рыбушкин⁴¹ и А. А. Спицын⁴²; Царевские развалины Нового Сарая были обследованы, как уже говорилось, полков. Терещенко. Терещенко же удалось обнаружить следы последней борьбы за власть, борьбы между Тохтамышем и Тамерланом, которая завершилась разрушением также и Нового Сарая; Терещенко нашел среди развалин: “один остов без рук, а ноги поперек туловища... другой без черепа, все кости, за исключением рук, как бы изрублены в мелкие куски... вдали от них несколько других остатков иные без черепов, другие, без рук и ног”⁴³... Так действовала безжалостная рука победителя, “обратившего Сарай в пепел”, “погнавшего жителей перед собою, как стадо баранов”...

После Тамерлана Сарай влачил жалкое существование, в последний раз имя “Нового Сарая” чеканится на монетах хана Довлет-Бирди, в первой половине XV века.⁴⁴ Но все же город продолжает существовать и после Довлет-Бирди, как подобное было отмечено и для Старого Сарая: тому свидетели набег 1472 года⁴⁵ и найденные полков. Терещенко монеты.

Итак, в 110 верстах от Астрахани находился Старый Сарай, первый золотоордынский Центр в низовьях Поволжья, — “Старое селище”, основанное Батыем, позднее, возможно, вновь столица Орды, именовавшаяся “Большими Сараями”; в 350 верстах от Астрахани возник, вероятно, при Берке и стал столицей при Узбеке -Новый Сарай, “величайший из городов Золотой Орды”, о котором столь красноречиво говорят монеты, найденные Терещенко, преимущественно битые именно здесь, в Новом Сарае.

Отчеты о раскопках Терещенко, к сожалению, опубликованы в виде крайне краткого, почти схематического перечисления обнаруженных строений и

найденных памятников, поэтому они лишь немного дополняют в отношении топографии описание царевских развалин Леопольдовым. Раскопки в районе села Селитренного вообще были лишь незначительных размеров.

Это обстоятельство и побудило меня организовать две экспедиции: в район города Царева и в район села Селитренного (о них будет речь в дальнейшем), чтобы вопросы о золотоордынских столицах, после проверки на месте, можно было решить, наконец, если не окончательно, то во всяком случае более верно. Здесь считаю долгом принести глубокую благодарность Татнаркомпроу, ассигновавшему средства и вообще содействовавшему мне в моей работе.

Развалины Нового Сарая.

10 июня 1922 года я выехал в Царев, через Царицын, вместе с Б.В.Зайковским и инженером А. И. Горшениным; 21 июня мы закончили работы в Цареве и 22 июня 1922 г. уехали оттуда обратно в Саратов, куда приехали 24 июня 1922 года.

При содействии А. Х. Абубекерова и Р. М. Кайбелова, на средства частью мои личные, частью ассигнованные Царевским Волисполкомом были приглашены рабочие, татары, в течение двух дней помогавшие нам в наших археологических изысканиях.

Развалины золотоордынского города под Царевом и вокруг него занимают площадь до 12 верст длины от Мадяевки до Царева (включительно) и не менее 4 верст ширины от Ахтубы и ее рукавов до высокого степного сырта к востоку от ахтубинской долины, на котором сохранился некрополь. Площадь, в общем совершенно ровную, прорезают несколько речек, из которых Кальгута и Царевка являются наиболее значительными, несколько прудов и ныне значительно высохшее Сахарное озеро оживляют ландшафт, который можно было бы назвать степным, если бы не бугры, громадные ямы и каналы, — которыми пестрит весь район от Маляевки до Царева. Местами определенно намечаются как бы следы древних улиц; почтовый тракт от Маляевки и почти до Кальгуты пролегает по такой прямолинейной и довольно широкой “улице”, бугры по обе стороны от которой представляют следы древних строений. Почти непосредственно за Кальгутой и не доезжая Царева бугров становится столь много и бугры эти столь неправильной формы и с зияющими ранами в виде более или менее глубоких ям, что повидимому именно здесь, приходится предполагать, главные работы Терещенко и добычу кирпича ранее, да и ныне еще крестьянами и даже городом. В самом Цареве, на базарной площади, около “новой больницы” и во дворе “новой гимназии”, построенных недавно уездным земством, лежат горы золотоордынского кирпича, частью поливного; фундаменты упомянутых зданий сложены из него же. В общем, всю площадь Царевских развалин можно разбить на отдельные районы, разные по содержанию и назначению (см. рис.1).

Район II.

Район центральный (II) еще ныне сохранил следы окружного вала и канала, достигающие до 5900 арш. длины; район, имея грушевидную форму, напоминает почти треугольник с вершиною к югу. Ширина вала от 12 до 15 аршин; ширина канала от 15 до 18 аршин, глубина до 3 арш. Весь район разрезан 2 каналами на 3 части. Северную (меньшую) часть района отделяет от средней канал, более узкий и менее глубокий (около 2 аршин).

Значительно засыпан, вообще плохо сохранился канал, отделяющий наиболее южную часть всего района; но именно здесь возвышаются громадные бугры и заметны следы искусственных водоемов. Кажется, что на южном возвышенном мысу этой части района уцелели следы какого-то грандиозного строения из кирпича, некогда богато украшенного поливными кирпичами и мозаикой. Площадь 400х200 арш., по-видимому, составляла одну усадьбу, в восточной части которой посредине двора возвышался дворец (?); ряд служб отделял эту парадную часть от сада; двор и сад имели водоемы. Дворец, расположенный осью с востока на запад, был не менее 60х40 аршин величины; два водоема — круглые, еще ныне глубины до 4 аршин и 15 аршин диаметром. В северной половине южной части района сохранился большой водоем, 75 арш.х24 арш., при глубине в 3 1/2 аршина. Водоемы соединены друг с другом каналами, и каналом же обведена усадьба предполагаемого дворца. Используя изданный Григорьевым план “Части местности Царевского уезда Саратовской губернии, где находятся развалины Золотой Орды, по левому берегу реки Ахтубы” и изданный им же текст Терещенко “Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая”⁴⁶ кажется, необходимо предположить, что именно об этом дворце трактует и Терещенко: он здесь “открыл внизу: две комнаты с проведенными под ними трубами, которые направлялись к колодезю и большому водоему; вверх или во втором этаже очищена была одна комната, стены во всех них выложены местами мозаиком”. В 120 саженьях от этого дворца Терещенко откопал “монетный двор” — “три комнаты, в которых были обнаружены слитки меди, обломки от разных орудий и разбитые формы, но более всего монеты числом до 2000”. Около этого здания Терещенко “откопал три канала в разных направлениях, имевшие сообщение как с ним, так не окружавшими его большими водоемами”. Все это соответствует картине развалин в южной части II района, которая — это видно и из дальнейшего текста Терещенко — по-видимому вся была занята строениями, имевшими отношение к ханскому двору: даже придворные сапожные мастерские с “кучею перепрелой юфти и подошвы” и портновские мастерские с “нитками, намотанным на палочку шелком, поясами, толстым полотном и кустами парчи”, — удалось обнаружить Терещенко наряду с амбарами и погребями.

Средняя часть II района, на поверхности которой нами было собрано значительное количество образцов голубого поливного кирпича изразцов, мозаики и разнообразной керамики, поливной и без поливы, а также целадона и каменных котлов, по-видимому, была занята более или менее богатыми строениями, ныне здесь сохранилось наибольшее количество бугров. Эту часть снабжала водою сложная сеть каналов с водоемами; в свою очередь поставлявшими воду в отдельные дома. Здесь начались раскопки Терещенко в 1843 году,⁴⁷ причем “в одном кургане открыли стену, убранную мозаиком и голубой пол; в другом — несколько стен с остатками комнат, в коих пол был выложен мозаиком и шестиугольными кирпичами; в третьем — пять комнат с небольшими стенами и обыкновенным кирпичным полом” и т. д. Сохранились следы фонтана, “проведены трубы” из водоемов и каналов в дома. Были найдены: керамика, “мраморные куски, перержавленное железо, детские свистки, перержавленная сталь и медь, обломки оружия... кольца, перстни... светильники и медные весовые чашечки... чернильницы, стеклянно-серебристый флакон” и др. Здесь же работал Терещенко и в следующие годы

и обнаруживал следы деревянных строений.⁴⁸ Хочется верить, что это “главное гнездо развалин” являлось центром города, где проживала знать: “Местопребывание царя там (в Сарае) большой дворец, на верхушке которого находится золотое новолуние, весом в два кинтаря египетских; дворец окружают стены, башни, дома, в которых живут эмиры его”, говорит Эль-Омари.⁴⁹ Действительно, если Терещенко, на самом деле откопал дворец хана, в южной части района, средняя часть района, находящаяся также под защитой общего для II района вала и обводного канала и отличающаяся богатой отделкой строений, могла соответственно словам Эль-Омари, служить кварталом “для эмиров хана”, т. е. для социальных верхов.

На поверхности северной части II района мы обнаружили большое количество шлаков; на кирпичках развалин возможно наблюдать следы огня. Терещенко, во “внутренности главного гнезда развалин” были обнаружены “горны, печи”; слова Терещенко о раскопках (в 1846 г.) “одной только ровной поверхности” вполне соответствуют характеру северной части района II, профиль которой глаже, ровнее. Найденная нами медная трубочка с серебряной инкрустацией, по-видимому, свидетельствует, что горны и мастерские этого района работали дорогие вещи, для той же знати, а потому естественно были построены под защитой вала, хотя и отделялись от жилого квартала каналом.

Район III.

Район III, к югу от II и ниже его; он непосредственно примыкает к Сахарному озеру и частично заливается весной. Поверхность его в общем менее ровная; выделяются отдельные бугры. С запада его ограждал вал и канал; на востоке он сливается с районами IV и I (ныне город Царев). Сохранились следы нескольких глубоких каналов, соединяющих канал обводный района II с Сахарным озером; наиболее значительный из этих каналов еще ныне достигает 4 аршин ширины и 2 аршин глубины. Сохранился также искусственный бассейн, в бытность нашу, в июне, в Царево наполненный водою; размеры его 240x80 арш. при глубине не менее 3-4 арш.; бассейн этот снабжался водою из обводного канала района III. По-видимому здесь раскопал Терещенко “каменный курган”.⁵⁰ “Стены его оказались сложенными из дикаря” — говорит Терещенко, — а верх из залитого известью кирпича; толщина стен 2 1/2 арш., пол вымощен внизу дикарем, а свод толщиной в 1 аршин 2 вершка, весь из дикаря; по всему зданию проведены были водопроводные трубы, направленные к водоемам и каналам; между сводом и полом наделаны круглые подвалы, на подобие пещер, в окружности от 8 до 13 1/2 сажен, в этих пещерах хранилась вода; в одном месте торчал медный фонтан...; на верхнем полу здания (36x36 арш.) заметны обломанные стенки комнат; вокруг здания прорыты рвы, за рвом находится вал, выложенный местами камнем; вал соединен с каналами и большими водоемами; все это окружало здание, с северной же и южной сторон тянутся к нему широкие каналы, соединенные с Сахарным озером...” Вблизи были обнаружены “следы комнат с стенками и внутри их печи со сводами, по бокам стен валялись горелые бревна”. В 13 ямах нашли “перепревший зерновой хлеб: пшеницу, рожь, просо”. Между насыпями попадались “множество труб водопроводных, обломки пасуды, кожа, нитки, холст, поясы, обувь, парча, украшения женские, чернильницы... канифоль” и др. По-видимому, в этом же районе

Терещенко откопал и “базар” внутри которого могло находиться каменное складочное место для товаров”⁵¹; — здесь были найдены:... “орехи грецкие и обыкновенные лесные, чернильные орешки, желуди, миндаль, изюм, чернослив, сливы, винные ягоды, сладкие рожки, персики, фисташки, гвоздика, перец, горох, бобы, сарацинское пшено и частью кофе; в трех каменных подвалах кучею куски кристалла, краски: синяя, желтая, голубая, зеленая, красная и белая... смола, листы меди... медная проволока, мотыги, сера, квасцы, соль, селитра и просо”. Невольно вспоминаются в связи с сим слова Ибн-Батуты: “Купцы же и чужеземцы из обоих Иранов, Египта, Сирии и др. мест живут в особом участке, где стены ограждают имущество купцов” ... и — “каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их...”⁵² Нам придется установить особый “торговый район” столицы Золотой Орды. Хочется верить, что это район III, наиболее близкий к Ахтубе, непосредственно примыкающий к Сахарному озеру. “Сарай-город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, место, куда направляются товары.. посредине его пруд, вода которого из этой реки”, говорит Эль-Омари.⁵³ Вот эти слова более всего подходят к району III, который наряду с I, в силу своего местоположения, первый должен был предстать перед глазами путешественника. И небезинтересно, что именно в этом районе находят много монет. На кладбище, в центре района, при рытье могил находили “сотнями” серебряные монеты.

Район I.

Район I, ныне занятый городом Царевым, более не поддается изучению: он весь застроен. Предание указывает в этом районе, на месте, где позднее был построен храм, могилу Михаила и Феодора Черниговских. На площади, перед Исполкомом (вблизи храма), будто бы сохранилось древнехристианское кладбище: “было найдено богатое погребение женщины в парчовом одеянии с крестом на груди, на голове был золотой кокошник с висюльками...” Невидимому, под восточной половиною города действительно сохранилось древнее кладбище, но западная половина Царева явно выстроена на месте древнего жилого района. “Город Царев стоит весь на развалинах”, говорит Леопольдов⁵⁴: “они рассеяны здесь везде — по дворам, в огородах, в садах, под домами; улицы идут по фундаментам, пересекают валы и канавы; есть развалины, в которых подземелья, выходы и прежние укрепления еще целы и не раскопаны...” Недавно, по сообщению местных жителей, близ здания Исполкома, был обнаружен сводчатый тоннель до 2 аршин ширины и 2 арш. высоты, вероятно, служивший водопроводной магистралью.

Быть может в этом I районе следует искать остатки “русского квартала”, раз существовал в Сарае русский епископат, раз приезжали в Орду и долго оставались здесь представители русской земли. Да и Ибн-Батута определенно говорит о русских, жителях Сарая,⁵⁵ а вообще в районе Царева находят много образков и крестиков. Местное население помнит на западной окраине города развалины значительных размеров; несколько больших бугров сохранились еще ныне. Возможно поэтому предположение, что также некоторые административные учреждения Золотой Орды могли помещаться рядом с “русским кварталом” или наоборот, что русский квартал вырос вблизи тех учреждений, куда надлежало обращаться по делам русских областей. Вообще же нельзя не отметить, что именно на западной окраине этого района сохра-

нились развалины, которые приурочивают к древней русской церкви. На северо-западной окраине района сохранились следы вала.

Район IV.

Район IV, к востоку от центра (района II), по-видимому, был занят значительным количеством больших и малых строений, расположенных среди садов или дворов, окруженных каналами, а иногда даже и валами. Иногда такие усадьбы как бы образуют островки, намеренно отделенные от остальной площади. В более северной части района бугры меньших размеров; находимые образцы керамики бедные. Вообще же на площади этого района нами было найдено меньше обломков поливного кирпича и мозаики, а также целадона и обломков каменных котлов, чем, например, в центре. С востока район окаймляет один из наиболее глубоких каналов, еще ныне наполненный водой.

Район V.

Район, к северу от центра, района II, расположен вокруг системы бассейнов, которые питаются водой из громадного водоема на сырту, с которым соединены двумя каналами. Бассейны вырыты на склоне сырта, покатога к югу; их всего 13 (см. рис.2). Расположены они в четыре ряда или яруса, каждый более южный ниже предыдущего (см. рис.3). Бассейнов в первом ряду, считая от сырта — 2, во втором — 3, в третьем — 5, в четвертом — 4. Размеры бассейнов: I ряда — 75x48 и 72x48 арш., оба глубиною в 6 аршин; второго ряда — 150x105 арш., глубиною в 6 1/2 арш., 111x30 арш., 450x150 арш. глубиною в 6 1/2 арш., III — 90x36 арш., 90x51 арш., 321x81 арш., 243x171 арш., 150x60 арш. все глубиною в 6 арш., IV — 219x75, 161x99, 165x120, 300x99 глубиною до 4 1/2 арш. Бассейны, разделенные дамбами, сообщались шлюзами (см.рис.4). Вообще же, благодаря напору, который получался в итоге падения воды с яруса на ярус, — бассейны являлись не только сборным источником для водоснабжения города, притом позволяющим отпуск любого количества воды, но также движущею силою для тех заводов, которые были устроены около дамб. Крестьянами была здесь найдена половина железного приводного колеса весом около 9 пудов и в 2 аршина диаметром.

Значительное количество развалин горнов и заводов сохранилось также к югу и северу от бассейнов, шлаков нами было собрано чрезвычайно много. К северу от бассейнов нами был раскопан бугор, давший следы здания 7 арш. 8 в. х 6 арш. 7 в. с глинобитным полом и стенами из двух рядов кирпича (4 1/2x4 1/2 в.) с засыпкою посредине черноземом, смешанным с глиною. К сожалению, оба конца здания были совершенно разрушены; здесь были обнаружены громадные братские могилы. Восточная подходная траншея дала 12 костяков, лежащих друг на друге в беспорядке, и дала бы еще большее число, если бы вся могила была раскопана. Западную подходную траншею мы прекратили копать после третьего костяка. Нам показалось неудобным тревожить эти явно недавние погребения. На полу комнаты кроме незначительного количества простой и поливной керамики были найдены тигелек, кусок чугунного котла, много мелких слитков меди и несколько медных поделок, почему казалось, что откопана мастерская ремесленника. Такие же мастерские по-видимому содержат и другие бугры этой северной половины района, в общем позволяющие предполагать, что район V являлся районом заводс-

ким. Керамика этого района небогатая, преобладает посуда из обыкновенной красной гончарной глины. Терещенко здесь были откопаны 8 горнов.⁵⁶ “Один из них с 79 отдушинами; посредине горна стояла обвалившаяся печь; ее окружали водопроводные трубы, которые расходились по стенкам отдушин; около печи нашли несколько ночников; кувшинов, котлов и множество железа, меди, плавильных чашечек и форм”. Терещенко, вне сомнения, именно об этом районе, ближнем к некролю, говорит⁵⁷: “Определось: так сказать рабочее поле, на коем по-видимому были устроены заводы и другие заведения...”.

Район VI.

Район VI, к западу от районов II и V, от Маяевки и до описанной части древнего города, — как бы состоит из двух частей: северной, с меньшими дворами и менее значительными буграми, и южной, где бугры иногда достигают внушительных размеров и расположены посредине дворов с водоемами. Уже говорилось о широкой улице, которую как бы образуют ряды бугров: и ныне по этой улице пролегает дорога в Царев. Несколько следов древних усадеб в районе к востоку от Кальгуты нами было зарисовано. Они занимают площадь до 105x74 арш. и более; насыпь, окружающая площадь, — от 8 до 15 аршин ширины при 10-12 вершках вышины; посредине дворов или возвышается бугор или наоборот, видна яма до 19 1/2x45 арш., при глубине до 1 арш. Одна усадьба “строение №2” была нами обследована: мы проложили траншею 2 арш. ширины и 15 арш. длины через окружную насыпь, достигающую 7 арш. 8 в. ширины. На глубине 1 арш. под уровнем окружного поля выявились следы бутовой кладки фундамента 5 арш. 10 в. ширины, залитого саманом, по-видимому стены или галлерии, окружавшей усадьбу (81 арш. x 105 арш.) и построенной из кирпича (5x5 в.). Кирпича было найдено несколько десятков, но непосредственно над бутовой кладкой более не было ни одного. Траншея, проложенная через яму 45x19 1/2 арш. в центре усадьбы, выявила, что под северным концом сохранились следы погребца 5 арш. 5 в. x 4 арш. 3 в., при глубине в 3 аршина под уровнем пола предполагаемого дома. Стены погребца, как и всего дома, оказались вынутыми, осталось лишь незначительное количество кирпича, лежавшего в беспорядке около западного края погребной ямы. В западной же подходной траншее на глубине 1 арш. 8 в., как раз под внешними контурами всей ямы, более высокими по сравнению с уровнем пола, сохранились жалкие следы бутовой кладки и над нею, среди щебня и строительного мусора, отдельные кирпичи. Отдельные разбитые кирпичи с голубою поливой, найденные в погребной яме, свидетельствовали о когда-то богатой отделке дома. В яме же были найдены: железный замочек, куски чугунных котлов, крючок от удочки (?) и большое число битой посуды, в виде малых и больших горшков и кувшинов из обыкновенной гончарной глины, а также несколько черепков поливной керамики (голубой и зеленой). Но вообще, несмотря на внешние вполне отчетливые контуры всей усадьбы, от строений сохранялось столь немного, что приходится установить усиленную добычу здесь строительного материала, возможно — после предшествовавших раскопок Терещенко. Сарайский народный судья У. Бахтеев указал нам на любопытные следы дома в этом же районе, но к западу от Кальгуты, вблизи Красного моста. Здесь посредине двора 90x120 арш. с кирпичною оградой и кирпичными же строениями в углах двора, был

построен дом до 60 арш. длины и 25 арш. ширины, имевший башнеобразные круглые выступы по углам (см. рис.5). Когда несколько времени тому назад здесь устраивали бахчу, стены достигали еще до 3 арш. вышины, были сложены из квадратного кирпичика (в 3 кирпичика); пол и стены были облицованы голубым поливным кирпичом, местами была мозаика в виде надписей; косяки дверей из центральной части в круглые угловые башни были алебастровые с мозаикой. Посредине строения был устроен круглый стол до 1 аршина высоты и около 2 1/2 аршин диаметром, весь покрытый мозаичными узорами. Ныне от всего богатства этого строения ничего не осталось, кроме тех изразцов, которые вмазаны в стену землянки владельца бахчи; от него мы получили уцелевший кусок алебастрового косяка (см. рис.6). О районе VI сохранились данные у Леопольдова⁵⁸; он говорит: “К селению Пришибу развалины становятся реже, дворы и сады просторнее. Тут недалеко от Пришиба при Брик, называемом Тутовым (возле Маляевки), был квадратный, о 20 саженьях с каждой стороны, каменный дом с пристройками. Положение его прелестно: с юга и запада видны Брик и озеро, обширные луга и вдали темный лес, с севера другой Ерик, из которого вода проведена была в сад и канаву, обходившую вокруг главного здания. По углам и вблизи вырыты были глубокие водоемы, наполнявшиеся водою из канавы. По всему видно, что здесь находился род загородного увеселительного дворца. В полуверсте отсюда лежат другие развалины, в которых также можно узнать дом, пристройки, сад, канавы и водоемы. Ерик, к которому примыкает это здание, называется Раковым. Развалины по речке Кальгута сплошны и обширны. Посредством проведенных из нее во все стороны каналов поливались сады и наполнялись бассейны”. Вообще же район VI уцелел лучше других, так как Терещенко к западу от Кальгуты, по-видимому, или вовсе не копал, или же копал немного. Район заслуживает внимательного изучения и потому, что действительно дома его стоят посреди садов и, вполне возможно, являлись загородными дворцами, которые могли бы открыть перед глазами современного нам исследователя ряд новых типов памятников золотоордынской архитектуры. Южная часть этого района богато снабжалась водою каналом, соединяющим Ерик Раковый с Кальгудой.

Районы VII и VIII.

Районы VII и VIII не сохранили вовсе следов строений; встречаются образцы керамики, преимущественно простой из красной гончарной глины, редко поливной. Взятые пробы почвы показали довольно глубокий слой растительного перегноя, позволяющий предполагать здесь бахчи и сады.

Некрополь.

На сырту сохранился некрополь — “могаметанское кладбище, расположенное вне Сарая и простирающееся почти на семь верст”, как говорит Терещенко⁵⁹; “тут открывались в большом числе одни скелеты в кирпичных гробах”... В изобилии находимые кусочки золотоордынской изразцовой мозаики и поливного кирпичика позволяют утверждать, что в некрополе были богато украшенные тюрбы; довольно значительно количество курганов обычного типа, полушарных с яминой, от 1 арш. до 4 арш. высоты. Нами был раскопан курган близ Кальгуды у “Мамайской плотины”, где сохранилась группа 9 больших курганов. Наиболее крупный из них достигал 4 1/2 аршина

высоты при диаметре в 60 арш.; его окружал ров 4 1/2 арш. ширины и 12 вершков глубины. Ямина на вершине кургана, 14 аршин диаметром. была 2 арш. 6 в. глубины; тем не менее казалось, что курган не разграблен: ямина была слишком правильной формы. Решено было раскопать курган колодцем 6х6 арш. (см. рис.7) на глубине 10 в. от дна ямины, в западной части колодца, мы обнаружили череп лошади, на глубине 12 в., в северо-западном углу, — золотоордынский кирпич, на глубине 13 в., посередине колодца, — челюсть, ребра и ножные кости овцы, на глубине 14 в., в северо-восточном углу, — черепки простой золотоордынской керамики и обломки голубого изразца, на глубине 18 в., в восточной части колодца, — ножные кости лошади и кости овцы; под ними, на глубине 20 в., обнаружили очертания могильной ямы, овальной, осью с северо-запада на юго-восток, 2 арш. 10 в. ширины (в середине) и 6 арш. длины; в юго-восточной части могильной ямы, на глубине 2 арш. 6 вершков, лежал костяк человека, сильно истлевший, безусловно потревоженный, но по-видимому лежавший с запада на восток. Таким образом, если не обманывают кирпич и изразец, — раскопанный нами курган дал разграбленное погребение золотоордынца с конем; татарские погребения с конем были откопаны и ранее, мною в 1920 году на Терновском сырту, Б.В.Зайковским в 1910 году вблизи “Белого Мара”. Но, конечно, нельзя закрывать глаза на факт, что также кочевники — предшественники татар погребали с конем и клали покойников ориентированными с запада на восток.

Плотина.

Наиболее интересным памятником былой жизни на территории Царева (в 6-ти верстах от города) является плотина, при помощи которой была устроена запруда на Кальгуте, на месте, где река оставляет сырт. Здесь русло реки образует громадный водоем, берега которого сближаются у самой грани степного сырта. Длина плотины по гребню 390 арш., ширина — 45 арш., высота — 22 арш. с половиной; на ее западном конце когда-то был шлюз, о котором еще помнят жители Царева, но который был заменен новым в 1911 г., когда предполагалось реставрировать и насыпать плотину. Ныне плотина на том и другом своем конце разрушена, ибо после упомянутых работ внешние воды смыли новые шлюзы и потоки воды частью подрыли и древние сооружения. Запруда должна была удерживать действительно громадное количество воды, которая через Раковый Ерик и Кальгуту доставлялась в город. Из Кальгуты вода через особые каналы поступала в обводный канал II района и в сеть каналов района VIII. Оставив район II, воды далее попадали в районы III, IV и I, особые системы шлюзов (см. рис.8) позволяли урегулировать водоснабжение, задерживали воду в районе II или отпускали воду районам III и IV, а вместе с тем и I-му. В случае недостатка воды из Кальгуты, для дополнительного водоснабжения могла служить система бассейнов района V. Излишек воды возможно было при помощи особых запасных каналов, орошавших район VII (бахч), направить непосредственно в Ахтубу. Совершенство всех гидротехнических сооружений нас буквально поражало, и если все это построено при Узбеке или его преемнике Джанибеке, Золотая Орда в эту пору действительно могла гордиться своей столицей и ее инженерами.

Монет нами было собрано 138 (8 серебряных, 130 медных): времени Узбека — 36, Джанибека — 53, Бирдибека — 1, Хазр-хана — 30, Навруз-хана

— 1, Мюрида — 10, Мир-Пулада — 1, Абдуллаха — 1, Тохтамыша — 1. Кроме того нам были показаны 100 монет из коллекции бывшей гимназии и 16 монет у местного собирателя золотоордынских древностей — Неженцева. Из всех этих монет оказались чеканенными в Новом Сарая — 195 (т. е. 86%), в Сарая (Старом) — 3 (т. е. 1 1/4%), Гюлистане — 25 (т. е. 11%), Гарджине — 4 (т. е. 1 3/4%).

Собранные нами образцы керамики дали почти все характерные рисунки золотоордынского орнамента, обычного при красной глине, без поливы; как повсюду на золотоордынских городищах, преобладал орнамент резной. Керамики из гончарной же глины, но поливной, желтой и зеленой, было найдено много; не меньше керамики сине-белой и сине-черной из глины бело-желтой с орнаментом рельефным или кистевым. Встречается и целадон, в общем не редко; любопытен фрагмент, видимо, тарелки, на котором виден орнамент в виде волнистых линий в поливе. Наиболее богатым по количеству и разновидности керамики является район II, далее III, потом IV, V и VI.

Среди изразцов, нами обнаруженных, преимущественно голубых и белых, обращает на себя внимание обломок черной плиточки, когда-то 6-ти или 8 угольной. Изразцы и поливные кирпичи также встречались чаще всего в районе II, потом в районе III, IV и VI, реже в V. Но я бы не решился назвать городище богатым находками, много увезли Терешенко и другие, много погибло от рук кладоискателей и варваров, добывавших здесь кирпич. Нельзя не отметить с чувством глубокого возмущения, что согласно рассказам Царевских татар сравнительно недавно было разобрана гробница, стоявшая на “мусульманском кладбище” плана Терешенко, у подножия сырта, и сохранившем надпись:

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
 نَزَّادُ الْبَيْتِ الْمَقْدِسِ
 نَزَّادُ الْبَيْتِ الْمَقْدِسِ
 نَزَّادُ الْبَيْتِ الْمَقْدِسِ

حدانك رحمتی اولسون آلاعه
 آلا ر لائقی ایدی دعاء قیلورغه
 یکر می آلتی دا اولدی فناسی
 یقلدی ناشینک برحوب بناسی
 مزین باطنی لعل جواهر
 یاپلمش لؤلؤ مرجانله ظاهر

بہو ابیات سارای شچرینک قبرلرینک
 قہلرینک بعضسنده دیوار اوزره یازلمش
 شول قہلرینک رسملرین منقول.

К сожалению, нет даже возможности установить, куда увезены камни, сохранившие этот любопытный текст, блестящий перлами образной речи.

Примечания:

¹ “О местоположении столицы Золотой Орды, Сарая”. СПб. 1845, оттиск из Ж.М.В.Д., стр. 1-2.

² “Окончательное исследование местности Сарая с очерком следов Дешт-Кипчакского Царства”. Уч. Зап. Имп.Акад.Наук по I и III, т.II, СПб. 1854.

³ Ж.М.В.Д., 1837, ч. XXIII, стр.132.

⁴ *Терещенко*, стр. 89.

⁵ Зап. В. Отд. И. Р. Арх. О-ва, т. XXI, в. II-VI, стр. 58 - “Загадочный Гюлистан 3. Орды”.

⁶ *Григорьев*, стр. 25.

⁷ *Григорьев*, стр. 26.

⁸ “Монеты ханов Ул. Дж.”, стр. 44, но см. *Френ*, “Монгольский город Укек”, перев. Гераклитова, Ставрополь, 1911: “города:... Сарай на Ахтубе”..., “Новый Сарай, доселе известный лишь по нумизматическим памятникам”.

⁹ “Geschichte der Goldenen Horde”, стр.9.

¹⁰ “Очерк внутреннего состояния Кипчакского Царства”, 1845, стр.18 и 27.

¹¹ “Der Ugrische Volksstamm”, I, II, 1839, стр.577.

¹² Напр. Спицыным. Отчет за 1893 г., стр.82 и 85.

¹³ “Путешествие в восточные страны Вельгельма де Рубрука в лето благодати 1253” (перев. Малеина, СПб. 1911), стр.99.

¹⁴ Ник. летопись, III, 41, сравн. Григорьев. Местоположение, стр.8

¹⁵ *Григорьев*. Местополож., стр.62, Geographie d'Aboulfeda, Paris, 1840, стр.217.

¹⁶ Местоположение, стр.9.

¹⁷ Geschichte der G.Horde, стр.141..

¹⁸ Находилась в коллекции бывшей кн. Л.Л.Голицына.

¹⁹ *Тизенгаузен*. Материалы, стр.461.

²⁰ Очерки внутреннего состояния, стр.32.

²¹ Histoire de Timour — Ves, trad, par Petis de la Groix, II, стр.381, ср. *Григорьев*, Местоположение, Азия и Европа, тср.275, отд.оттиск, стр.27.

²² VII, 210, сравн. *Григорьев*. Местоположение стр.31.

²³ “Путешествие по разным провинциям Росс. Государства”, СПб, ч.III, II, стр.143, перев. Зуева.

²⁴ Срав. также *Карамзин*, И.Г.Р. Прим. к IV тому, стр.15, №72.

²⁵ Минх. Ист.-геогр. словарь, стр.1340.

²⁶ Сравн. также: *Григорьев*, Местоположение, стр.62: “Мы согласны, что по Рубруку Сарай мог находиться на Джигите”, т.е. в Селитренном.

²⁷ *Григорьев*. Местоположение. стр.65 — Geographie d'Aboulfeda, стр.217.

²⁸ *Тизенгаузен*, Материалы, стр.466.

²⁹ Биография Эльмелик-Эннасыра, *Тизенгаузен*. Материалы. стр.263.

³⁰ *Григорьев*, местопол., оттиск, стр.20, Азия и Европа, стр.271.

³¹ *Тизенгаузен*. Материалы, стр.241.

³² *Тизенгаузен*. стр.461: (Берке хан) “оказывал покровительство науке и ученым... Сарай сделался средоточием науки”... и Сарай “один из величайших городов по положению своему и населеннейших по количеству народа...”

³³ Стр.159, сравн. *Григорьев*. местопол., стр.76.

³⁴ Материалы для статистики Росс. империи 1839, I, стр.97, Ж.М.В.Д., 1837, ч.XXIII, стр.123; сравн. *Григорьев*. Местоположение, стр.51.

³⁵ *Тизенгаузен*, стр.461.

³⁶ *Тизенгаузен*, стр.241.

³⁷ *Тизенгаузен*, стр.306.

³⁸ Отчет 1893 г., стр.82.

³⁹ *Тизенгаузен*, стр.229.

⁴⁰ Сравн. *Fraehn*, Munzen, стр.11-13.

⁴¹ Ж.М.В.Д., 1837 г., XXIII, стр.132.

⁴² Отчет 1893, стр.85.

⁴³ Стр.94.

⁴⁴ *Fraehn*, Munzen, стр.44; монеты “Сарая” впоследствии при Мухамеде, около половины XV века.

- ⁴⁵ Карамзин, И.Г.Р., т. VI, стр.53, пр.76, сравн. Григорьев, стр.29.
⁴⁶ Григорьев. "О местоположении Золотой Орды", приложение, стр.17.
⁴⁷ Григорьев, Приложение. стр.7.
⁴⁸ Григорьев, Приложение. стр.21.
⁴⁹ Тизенгаузен, стр.241.
⁵⁰ Григорьев, Приложение, стр.12 и 14.
⁵¹ Григорьев, стр.22.
⁵² Тизенгаузен, стр.306.
⁵³ Тизенгаузен, стр.241.
⁵⁴ Григорьев, Местоположение, стр.53.
⁵⁵ Тизенгаузен, стр.306.
⁵⁶ Григорьев, Приложение, стр.24.
⁵⁷ Григорьев. Приложение, стр.9.
⁵⁸ Григорьев. стр.52.
⁵⁹ Григорьев. Приложение, стр.9.

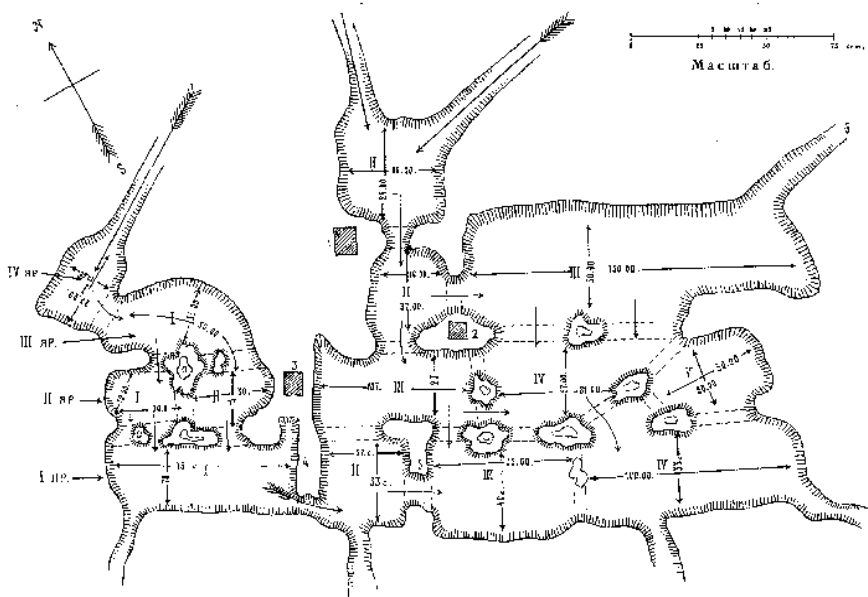

Рис.2. Система бассейнов.

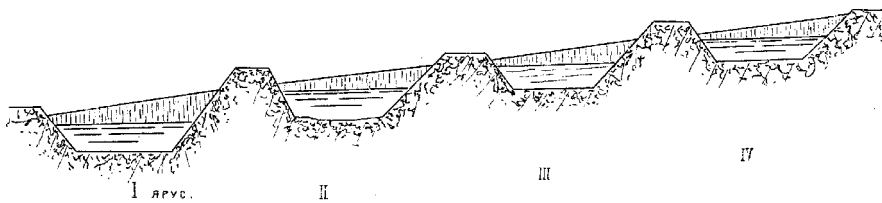

Рис.3. Ярусы системы бассейнов.

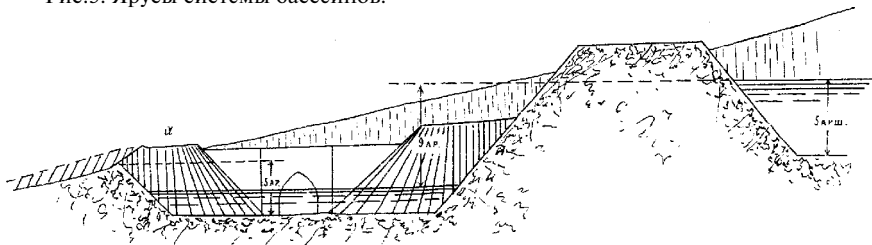

Рис.4. Разрез системы бассейнов.

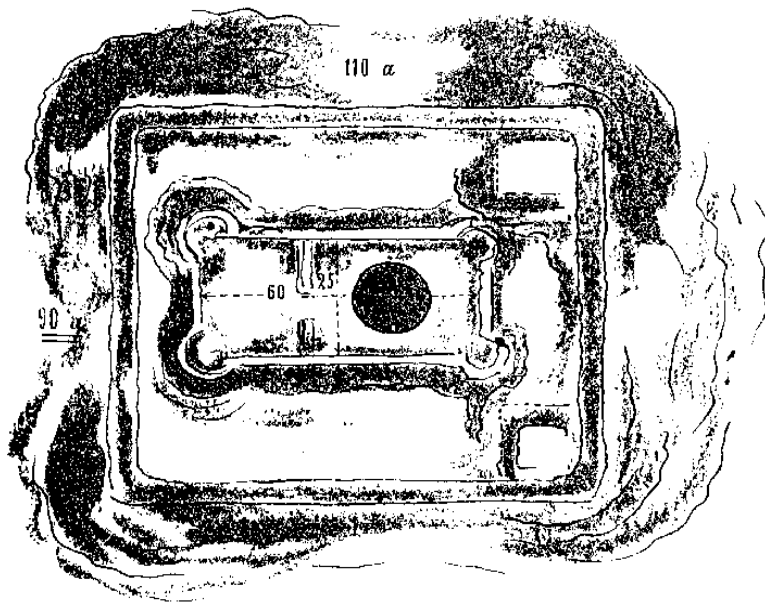

Рис.5. Усадьба вблизи Красного моста.

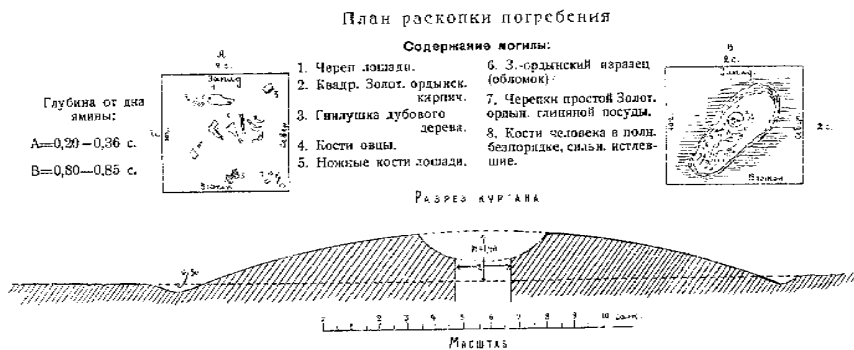

Рис.7. Курган близ речки Кальгуты.

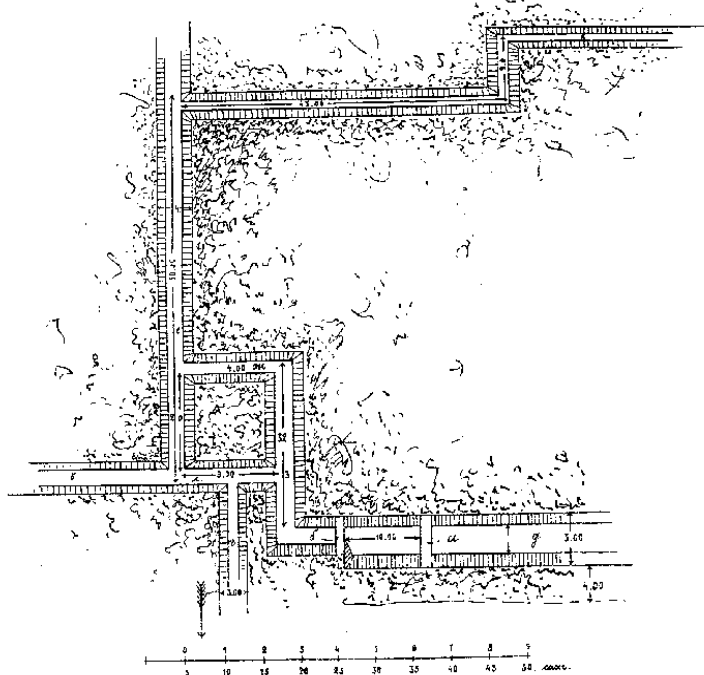

Рис.8. Система шлюзов обводного канала района II.

Леонард Недашковский, Алексей Ракушин Средневековые металлические зеркала с Увекского городища.

Судя по музейным коллекциям и архивным материалам, на Увекском городище — остатках золотоордынского города Укек XIII–XIV вв. на правом берегу Волги близ Саратова — за период с 70-х гг. XIX по 20-е гг. XX в. было собрано свыше 80-ти экз. зеркал. В данной статье учтены лишь 60 хорошо определимых экземпляров рассматриваемых изделий¹. Все они, кроме одного (тип Д1; рис.3,10), происходят из случайных сборов.

Часть зеркал хранится в фондах СОМК, основой которых является собрание из музея СУАК. Другая часть еще в XIX в. попала в собрание Казанского Общества археологии, истории и этнографии, откуда вместе с другими предметами в 1929 г. была передана в ГОМРТ. Еще 5 изделий хранятся в ГИМ и 3 в ГЭ². В 1913 г. в “Трудах СУАК” была опубликована статья профессора В.В.Челинцева, где он анализирует химический состав бронзовых зеркал, в том числе и нескольких, найденных на Укеке³. В настоящем разделе увекская коллекция зеркал из Казанского и Саратовского музеев представлена, насколько возможно, в более цельном виде, что позволит составить достаточно полное представление о данной категории средневековых увекских древностей.

Зеркала были широко распространены в евразийских степях еще в скифо-сарматскую эпоху. В V–VII вв. они сохранялись на Северном Кавказе и в Поволжье, что, видимо, было связано с постсарматско-аланской традицией. В VIII–X вв. бронзовые зеркала уже широко бытуют на огромной территории от Дуная на западе до Забайкалья на востоке и от Волжской Булгарии на севере до Северного Кавказа на юге. В XI в. они сохраняются вероятно лишь в Волго-Камье и на Кавказе, а у половецких кочевников появляются, по С.А.-Плетневой, не ранее XII в.⁴

Довольно большой размах приобретает распространение металлических зеркал в золотоордынский период, т.е. во второй половине XIII–XIV вв. Их коллекции с некоторых памятников данного времени достигают десятков и даже сотен экземпляров.

В последние десятилетия появились работы по систематизации металлических зеркал развитого средневековья, в том числе и золотоордынского времени⁵, где определены несколько основных классификационных признаков: форма бортика, изображение на обратной стороне, наличие или отсутствие центральной или боковой ручки, диаметр и металл (тип сплава).

Нами принята следующая классификационная система: отделы выделены по форме бортика (по принципу Г.Ф.Поляковой), типы — по изображению на зеркале, которое иногда позволяет выделить и варианты внутри типа. Ввиду отсутствия сохранившихся ручек на подавляющем большинстве изделий из рассматриваемых коллекций, об их возможном наличии зачастую можно говорить лишь предположительно. Примерный диаметр указан индивидуально для каждого экземпляра.

Отдел А. С узким высоким бортиком (рис.1,1-12; рис.2,1).

Тип 1 (2 экз.). Зеркала с изображением 2-х плывущих друг за другом рыб, диаметром около 7,3-7,4 см. Выделяется 2 варианта: рельефный с хорошей проработкой отдельных деталей (рис.1,2) и расплывчатый с низким релье-

фом (рис.1,1). Близкие зеркала с изображением двух рыб достаточно широко представлены в Нижнем и Среднем Поволжье⁶. Подобные изделия известны в позднечелювических древностях Восточной Европы 2-й половины XIII-XIV вв.⁷, причем в кургане 108 (погребение 2) могильника Бахтияровка III зеркало данного типа⁸ было найдено с монетами Узбека (Сарай ал-Махруса 722 г.х., Сарай 731 г.х.), в материалах Хакаско-Минусинской котловины⁹, Отрара XIII-XIV вв.¹⁰, Царевского и Селитренного городищ, Волжской Булгарии¹¹, а также Средней Вятки¹². Находки зеркал с расплывчатым изображением рыб известны из Болгар¹³, окрестностей Билярска¹⁴, с Селитренного и Царевского городищ¹⁵.

Тип 2 (4 экз.). С цветочным орнаментом в виде распустившихся бутонов, “вырастающих” поочередно от края и от центра зеркала, который занимает 6-лепестковая розетка в виде правильного 6-угольника с вогнутыми гранями (рис.1,3). Диаметр зеркал около 7,7 см. Особенно широко этот тип бытовал в Поволжье¹⁶. Помимо бассейна Волги находки таких зеркал известны на Северном Кавказе, в Подонье, в курганах Южного Урала и в слоях Отрара XIII-XIV вв.

Тип 3 (7 экз.). Зеркала с расплывчатыми изображениями по окружности 4-х сидящих человеческих фигур, разделенных 4-мя драконами. Среди зеркал этого типа можно выделить 2 варианта: 1-й диаметром 7,7 см (рис.1,4), 2-й диаметром 8,1 см с выпуклым валиком, разделяющим зеркало на периферийную и центральную части (рис.1,5). На некоторых зеркалах имеются следы припаянной ручки. Аналогичные изделия были широко распространены на памятниках золотоордынского времени от Средней Вятки до Северного Кавказа и от Поднепровья до Западного Казахстана¹⁷.

Тип 4 (2 экз.). Зеркала с изображениями ал-Бораков — крылатых мифологических существ с головой человека и туловищем льва. Оба изделия существенно отличаются по размерам, композиции и качеству исполнения, поэтому здесь целесообразно будет выделить 2 варианта. Первый вариант представлен фрагментом зеркала серо-стального цвета диаметром 10,9 см (рис.2,1), по краю которого идет “благопожелание” на арабском языке: “Слава и долговечность, блаженство и блеск, повышение и хвала, благополучие и сановитость, власть и успешность, могущество и милости владельцу сего во веки”¹⁸. В центральной части поля располагались 2 четких фигуры ал-Бораков. Второй вариант этого типа — зеркало диаметром 8,1 см, гораздо худшего качества (рис.1,6). Композицию этого изделия составляют 4 шествующих друг за другом ал-Борака. Зеркала с ал-Бораками первого варианта имеют широкие аналогии в степях Евразии и средневековых городах Поволжья¹⁹, в Подонье²⁰, Средней Азии²¹, в Минусинской котловине²², на Северном Кавказе и в Юго-Западной Азии²³. Зеркала с 4-мя ал-Бораками и круговой арабской надписью бытовали в Иране в XII-XIII вв.²⁴

Тип 5 (4 экз.). Зеркала с двумя окружностями в центре, поле занимает сложная плетенка, в которую включены изображения голов различных животных и человеческой головы в короне (рис.1,7). Внутренняя поверхность высокого бортика приведенного на рисунке изделия украшена поиском из выпуклых “жемчужин”, диаметр зеркала 8 см. Тип хорошо известен по находкам в Поволжье, на Северном Кавказе и в Калмыкии.

Тип 6 (1 экз.). Зеркало с выпуклой окружностью в центре, остальное поле заполнено ячеистым орнаментом; диаметр диска 8,8 см (рис.1,8). Близкие

аналогии этому типу были найдены в Волжской Булгарии, в Нижнем Поволжье, в Калмыкии и в Средней Азии.

Тип 7 (2 экз.). Зеркало разделено выступающим ободком на внешнее и внутреннее поле, центр выделен еще одним ободком. На внутреннем поле различимы изображения 4-х движущихся друг за другом животных. Вероятно, здесь можно выделить 2 варианта: 1 — зеркало диаметром 9,5 см с изображением собак и зайцев (рис.1,9), 2 — изделие с фигурами львов (?) диаметром 10,8 см (рис.1,11). Внешнее поле обоих зеркал занимает трудно различимая композиция, состоящая из переплетающихся побегов растений и тел животных, изображенных в стремительном беге. Кроме того, внешний бортик большего зеркала (вариант со львами) выделен пояском из выпуклых “жемчужин”. Известны довольно близкие аналогии этому типу в Волжской Булгарии²⁵, Нижнем Поволжье²⁶, Калмыкии²⁷ и северо-восточном Казахстане²⁸. Широко представлены зеркала со сходным сюжетом в Минусинской котловине²⁹.

Тип 8 (5 экз.). Зеркала диаметром около 9,5 см с концентрической рельефной окружностью в центре; внешнее кольцо поля разделено на части 4-мя полушарными выступами, пространство между которыми занято S-овидным орнаментом (рис.1,10). Этот тип характерен для золотоордынских памятников Поволжья, Северного Кавказа, а также для древностей восточно-европейских кочевников XIII-XIV вв.³⁰. Схожее изделие было обнаружено в Отраре в слое XIII-XIV вв.³¹

Тип 9 (4 экз.). Зеркала диаметром около 14 см имеют 3 орнаментальных пояса: 2 внутренних украшены растительным орнаментом, внешний представлен изображением бегущих друг за другом животных (“гон зверей”) среди спиралевидных растительных побегов. Композиция “гон зверей” состоит из 3-х пар животных: волк преследует лису, лев — оленя, собака — зайца (рис.1,12). Изделия этого типа имели довольно широкую территорию бытования: от Волго-Камья³² на севере, Харьковской и Екатеринославской губерний³³ на западе до Кавказа³⁴ и Отрара³⁵ на юге. Подобное изделие известно из Ирана³⁶. Зеркала с изображением “гона зверей” были также обнаружены в Поволжье на Болгарском³⁷, Билярском³⁸ и Мечетном³⁹ городищах, V Семеновском⁴⁰, Лаишевском XII-XIV вв.⁴¹ и III Коминтерновском конца XIII — первой половины XIV в.⁴² селищах, на Байряка-Тамакском могильнике⁴³ и у с. Курнаевка Волгоградской области⁴⁴. По аналогиям тип можно датировать 2-й половиной XIII-XIV вв. Мотив же извивающегося побега, имеющийся во внутреннем орнаментальном поясе изделий, имеет целый ряд параллелей в искусстве Дальнего Востока — с I тыс. до н.э.⁴⁵, Азии и Европы — на протяжении практически всего II тыс. н.э.

Отдел Б. Зеркала с широким массивным бортиком (рис.2,2-10; рис.3,1-3).

Тип 1 (3 экз.). Зеркала с изображением плывущих рыб. В этом типе можно выделить 3 варианта.

Первый вариант. Фрагмент зеркала диаметром 8,4 см (рис.2,4) с изображением полностью аналогичным типу А1; отличается от него лишь формой бортика. Подобные зеркала хорошо известны по находкам в Волго-Камье⁴⁶, в районе нижнего течения Хопра⁴⁷, в Минусинской котловине и на Дальнем Востоке⁴⁸.

Второй вариант. Зеркало диаметром 9 см с изображением 2-х рыб, вероятно, осетровой породы (рис.2,2). Характерное повреждение в центре зеркала позво-

ляет предположить существование выпуклого держателя, позднее выбитого при ударе. Схожие изделия известны в кочевническом погребении золотоордынского времени на северо-востоке Казахстана⁴⁹ и в Отраре в слое XIII-XIV вв.⁵⁰

Третий вариант. Фрагмент крупного зеркала; диаметр 11,4 см. Композиция зеркала состоит из 3-х орнаментальных поясов (рис.2,5). Центр зеркала выделен выпуклым ободком, далее следует пояс с контурным изображением четырех (?) рыб. Следующий пояс — полоса дугового орнамента, ограниченного ободками с поперечными “насечками”. Последний внешний пояс, находящийся собственно на внутренней части плавно снижающегося бортика, состоит из изогнутых “крючком” линий.

Как представляется, зеркала с изображением рыб имели достаточно большое количество вариантов построения композиции, поэтому целесообразно будет привести некоторые другие, близкие к рассматриваемым изделиям типы: Аткарский могильник⁵¹, устье р. Черемшан⁵² и д. Елаур близ Сенгиля⁵³, Болгарское⁵⁴ и Билярское⁵⁵ городища, станица Нижнекурмайская, Ростовской обл.⁵⁶, Хорезм — материалы XIV в.⁵⁷, юг Восточной Сибири, Китай, Корея и Вьетнам⁵⁸, без места находки и инвентарного № из фондов СОМК.

Тип 2 (1 экз.). Фрагмент зеркала диаметром 10,2 см. В центре имеется выпуклый ободок; граница плоского бортика изделия очерчена пояском в виде “лестницы” (рис.2,3). Сохранность изделия позволяет проследить изображение фигуры животного (обезьяна?) и различные линии, заполняющие все поле. Возможно, в первоначальном варианте зеркала эти линии составляли буквы или иероглифы надписи. Аналогии данному изделию нам неизвестны, за исключением отдаленно напоминающего его зеркала из Бахтияровского могильника⁵⁹.

Тип 3 (3 экз.). Фрагменты зеркал диаметром около 12 см. Сохранившиеся части предметов (рис.2,6) позволяют достаточно четко восстановить изображение на них по имеющимся аналогиям. Орнамент состоит из распустившихся бутонов, вырастающих поочередно от края и от центра зеркала. Центр занимает 6-угольник с вогнутыми гранями, а периферию — спиралевидно изогнутые побеги. Круг известных аналогий ограничивается Поволжьем.

Тип 4 (1 экз.). Фрагмент зеркала диаметром 7,5 см, серо-стального цвета с меднистыми окислами (рис.2,7). Изображение немного стерто, но можно различить очертания характерных китайских иероглифов. В Волгоградском краеведческом музее хранятся 2 целых экземпляра подобных зеркал⁶⁰, а в Археологическом музее Казанского университета — еще один фрагмент изделия этого типа⁶¹.

Тип 5 (1 экз.). Зеркало с изображением мальчиков, цветов и побегов хризантемы (?), диаметр 15,5 см (рис.10,8). В центре диска расположен 16-лепестковый цветок, в середине которого находится держатель в форме усеченного конуса. Сходные с этим типом зеркала с изображением мальчиков и цветов известны из Минусинской котловины и из Китая⁶². Кроме того, 16-лепестковый цветок (лотос), изображенный на данном зеркале, имеет близкие аналоги на других зеркалах Минусинской котловины⁶³.

Тип 6 (4 экз.). Изображение на зеркалах состоит из 2 симметрично расположенных драконов, обращенных головой к центру диска, выделенному выступающим ободком. Между змееобразно изогнутыми телами драконов находится дымящийся треножник. Внутри этого типа можно вполне опреде-

ленно выделить 2 варианта: 8-лепестковые фестончатые зеркала диаметром около 13 см (рис.10,9) и круглые, где 8-лепестковая розетка является внутренней границей плоского бортика; диаметр 13,8 см (рис.10,10). Аналогии этим зеркалам, и круглым, и фестончатым хорошо известны в Поволжье от устья Камы на севере до Царевского городища и Калмыкии на юге в материалах XIII-XIV вв.⁶⁴

Тип 7 (1 экз.). Фрагмент зеркала диаметром 15,6 см, украшенного богатым растительным орнаментом (рис.3,1). Центр зеркала выделен выступающим бортиком, по краю орнаментального поля различима надпись на арабском языке, текст которой восстанавливается по аналогиям (Перевод Н.Ф.Катанова): “Прочная слава при безмятежной жизни, всестороннее счастье при спасительной победе, возрастающий успех при вспомошествовающей судьбе и благоприятное положение при продолжительности существования (или “блаженное состояние при будущей жизни”) (да будут) во веки!”⁶⁵. Данный тип имеет аналогии в Поволжье⁶⁶ и на Харьковщине⁶⁷.

Тип 8 (1 экз.). Предмет украшен рельефным изображением двух драконов, один из которых парит в облаках, а другой летит над волнами (рис.3,2). В центре имеется полушарная ручка-петелька; диаметр изделия 12,2 см. Имеются аналогии с Болгарского городища, из Минусинской котловины и из Китая⁶⁸.

Тип 9 (1 экз.). Данное зеркало было найдено вместе с изделием предыдущего типа на Увекском городище в 1994 году на территории района, датированного, по нумизматическим данным, временем с 20-х до середины 60-х гг. XIV в.; к обоим зеркалам прилипли частички обуглившейся древесины. Предмет украшен восемью подцилиндрическими выступами (рис.3,3); его диаметр 9,8 см. Зеркало имеет в центре полушарную ручку-петельку. Близкие зеркала известны из Кара-Корума⁶⁹, Китая, Кореи и Минусинской котловины⁷⁰; более отдаленные параллели имеются в материалах Болгарского городища, Минусинской котловины и Китая⁷¹.

Отдел В. Зеркала с широким подтреугольным в сечении бортиком (рис.3,5-6)⁷².

Тип 1 (1 экз.). Зеркало имеет на внешнем крае орнаментацию в виде насечек (рис.3,5). Центральная часть изделия, диаметр которого около 9 см, украшена также, как и поле зеркала типа А8 — полушарными выступами и S-овидными фигурами. Подобные зеркала зафиксированы на территории Волжской Булгарии⁷³ и в материалах Отрара золотоордынского времени⁷⁴. Изделие схожего внешнего облика, но с изображением собак вместо S-овидных фигур, было найдено в одном из золотоордынских курганов могильника Алебастрово-II в Уральской области⁷⁵. Орнаментация края зеркала пояском из косых линий была известна в XIII-XIV вв. в Среднем Поволжье⁷⁶, в Забайкалье⁷⁷ и на северо-востоке Казахстана⁷⁸.

Тип 2 (1 экз.). Зеркало с орнаментом в виде нескольких небольших окружностей; диаметр около 8,7 см (рис.3,6). Было опубликовано ранее⁷⁹. Небольшой фрагмент подобного зеркала отмечен на Лаишевском селище⁸⁰. “Циркульный” орнамент несколько иного вида присутствует на бронзовых зеркалах начала н.э.⁸¹

Отдел Г. Зеркала с низким валикообразным бортиком (рис.3, 4,7-11).

Тип 1 (1 экз.). Фрагмент изделия, украшенного двумя концентрическими окружностями. В двух внутренних полях имеются неясные изображения, в

наружном — арочный орнамент; диаметр зеркала около 7,2 см (рис.3,8). По арочному орнаменту и композиции фрагмент близок зеркалам из Минусинской котловины, датируемым X-XIV вв.⁸², из золотоордынского слоя Болгарского городища⁸³, а также изделия XIII-XIV вв. из бассейна р. Урал⁸⁴.

Тип 2 (1 экз.). Фрагмент диаметром около 8 см, с арочным и штриховым орнаментом, заполняющим два внешних пояса изделия, образованные концентрическими окружностями (рис.3,10). Точных аналогов данному типу неизвестно, однако, очень сходный арочный орнамент имеется на позднекочевнических зеркалах из восточноевропейских степей⁸⁵, а также на зеркалах из Болгара⁸⁶ и Хорезма⁸⁷, и на средневековой прибайкальской керамике⁸⁸; схожие изделия были найдены на Змейском катакомбном могильнике XI-XII вв.⁸⁹ и на Болгарском городище⁹⁰. Арочный орнамент несколько других форм продолжал бытовать и в золотоордынское время у кочевников Саратовского Поволжья и Южного Урала⁹¹, а также на Самарской Луке⁹² и у населения Средней Вятки⁹³. По орнаментации внешнего пояса зеркало сходно с салтово-маяцкими VIII-X вв.⁹⁴, хотя аналогичная орнаментация сохраняется вплоть до золотоордынского времени, в материалах которого она также присутствует⁹⁵.

Тип 3 (1 экз.). Фрагмент зеркала диаметром 6,6 см, край изделия орнаментирует поясик из 2-х валикообразных линий, между которыми находится ряд точечных выступов (рис.3,11). С Болгарского городища происходят два фрагмента подобных изделий, один из которых имеет небольшую боковую ручку⁹⁶, аналогичный предмет был найден недалеко от г. Аткарска Саратовской области⁹⁷, кроме того, зеркало с близкой орнаментацией хранится в Волгоградском краеведческом музее⁹⁸.

Тип 4 (1 экз.). Фрагмент зеркала, украшенного дугами окружностей, стыкующимися друг с другом; диаметр около 7,6 см (рис.3,4).

Тип 5 (1 экз.). Изделие диаметром около 7,2 см с орнаментом в виде 2-х концентрических окружностей и неясным изображением между ними (рис.3,7). Схожее зеркало было найдено в Новом Сарае при раскопках сооружений, функционировавших в 40-90-х гг. XIV в.⁹⁹. Подобные изделия хорошо известны и в курганах Нижнего Поволжья, один из которых датирован монетой XIV в.¹⁰⁰

Тип 6 (1 экз.). Зеркало диаметром 6,4 см, украшенное геометрическим орнаментом в виде 6-лепестковой розетки, состоящей из вытянутых к центру предмета ромбов (рис.3,9). Близкая орнаментация ромбами прослеживается на зеркалах с городища Красный Яр¹⁰¹ и из Булгара¹⁰².

Тип 7 (1 экз.). Зеркало грубой отливки диаметром около 11 см из собрания ГЭ (№ 30-141). Имеет центральную ручку-петельку и орнаментировано концентрической окружностью с диаметром вдвое меньшим, чем диаметр изделия. Концентрическая окружность соединена с бортиком выпуклыми линиями, образуя широкий поясик в виде “лесенки”. Не исключено, что зеркало изготовлено в домонгольское время.

Отдел Д. Зеркала без выраженного бортика (рис.3,12).

Тип 1 (3 экз.). Изделия диаметром около 15,4 см; обратная поверхность орнаментирована двумя перекрещивающимися валиками, составляющими крест. В центре диска расположена выпуклая арочная петля (рис.3,12). Одно зеркало было найдено в 1913 г. в богатом женском погребении, интерпретируемом исследователями как монгольское начала XIV в.¹⁰³. Известно боль-

шое число аналогий из восточноевропейских степей и из Среднего Поволжья, восходящих еще к домонгольскому времени, однако наиболее широко этот тип зеркал распространяется лишь в золотоордынский период.

Кроме того, на Увекском городище был найден фрагмент крупной боковой ручки массивного зеркала, которое нельзя отнести к какому-либо отделу, т.к. форму бортика данного изделия установить невозможно. Внешний вид, мелкоструктурное литье, сплав, а также изображение на обратной стороне цветка лотоса (рис.3,13) говорят о китайском происхождении образца. Фрагмент зеркала, близкий по толщине и форме данному, был найден на Болгарском городище¹⁰⁴.

Проведенное исследование коллекции увекских зеркал, хранящихся в фондах поволжских музеев, помимо введения в научный оборот ранее не публиковавшихся материалов, позволяет также сделать некоторые выводы.

На наш взгляд, анализ изображений на зеркалах дает возможность проследить истоки и этапы генезиса того или иного сюжета.

Зеркала с изображением рыб (типы А1 и Б1) — символа вечного движения и многочисленного потомства, были широко распространены на средневековом Востоке. Этот сюжет известен на монетах Булгара XIII в. и Сарая XIV в., а также в Иранском и Индийском искусстве¹⁰⁵. Наиболее ранними образцами одного из самых распространенных в Золотой Орде типов зеркал с изображением рыб следует считать изделия с массивным широким бортиком (рис.10,4), рассматриваемые исследователями как китайские и чжурчженьские¹⁰⁶. Вместе с тем, в золотоордынское время уже существуют аналогичные зеркала с высоким узким бортиком (Тип А1, рис.1,1-2). Помимо этих местных реплик с китайских зеркал в Золотой Орде появляются и свои, новые решения сюжета с рыбами (рис.2,2,5), привнесенного с Дальнего Востока.

Зеркала с изображениями драконов (типы А3, Б6 и Б8) — символов императорской власти, впервые появляются в Китае. Подобные золотоордынские изделия уже являлись более или менее качественными отливками с китайских образцов. Зеркала типа А3 (рис.1,4-5) являются довольно схематичными подражаниями изделиям XII-XIV вв., копирующим китайские зеркала III в. н.э.¹⁰⁷ Истоки типов Б6 и Б8 следует искать в Сунской и Чжурчженьской (Цзинь) империях, откуда фестончатые зеркала и зеркала с драконами распространились в XII-XIII вв. по Дальнему Востоку и Южной Сибири¹⁰⁸.

К серии привозных дальневосточных изделий и поволжских реплик с китайских зеркал также можно отнести зеркала с изображением китайских иероглифов (Тип Б4), детей с хризантемами (Тип Б5) и, предположительно, фрагмент с фигурой обезьяны (Тип Б2). Восточноазиатские прототипы имеют и изделия с движущимися друг за другом животными (Тип А7); эти зеркала, изготовленные по образцу танских VIII-IX вв., получили распространение в золотоордынское время.

Зеркала с орнаментацией S-овидными фигурами и 4-мя выпуклыми выступами (типы А8 и В2) также уходят своими истоками на Дальний Восток. Полушарные выступы — это распространенный орнаментальный прием на китайских зеркалах, начиная с династии Хань¹⁰⁹. Подобные нашим изделия появляются в Китае на рубеже нашей эры и уже к концу I — первой половине II в. н.э. проникают в районы нижнего течения Дона, Прикубанья и Нижнего Поволжья¹¹⁰. Близкие по внешнему облику изделия бытовали в раннес-

редневековой Фергане¹¹¹ и в Забайкалье¹¹². Вместе с тем, видимо, окончательный тип зеркал сформировался в центральных (поволжских) областях Золотой Орды, куда этот сюжет был вероятно, занесен центральноазиатскими кочевниками.

Зеркала с растительным орнаментом (типы А2, Б3, Б7) имеют в своей композиции явственно проступающие среднеазиатско-иранские мотивы¹¹³. Близкий цветочно-растительный орнамент имеется в оформлении мавзолеев Фахр ад-Дин Рази в Ургенче¹¹⁴ и Гур-Эмир в Самарканде¹¹⁵, а также на фрагменте сероглиняного штампованного сосуда с Увекского городища¹¹⁶. Сходная орнаментация употреблялась и в Египте XIII-XV вв.¹¹⁷ Характерно, что экземпляр с арабесками (тип Б7) имеет пояс с благопожелательными надписями. Очевидно, в раннезолотоордынское время в Поволжье получали распространение зеркала со сходным растительным орнаментом, но без пояска благопожеланий (тип Б3). Вскоре, видимо, происходит дальнейшее упрощение этого типа зеркал: появляются изделия с узким высоким бортиком, гораздо меньшего размера и выполненные уже не в выпуклой, а в трафаретной плоской технике (тип А2), но с сохранением основ прежней композиции — распускающиеся бутоны, вырастающие поочередно от края и от центра. Что касается даты Типа А2, то практически все аналогичные изделия были найдены на памятных местах, активно функционировавших во 2-ой половине XIII-XIV вв. Возможно, позднее выявится и более узкий промежуток их бытования; пока более точную привязку к дате дают курганы у с. Зауморье с погребениями 40-х — начала 60-х гг. XIV в.: к.7, п.1 — находка вместе с монетами Узбека и Джанибека¹¹⁸, к.14 — в одном из погребений были найдены серебряные дирхемы Джанибека 745-753 гг.х. (1344-1353 гг.), а в другом — зеркало рассматриваемого типа¹¹⁹.

Зеркала с ал-Бораками (тип А4) — “молниями”. Ал-Бораки — мифологические существа необычайной быстроты, на одном из которых Мухаммед за одну ночь перенесся по воздуху от аль-Каабы в Иерусалим и обратно¹²⁰. Мусульманские народы представляли себе это существо следующим образом: “Тело его казалось составленным из самых драгоценных алмазов. Грива блистала неподражаемой белизною и состояла, по-видимому, из благороднейших жемчугов. Уши поднимались как два изумруда, и быстрые глаза, подобные яхонтам, сверкали как вечерняя звезда Венера. За собою влачило оно огненный хвост, похожий на огненный хвост ужасных комет. К изумлению всех, лицо его представляло приятное лицо милой девицы... Пара чудесно блистающих крыльев, поднимавшаяся на его спине, с быстротою молнии носила чудовище через безмерные эфирные пространства”¹²¹. Подобные зеркала ведут свое происхождение с Ближнего Востока и Средней Азии, откуда они во второй половине XIII-XIV вв. широко распространились по евразийским степям и их округе¹²².

К изделиям, уходящим своими корнями в изобразительную традицию мусульманского Востока, можно отнести зеркала с изображением “гона зверей” (Тип А9), так как известно аналогичное зеркало с круговой арабской надписью, найденное в Минусинской котловине¹²³, а также изделия, украшенные плетенкой с головами животных и головой человека в короне (Тип А5), рисунок на которых сложился в Золотой Орде, по мнению М.Г.Крамаровского, под влиянием исламского искусства, шедшим из сиро-египетского и, возможно, сельджукидского регионов¹²⁴.

Зеркала с геометрическим орнаментом, имеющимся на увекских изделиях, как уже отмечалось, широко бытовали в восточноевропейских степях в половецкое время¹²⁵, сохраняется этот орнамент на зеркалах и в золотоордынский период. Происхождение половецких изделий непосредственно связано с алано-кавказской и салтово-маяцкой традицией изготовления бронзовых зеркал¹²⁶; стоит лишь оговорить, что некоторые элементы орнамента (например насечки по краю изделия) появляются еще на зеркалах позднесарматского времени¹²⁷.

Таким образом, видимо, следует признать, что принцип деления зеркал на отделы по форме бортика, предложенный Г.Ф.Поляковой¹²⁸, является оправданным, т.к. этот признак достаточно определенно коррелирует с типами изображений на зеркалах. Так для зеркал с низким валикообразным бортиком и без выраженного бортика (Отделы Г и Д) свойственна геометрическая орнаментация. Для зеркал с широким плоским и узким высоким бортиком (Отделы А и Б) характерны растительный орнамент, изображения рыб, драконов, зверей и т.д. Можно выделить и определенные сюжеты, свойственные для каждого из этих отделов.

О способах изготовления зеркал следует отметить, что все они литые, но отливались по-разному: в жесткой (каменной) форме¹²⁹ — изделия с ярко выраженным и хорошо проработанным рельефом, либо в глиняной форме, изготовленной путем оттока готового зеркала, иногда разбитого — последний случай хорошо прослеживается на типе В1. Оба способа применялись в XII-XIV вв. в Волжской Булгарии¹³⁰, в Нижнем Поволжье¹³¹ и на Дальнем Востоке¹³².

Что же касается химического состава рассматриваемых бронзовых зеркал, то после В.В.Челинцева он никем не изучался. Проведение химического анализа увекской коллекции современными методами является задачей дальнейших исследований. Однако уже сейчас, оперируя имеющимися весьма скромными данными¹³³, можно предварительно заключить, что все изученные зеркала (Отделы А и Б по нашей классификации; происхождение некоторых образцов неизвестно) составляют довольно компактную по химическому составу группу: Cu — 66,7-74,96%, Sn — 18,29-26,09%, Pb — 0,23-9,16%, примеси — 1,22-5,28%. В этой группе трудно разделить четко выделенные нами отделы А и Б, хотя некоторые их отличия по составу сплавов замечаются.

Сравнивая результаты анализа увекских изделий с данными по хронологически близким зеркалам из Минусинской котловины¹³⁴ нетрудно заключить, что практически по всем показателям сибирские зеркала XII-XIV вв., даже типологически близкие выборке В.В.Челинцева, резко отличаются от нижневолжских (главным образом по большему содержанию в последних олова и меньшему меди). Этот факт очевидно объясняется разными рецептами сплава, а следовательно, надо полагать, и разными центрами производства; однако более полные выводы можно будет делать лишь на основании дальнейших детальных исследований состава изделий.

Особенности декоративно-художественного оформления, будучи связаны с конкретными технологическими приемами изготовления зеркал (форма бортика и держателя, сплав, размер зеркала), позволяют выделить среди них несколько групп. Зеркала отделов Г и Д составляют группу изделий, распространенную преимущественно у степных кочевников Евразии¹³⁵. Зеркала отделов А и Б — местные, изготовленные в европейской части Улуса

Джучи, и привозные, преимущественно дальневосточные. Исследователи зеркал Дальнего Востока, думается, справедливо считают узкий вертикальный бортик (отдел А) нехарактерным для дальневосточных зеркал¹³⁶; следовательно, зеркала отдела А, распространённые в Восточной Европе и в Минусинской котловине, можно считать изготовленными местными торевами, образцами для которых служили изделия мастеров Дальнего Востока, относящиеся к отделу Б. Зеркала отдела В, по всей видимости, составляют небольшую переходную группу.

Хронологически все зеркала, судя по аналогиям, можно отнести к золотоордынской эпохе; лишь отдельные их типы могут быть датированы и более ранним временем — со второй половины XI — XII вв.

В заключение хотелось бы отметить, что сравнительно большая доля типов дальневосточного происхождения в увекской коллекции зеркал, возможно, не является случайной. Очевидно, в торевице Укека, основанного, по всей видимости, не позднее 50-х гг. XIII в., наиболее сильно проявилось влияние так называемой “имперской иконографии”, свойственной раннеджучидскому этапу золотоордынской культуры (40-50-е гг. XIII в. — 1300 г.) и, по М.Г.Крамаровскому, сходящей на нет в среднеджучидский период — в конце XIII — первой половине XIV в.¹³⁷

Примечания:

¹ Иллюстрации к этой работе выполнены А.И.Ракушиным.

² ГИМ Ин. № 34162, оп.952/35-38, 40; ГЭ №/№ 30-139-141, 7273, 159, 8-9, 7273, 193.

³ *Челинцев В.В.* Химический анализ бронзовых зеркал из коллекции СУАК // Труды СУАК. — 1913. — Вып.30. — С.153-166.

⁴ *Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы // Археология СССР / Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С.217.

⁵ *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. — 274 с.; *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины (к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). — М.: Наука, 1975. — 167 с.; *Полякова Г.Ф.* К вопросу о систематизации зеркал Волжской Болгарии // Древности Волго-Камья. — Казань, 1977. — С.78-82; *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. — Казань, 1996. — С.154-268.

⁶ *Высоцкий Н.Ф.* Несколько слов о древностях Волжской Болгарии. — Казань, 1908. — С.13, табл. IX, 7; *Васильева И.Н.* Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. — Куйбышев, 1979. — С.235, рис.17, 3; *Васильева И.Н.* Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области // Древности Среднего Поволжья. — Куйбышев, 1985. — С.178, рис.4, 1; *Круглов Е.В., Клепиков В.М.* Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области // ДВДС. — 1993. — Вып.3. — С.139, рис.1, 4.

⁷ *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники... — С.82, Н1; *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. — М.: Искусство, 1976. — С.163, рис.125; *Шнайдштейн Е.В.* Раскопки курганов в урочище “Гува” // Археологические памятники Калмыцкой степи. — Элиста, 1979. — С.67, рис.4, 4; *Fedorov-Davydov G.A.* The Culture of the Golden Horde Cities. Translated from the Russian by H. Bartlett Wells / BAR. International Series, 198. — Oxford, 1984. — рис.108, 4.

⁸ *Кригер В.А.* Отчет о раскопках в 1985 году в Среднеахтубинском (п. Рахинка) и Ленинском (Бахтияровка III) районах Волгоградской области // Архив ИА РАН, р.1, д.10773. — рис.155-156; ВОКМ № 24000/50.

⁹ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные... — С.72, № 141.

¹⁰ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV веках. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. — С.195, рис.85, 4; Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). — Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. — С.144, рис.4.

¹¹ Tallgren A.-M. Collection Zaoussailov au Musee National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'age du fer et l'epoque dite de Bolgary. — Helsingfors: Commission des collections antell, 1918.- табл. IX, 12; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.82; Руденко К.А., Шайхутдинов Р.Р. Изделия из цветного металла Лаишевского селища // Историко-археологическое изучение Поволжья. — Йошкар-Ола, 1994. — рис. XXIV, 10; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.232-233, рис.74, 6; См. АМЗ без ин. №; ГОМРТ № 5363-46, АА7-11, ин. №/№ 6329-6330, 6334-6339 + 2 экз. без ин. №/№; АА7-20, ин. № 6376; АА7-?, ин. № 6340; АА?, ин. № 6432; № 5427-167, ин. № 6374, 6463, АА7-28, ст. № 20024; ГИМ ин. №/№ 28406-28412, 78607, оп.872, 914; БГИАЗ №/№ 12-63; 176-762; Балингузское селище, сборы Ф.А.Ахметгаллина, 1994 г.

¹² Дер. Бабино у г. Советска Кировской обл.; КОМК № 33363/ 116.

¹³ ГОМРТ № 5363-46, АА7-20, ин. № 6435.

¹⁴ ГОМРТ № 5427-167, ин. № 6464, Бил.113.

¹⁵ ГОМРТ № 5754-34; ГЭ, экспозиция.

¹⁶ Аналогии зеркалам типов А2-3,5-6, Б3 и Д1 приведены в статье: Недашковский Л.Ф., Ракушин А.И. Бронзовые зеркала второй половины X — XIV вв. из музеев Саратовской области (в печати).

¹⁷ Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. — 1900. — Вып. VIII. — С.354; Высоцкий Н.Ф. Ук. соч. — С.13, табл. IX, 3; Tallgren A.-M. Ук. соч. — табл. IX, 7, 14; Смирнов А.П. Волжские болгары // Труды ГИМ. — 1951. — Вып. XIX. — рис.46; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.82, 116; Полякова Г.Ф. К вопросу... — С.81; Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. — М.: Наука, 1978. — С.93-94, рис.47, 5; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.232-233, рис.74, 3; Кригер В.А. Отчет о раскопках в 1985 году... — рис.59-60.

¹⁸ Катанов Н.Ф. Бронзовое зеркало с арабской надписью. — М., 1909. — С.3.

¹⁹ Эрдман Ф.И. О восточных зеркалах // Заволжский муравей. — 1832. — № 5. — С.273; Савельев П.С. Описание двух металлических зеркал с арабскими надписями, найденных близ развалин Булгара // Записки археологического общества. — 1852. — Т. IV. — С.72-76; Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II АС. — 1876. — Вып. I. — С.16, табл. IV, 14; ОАК за 1895 г. — СПб., 1897. — С.60, рис.139; Труды VIII АС. — 1897. — Т. IV. — табл. LXXXVI, 40; Челинцев В.В. Ук. соч. — С.154-155, рис.2; Арзютов Н.К. О чем говорят курганы. Рассказы об археологических находках в Нижнем Поволжье. — Саратов: Саратов. краев. изд., 1936. — С.103; Смирнов А.П. Ук. соч. — С.116-117, рис.51; Крачковская В.А. О бронзовых зеркалах Донского музея // Исследования по истории культуры народов Востока / Сборник в честь академика И.А.Орбели. — М.-Л., 1960. — С.357, рис.1; Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. — Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1975. — С.110, рис.42, 1, 3, 5; Хлебникова Т.А. К истории г. Жукотина (Джук-Тау) домонгольской поры (по работам 1970-1972 гг.) // СА. — 1975. — № 1. — С.239, рис.3, 5; Федоров-Давыдов Г.А. Искусство... — С.165, рис.127; Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища Древнего Казахстана. — Алма-Ата: Жалын, 1979. — С.121, рис.9-10; Васильева И.Н. Погребения... — С.235, рис.17, 10; Мамонтов В.И., Ситников А.В. Средневековые погребения курганного могильника Быково III // ДВДС. — 1994. — Вып.4. — С.162, 165, рис.8, 1; Исмагилов Р.Б. Средневековые комплексы и случайные находки из Южного Приуралья // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. — Уфа, 1995. — Вып.1. — С.141-142, 147, рис.5, 5; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.232-233, 238, рис.74, 7-8; ГОМРТ № 5363-46 ин. № 6413; АА8, ин. № 6352, АА7-14- 3 экз.; № 5754-34; ВОКМ № 14925, Быково-77, 17-1/5; Лаишевский уезд, сообщение К.А.Руденко.

²⁰ Крачковская В.А. Ук. соч. — С.357, рис.1.

²¹ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. — 1952. — № 26. — С.159, рис.69; Путаенкова Г.А. Бронзовое зеркало из Термеза // Советская Этнография. — 1961. — № 1. — С.153, рис.1; Турбеков

М., Бижанов Е. Раскопки городища Миздахкан // Археологические открытия 1985 года. — М., 1987. — С.600, 602.

²² Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные... — С.105, рис.100, № 288.

²³ Эрдман Ф.И. Ук. соч. — С.273; Виноградов В.Б. Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии // СА. — 1987. — № 1. — С.267-268, рис.1; Ward R. Islamic metalwork.- London: British Museum Press, 1993. — С.30, рис.18; The British Museum №/№ 1904.12-2.2; 66.12-29.76-77; 89.4-25.218.

²⁴ Erdmann H. Iranische Kunst in deutschen Museen. — Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1967. — рис.23А; The British Museum № 1963.7-18.1.

²⁵ Смирнов А.П. Ук. соч. — рис.49; Валсеев Ф.Х. Ук. соч. — С.172, рис.74, 4; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.230-231, рис.73, 7.

²⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.82-83, рис.14, 3; Fedorov-Davydov G.A. Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. — München: Verlag C.H.Beck, 1984. — С.93, рис.86; Fyodorov-Davydov G.A. The Culture... — рис.108, 2; ВОКМ № 10889, Спартак-75, случайная находка; ГЭ, экспозиция, Царевское городище.

²⁷ Синицын И.В. Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР в 1965 году // Архив ИА РАН, р.1, д.3321. — рис.365.

²⁸ Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII-XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. — Алма-Ата, 1968.- рис.1, 155а.

²⁹ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные... — С.49-53, рис.20-21, №/№ 47-60.

³⁰ Лихачев А.Ф. Ук. соч. — табл.IV,7; ОАК за 1896 г. — СПб., 1898.- С.83, рис.341; Уварова П.С. Могильники...- табл.XLVIII,1; Катанов Н.Ф., Айналов Д.В. Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губерний. — Харьков, 1902. — С.3, 8, рис.2; Трифилев Е.П. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии летом 1901 года // Труды XII АС. — 1905. — Т.1. — С.133, рис.11; Челинцев В.В. Ук. соч. — С.162-163, рис.13; Смирнов А.П. Ук. соч. — С.117, рис.50; Греков Б.Д., Калинин Н.Ф. Волжская Булгария IX-XIII веков // История Татарской АССР. — 1955. — Т.1. — С.54, табл.XIV; Синицын И.В. Археологические памятники северо-западного Прикаспия // Труды СОМК. — 1960. — Вып.3. — С.136, рис.23; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.83, тип Т1; Валсеев Ф.Х. Ук. соч. — С.172-173, рис.74, 2, 75, 3; Крамаровский М.Г. Одна из групп золотоордынских зеркал // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. — Киев, 1975. — Ч.III. — С.117; Федоров-Давыдов Г.А. Искусство... — С.166; Мамонтов В.И., Ситников А.В. Ук. соч. — С.149, 154, рис.1,5; Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — рис.46, 2; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.229-230, рис.72, 9; ВОКМ № 21047, Быково III-76, 3/1; ГОМРТ № 5363-15, АА6-1, ин. № 6294; № 5363-46, АА7-1, ин. № 6300; АА7-2, ин. №/№ 6320, 6348, 6371, 6374 + 3 фр. без ин. №/№; АА7-20, ин. № 6420; 5754-34; № 7719-11, АА7-31, ст. № 21890; № 5427-167; АА12-1, ин.№/№ 6358, 6465 и 1 экз. без ин. №; ГИМ ин. №/№ 28406-28412, 54746, оп.914; БГИАЗ № 24-142. Один фрагмент такого же зеркала известен и из бассейна Вятки: КОМК № 33363/115.

³¹ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Ук. соч. — С.74, рис.29, 5.

³² Катанов Н.Ф., Айналов Д.В. Ук. соч. — С.7; Смирнов А.П. Ук. соч. — С.116, рис.47; Валсеев Ф.Х. Ук. соч. — С.173, рис.75, 5; Археологический музей КГУ № АКУ-2/103-3.

³³ Катанов Н.Ф., Айналов Д.В. Ук. соч. — С.3-4, рис.4-5; Трифилев Е.П. Ук. соч. — С.133, рис.9.

³⁴ Уварова П.С. Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. — 1894. — Вып.IV. — С.126, рис.102; Уварова П.С. Могильники... — С.269, табл.CIX, 17; Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII-XVII вв.). — Грозный: Чеч.-Инг. изд-во, 1977. — рис.22, 1.

³⁵ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Ук. соч. — С.195, рис.85, 3; Байпаков К.М. Ук. соч. — С.141, рис.3.

³⁶ The British Museum № 66.12-29.75.

³⁷ Высоцкий Н.Ф. Ук. соч. — С.13, табл. IX, 1-2, 5; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.230, 232-233, рис.74, 1; ГОМРТ № 5363-15, ин. № 6397; 5363-46, АА7-7, ин.№ 6403; АА7-11, ин. № 6349; АА7-12 (2 фр. без ин. №/№); АА7-16 (1 фр.); АА7-20, ин. № 6389; АА7-

55, ст. № 12008; АА8-12, без ин. №; ин. № 6323; ГИМ ин. №/№ 28406-28412, оп.914; БГИАЗ №/№ 17-330; 177-470; 242-54 (последний предмет был найден в 1990 г. на СХ раскопе, датированном монетами 30-80-х гг. XIV в. — материал предоставлен Р.Ф.Шарифуллинным).

³⁸ ГОМРТ № 5427-167, АА7-39, Бил.28.

³⁹ *Хабарова Н.В.* Средневековые зеркала из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Случайные находки // ДВДС. — 1994. — Вып.4. — С.219; ВОКМ № 2404/21.

⁴⁰ *Казаков Е.П.* Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. — Казань, 1988. — С.80, рис.4, 22; Сборы Е.А.Беговатова.

⁴¹ *Руденко К.А., Шайхутдинов Р.Р.* Ук. соч. — рис. XXIV, 6.

⁴² Сборы Е.П.Казакова, 1988 г.

⁴³ *Казаков Е.П.* Памятники... — С.94, рис.47, 6.

⁴⁴ *Хабарова Н.В.* Ук. соч. — С.218-219, рис.2, 3; ВОКМ № 8080/2.

⁴⁵ *Гусева Л.Н.* Об истоках некоторых орнаментальных мотивов в искусстве чжурчженей // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1978. — С.91, рис.5-8.

⁴⁶ *Лихачев А.Ф.* Ук. соч. — С.16, табл. IV, 10; *Валеев Ф.Х.* Ук. соч. — С.110, рис.42, 6; ГОМРТ № 5363-?, АА7-?, ин. № 6341.

⁴⁷ Труды... — табл. LXXXVI, 41.

⁴⁸ *Rupert M., Todd O.J.* Chinese bronze mirrors. — Peiping: San Yu Press, 1935. — табл. XXI, № 211; *Шавкунов Э.В.* Клад чжурчженских зеркал // МИА. — 1960. — № 86. — С.235, рис.6, 1; *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные... — С.71-72, рис.56, №/№ 138-140; *Шавкунов Э.В.* Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1981. — С.94, рис.6; *Шавкунов Э.В.* Культура чжурчженей-удиге XII-XIII вв. и проблемы происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. — М.: Наука, 1990. — с.278, табл.61, 6.

⁴⁹ *Арсланова Ф.Х.* Ук. соч. — рис.135.

⁵⁰ *Байпаков К.М.* Ук. соч. — С.144, рис.4.

⁵¹ К.13, 1909 г.: СОМК № НВСП 30391.

⁵² 1925 г.: Хвалынский краеведческий музей № 357.

⁵³ *Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств // Труды I АС. — 1871. — Т. II. — С.559.

⁵⁴ *Полякова Г.Ф.* Изделия... — С.228-229, рис.72,5; БГИАЗ №/№ 177-145; 177-445.

⁵⁵ *Валеев Ф.Х.* Ук. соч. — С.107, рис.41,4-5.

⁵⁶ Каталог археологических коллекций / Сост. Б.А.Раев. — Новочеркасск, 1979. — С.155, табл.30, 4.

⁵⁷ *Клырниязов М.Ш.* Культурные связи золотоордынских городов Хорезма // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. — Алма-Ата, 1983. — С.108.

⁵⁸ *Rupert M., Todd O.J.* Ук. соч. — табл. XIX, № 212; *Шавкунов Э.В.* Клад... — С.235, рис.6, 2; *Лубо-Лесниченко Е.И.* Бронзовые зеркала Минусинской котловины в предмонгольское и монгольское время (II-XVI вв.) // Страны и народы Востока. — 1969. — Вып.8. — С.72, рис.2; *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные... — С.72-73, рис.57, №/№ 142, 144; *Шавкунов Э.В.* Описание... — С.94, 98, рис.4-5; *Шавкунов Э.В., Конькова Л.В., Хорев В.А.* Бронзовые зеркала Ананьевского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1987. — С.81, рис.2; *Шавкунов Э.В.* Культура... — С.279-280, табл.62, 2, 63, 1.

⁵⁹ ВОКМ № 25237/10, Бахтияровка II-83, 49-1/6.

⁶⁰ *Кригер В.А.* Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 году // Архив ИА РАН, р.1, д.10342. — рис.64, 77, 3; *Кригер В.А.* Отчет о раскопках в 1985 году... — рис.31; ВОКМ № 25237/12, Бахтияровка II-83, 50-1/8; № 24000/8, Бахтияровка III-85, 85-1/3. Второе зеркало датировано монетами Хызра (Гюлистан, 761 г.х.) и Мюрида (Гюлистан, 762 г.х.).

⁶¹ АКУ-2/103-4.

⁶² Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные... — С.73, рис.58, № 145; The British Museum № ОА 1985.5-7.1.

⁶³ Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные... — С.54, 64-65, 89-90, рис.24, 48, 83.

⁶⁴ ОАК за 1896 г. — С.136, рис.478; ОАК за 1902 г. — СПб., 1904. — С.140, рис.254; Grekov B., Jakoubovski A. La Horde d'Or. La domination tatare au XIIIe et au XIVe siecle de la mer Jaune a la mer Noire. — Paris: Payot, 1939. — табл.II; Акчурина З.А., Ефимова А.М., Смирнов А.П., Хованская О.С. Раскопки Великих Болгар // Краткие сообщения института истории материальной культуры. — 1950. — XXXIII. — С.79, рис.35; Смирнов А.П. Ук. соч. — С.117; Смирнов А.П., Мерперт Н.Я. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. — М., 1954. — С.48-49; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники... — С.80, рис.14, 4; Полякова Г.Ф. Зеркала с драконами из Болгар // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. — М., 1978. — С.217-219; Fedorov-Davydov G.A. Stadte... — С.93, рис.88; Руденко К.А., Шайхутдинов Р.Р. Ук. соч. — рис. XXIV, 5; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.234-235, 239, рис.75, 5; ГИМ ин. № 36213; ГОМРТ № 5363-7; № 5363-46, АА7-10, АА7-23; № 7719-11, АА7-35, ст. № 21890; ГЭ № 30-26; СОМК № АО 1619; Лаишевское селище, сборы К.А.Руденко.

⁶⁵ Катанов Н.Ф., Айналов Д.В. Ук. соч. — С.2.

⁶⁶ Эрдман Ф.И. Ук. соч. — С.275-276; Валеев Ф.Х. Ук. соч. — С.172-173, рис.74, 5, 75, 1; Хабарова Н.В. Ук. соч. — С.216-217, рис.1, 2; ВОКМ № 10890, Спартаковка-75; № 10892; Архив СОМК, ф.85, оп.1, д.158, л.5.

⁶⁷ Катанов Н.Ф., Айналов Д.В. Ук. соч. — С.1-3, рис.1.

⁶⁸ Rupert M., Todd O.J. Ук. соч. — табл. XXVIII, № 344; Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные... — рис.78, № 203.

⁶⁹ Евтохова Л.А. Изделия различных ремесел из Кара-Корума // Древнемонгольские города. — М., 1965. — С.283, рис.145, 1.

⁷⁰ Rupert M., Todd O.J. Ук. соч. — табл. III, VI-VII, №/№ 2, 4, 25, 27, 55; Swallow R.W. Ancient Chinese bronze mirrors. — Peiping: Henri Vetch, 1937. — № 8; Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные... — С.114-116, рис.103.

⁷¹ Rupert M., Todd O.J. Ук. соч. — табл. III, IX, №/№ 1, 3, 75; Swallow R.W. Ук. соч. — №/№ 55, 560; Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные... — С.81-82, рис.75; ГОМРТ № 7719, АА4-42.

⁷² Данный отдел выделен как самостоятельный лишь предположительно, возможно, что его следует включить в отдел Г.

⁷³ Лихачев А.Ф. Ук. соч. — табл. IV, 3; Валеев Ф.Х. Ук. соч. — С.103, 172, рис.39, 2, 74, 3; Полякова Г.Ф. Изделия... — С.228-229, рис.72, 4.

⁷⁴ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Ук. соч. — С.74, рис.29, 1.

⁷⁵ Кригер В.А., Железчиков Б.Ф. Позднекочевнические погребения у пос. Рубежка и Алебастрово Уральской области // СА. — 1980. — № 1. — С.303, рис.3, 3; Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы Кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). — М.: Наука, 1988. — С.17, 35, рис.4, 15, ОП, 11, 7.

⁷⁶ Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник (“У дамбы”) в Татарии // АЭМК. — 1994. — Вып.23 (Проблемы средневековой археологии волжских финнов). — С.133, рис.3, 2; БГИАЗ № 177-486.

⁷⁷ Талько-Грынцевич Ю.Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Труды Троицкосавско-Кяктинского Отделения Приамурского Отдела Русского географического общества. — 1899. — Т.1. — Вып.2. — табл. XII, 3с.

⁷⁸ Арсланова Ф.Х. Ук. соч. — рис.135.

⁷⁹ Греков Б.Д., Калинин Н.Ф. Ук. соч. — С.54, таб. XIII; Валеев Ф.Х. Ук. соч. — С.111, рис.43, 9.

⁸⁰ Руденко К.А., Шайхутдинов Р.Р. Ук. соч. — рис. XXIV, 8.

⁸¹ Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. — Фрунзе, 1963. — С.40, рис.6, 4; Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные... — С.41-42, рис.10-11.

- ⁸² *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные... — С.80, рис.73, №/№ 171-172.
- ⁸³ *Полякова Г.Ф.* Изделия... — С.225-226, рис.70, 9.
- ⁸⁴ *Иванов В.А.* Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала. — Уфа, 1984. — С.90, рис.11, 2.
- ⁸⁵ *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники... — С.79, рис.13, Д1; *Мамонтов В.И.* Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка II // ДВДС. — 1993. — Вып.3. — С.159-160, рис.5, 3.
- ⁸⁶ *Полякова Г.Ф.* Изделия... — С.224-227, рис.70, 1, 71, 2; ГОМРТ № 5363-46, АА8-8, АА8-15.
- ⁸⁷ *Клырнязов М.Ш.* Ремесло Хорезма в XIII-XIV вв. // Археологические исследования в Каракалпакии. — Ташкент, 1981. — С.128, рис.3, 4.
- ⁸⁸ *Асеев И.В.* Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. — С.102, таб. XXXIV.
- ⁸⁹ *Стратанович Г.Г.* Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточно-азиатский этнографический сборник. — 1961. — Вып.2. — С.60, рис.4.
- ⁹⁰ ГОМРТ № 5363-46, АА8-4.
- ⁹¹ *Кригер В.А.* Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область) // СА. — 1983. — № 3. — С.186, рис.10, 4; *Иванов В.А., Кригер В.А.* Ук. соч. — С.17, 35, рис.4, 15, ДП, 11, 19; *Ляхов С.В.* Новые золотоордынские погребения Саратовского Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. — 1992. — Вып.3. — рис.9А; СОМК № СМК 60012.
- ⁹² *Васильева И.Н.* II Усинский грунтовый могильник XIII-XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии. — Самара, 1993. — С.74, рис.6, 9.
- ⁹³ КОМК № 3363/69.
- ⁹⁴ *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — М.: Наука, 1967. — С.142-143, рис.37,1-4; *Полякова Г.Ф.* Изделия... — С.216, 237, рис.69, 17.
- ⁹⁵ *Талько-Грынцевиц Ю.Д.* Ук. соч. — таб. XII, 3в; *Арсланова Ф.Х.* Ук. соч. — рис.150; *Агапов П., Калдырбаев М.* Ук. соч. — С.121, рис.12; *Иванов В.А., Кригер В.А.* Ук. соч. — С.17, рис.4, 15, ВП; ГОМРТ № 5363-46, АА8-5 (3 фр.), АА8-8, АА8-15; КОМК № 3363/69; СОМК № НВСП 42736; БГИАЗ № 212-9, Маклашеевское селище, сборы М.М.Кавеева, 1987 г.
- ⁹⁶ *Полякова Г.Ф.* Изделия... — С.224-226, 237, рис.70,4; ГОМРТ № 5363-45, АА7-24; № 5363-46, АА8-5.
- ⁹⁷ *Миних А.Н.* Археологические раскопки и находки в Аткарском уезде Саратовской губернии // Труды СУАК. — 1911. — Вып.27. — С.2.
- ⁹⁸ ВОКМ №-?, Бахтияровка-82.
- ⁹⁹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки Нового Сарая в 1959-62 гг. // СА. — 1964. — № 1. — С.269, рис.16, 3.
- ¹⁰⁰ *Арзютов Н.К.* Погребения поздних кочевников Калмыцкой области (По материалам 1929 г.) // Известия саратовского Нижне-Волжского института краеведения. — 1933. — Т. VI. — С.110.
- ¹⁰¹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Новый Сарай по раскопкам в 1963-1964 гг. // СА. — 1966. — № 2. — С.246, рис.9, 3.
- ¹⁰² *Полякова Г.Ф.* Изделия... — С.226-229, рис.71, 3, 72, 1.
- ¹⁰³ *Кротков А.А.* Раскопки на Увеке в 1913 году // Труды СУАК. — 1915. — Вып.32. — С.119, 127-130, рис.3.
- ¹⁰⁴ ГОМРТ № 5363-46, ин. № 6456.
- ¹⁰⁵ *Галкин Л.Л.* Некоторые новогодние монеты Золотой Орды // СА. — 1985. — № 4. — С.188, 192, рис.2, 1, 6, 4, 7, 10.
- ¹⁰⁶ *Смирнов А.П.* Ук. соч. — С.116; *Шавкунов Э.В.* Клад... — С.235; *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные... — С.72; *Шавкунов Э.В.* Описание... — С.98; *Шавкунов Э.В.* Культура... — С.132.
- ¹⁰⁷ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные... — С.117-118.

¹⁰⁸ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные... — С.71, 87, рис.55, 79; *Шавкунов Э.В.* Описание... — С.105-106; *Шавкунов Э.В.* Культура... — С.131-132, 278-279, табл.61, 3, 62, 4; *Шавкунов Э.В., Хорев В.А., Тригуб Ф.П.* Новые находки средневековых зеркал в Приморском крае // *Российская археология.* — 1992. — № 2. — С.226-228, рис.4.

¹⁰⁹ *Смирнов А.П.* Ук. соч. — С.117; *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные... — С.39, 117, рис.6, 105.

¹¹⁰ *Rupert M., Todd O.J.* Ук. соч. — табл. II, V, VII, №/№ 15, 34, 420; *Swallow R.W.* Ук. соч. — № 53; *Прохорова Т.А., Гугуев В.К.* Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // *СА.* — 1992. — № 1. — С.153, 157, рис.11; *Гугуев В.К., Трейстер М.Ю.* Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // *Российская археология.* — 1995. — № 3. — С.143-147, рис.1-2, 3, 4-5.

¹¹¹ *Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь могильников Западной Ферганы. — М.: Наука, 1978. — С.99, 103, табл.25, 6; *Горбунова Н.Г.* Бронзовые зеркала кугайско-карабулакской культуры Ферганы // *Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа (Древность и средневековье).* — М., 1990. — рис.18, 21.

¹¹² *Талько-Грынцевич Ю.Д.* Ук. соч. — таб. XII, 3с.

¹¹³ *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство... — С.166.

¹¹⁴ *Прибыткова А.М.* О методе проектирования средневековых зодчих // *История и культура народов Средней Азии (древность и средние века).* — М., 1976. — С.194-195, рис.29-30.

¹¹⁵ *Бородина И.Ф.* Декоративная система внутреннего пространства мавзолея Гури-Эмир в Самарканде // *История и культура народов Средней Азии (древность и средние века).* — М., 1976. — С.198, 200, рис.39, 42.

¹¹⁶ СОМК № НВСП 31539 (СУАК 1850/12).

¹¹⁷ ГЭ, экспозиция.

¹¹⁸ *Ляхов С.В., Якубовский Г.Л.* Ук. соч. — С.176, 179.

¹¹⁹ *Ляхов С.В.* Ук. соч. — С.164, 166.

¹²⁰ *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. — М.: Наука, 1991. — С.163.

¹²¹ *Эрдман Ф.И.* Ук. соч. — С.274.

¹²² *Виноградов В.Б.* Ук. соч. — С.267.

¹²³ *Эрдман Ф.И.* Ук. соч. — С.273, 275; *Радлов В.* Сибирские древности, т.1, вып.2 / *Материалы по археологии России.* — 1891. — № 5. — С.28, 124, табл. IX; *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные... — С.104-105, рис.99, № 287.

¹²⁴ *Виноградов В.Б.* Ук. соч. — С.268.

¹²⁵ *Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы в южно-русских степях // *МИА.* — 1956. — № 62. — С.151-226; *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники...; *Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы.

¹²⁶ *Полякова Г.Ф.* К вопросу... — С.80-81; *Плетнева С.А.* Половцы. — М.: Наука, 1990. — С.124-125.

¹²⁷ *Садькова М.Х.* Сарматские памятники Башкирии // *МИА.* — 1962. — № 115. — С.260, 272-273, рис.10, 2, 11, 1-2; *Арсеньева Т.М.* Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // *Древности Евразии в скифо-сарматское время.* — М., 1984. — С.22-23, рис.2, 2-3; *Гмыря Л.Б.* Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана // *СА.* — 1990. — № 1. — С.255, рис.1-2; *Гуренко Л.В., Ситников А.В., Скворцов Н.Б., Сурков А.Г.* Раскопки курганов у пос. Верхне-Рубежный // *ДВДС.* — 1994. — Вып.4. — С.59, рис.6,4.

¹²⁸ *Полякова Г.Ф.* К вопросу...

¹²⁹ На Увекском городище были найдены два фрагмента каменных литейных форм для зеркал: ГИМ ин. № 34162, о.952, № 11; ГОМРТ № 5365-58, ст. № 94.

¹³⁰ *Греков Б.Д., Калинин Н.Ф.* Ук. соч. — С.54, таб. XIV; *Полякова Г.Ф.* Изделия... — С.160, рис.56, 5, 58, 9.

¹³¹ *Fyodorov-Davydov G.A.* The Culture... — С.178, рис.107, 2; *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские... — С.185.

¹³² *Конькова Л.В.* Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР (рубеж II-I тыс. до н.э. — XIII век н.э.). — Л.: Наука. Ленингр. отд.-е., 1989. — С.79.

¹³³ *Челинцев В.В.* Ук. соч. — С.153-166.

¹³⁴ *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные... — С.132-149.

¹³⁵ *Полякова Г.Ф.* О времени появления зеркал аланской группы на территории Волжской Болгарии // История и культура Евразии по археологическим данным. — М., 1980. — С.146-147.

¹³⁶ *Шавкунов Э.В., Хорев В.А., Тригуб Ф.П.* Ук.соч. — С.223.

¹³⁷ *Крамаровский М.Г.* Новые находки золотоордынского серебра из Приобья. Северо-китайские и исламские черты в тюретике 13-14 вв. // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки. К 70-летию отдела Востока. — Л., 1991. — С.13.

Nedashkovsky L., Rakushin A.I. Medieval metallic mirrors from Uvek site.

According to the museum collections and archival materials on Uvek site (the second half of XIII — XIVth centuries) of the Golden Horde period more than 80 mirrors and its fragments were assembled. Only 60 well determined wares, kept in Saratov regional museum of regional ethnography, State united museum of Republic Tatarstan (Kazan), State historical museum (Moscow) and State Hermitage (St.-Petersburg) are taken into analysis in the article.

The analysis of images on mirrors enables to observe genesis sources and stages of that or other plot.

As feature are definitely correlated with the types of the images on mirrors the principle of mirrors division on groups under the form of rim can be justified. So for mirrors with low rim and without expressed rim (Pl.3, fig.4-12) geometrical ornament is peculiar; these wares were widespread mainly between the steppe nomads of Eurasia. The vegetative ornament, images of fishes, dragons, animals etc. are characteristic to mirrors with wide massive and narrow high rim (Pl.1-2, Pl.3, fig.1-3); these wares were local i.e. made in a European part of the Golden Horde, and imported, mainly from the Far East. The experts in mirrors of Far East fairly consider narrow vertical rim as uncharacteristic to Far East mirrors. Therefore, such mirrors were widespread in East Europe and in South Siberia. So it is possible to consider them as wares made by local craftsmans, which were used as prototypes the Far Eastern wares.

Rather large proportion of types of a Far Eastern origin between mirrors of collection from the Uvek site, probably, is not casual. Obviously, in metalwork from Uvek city (in archaeology known as Uvek site), evidently founded not later than 1250-s, the influence of so-called “empire culture”, peculiar to an early stage of the Golden Horde culture strongly showed itself.

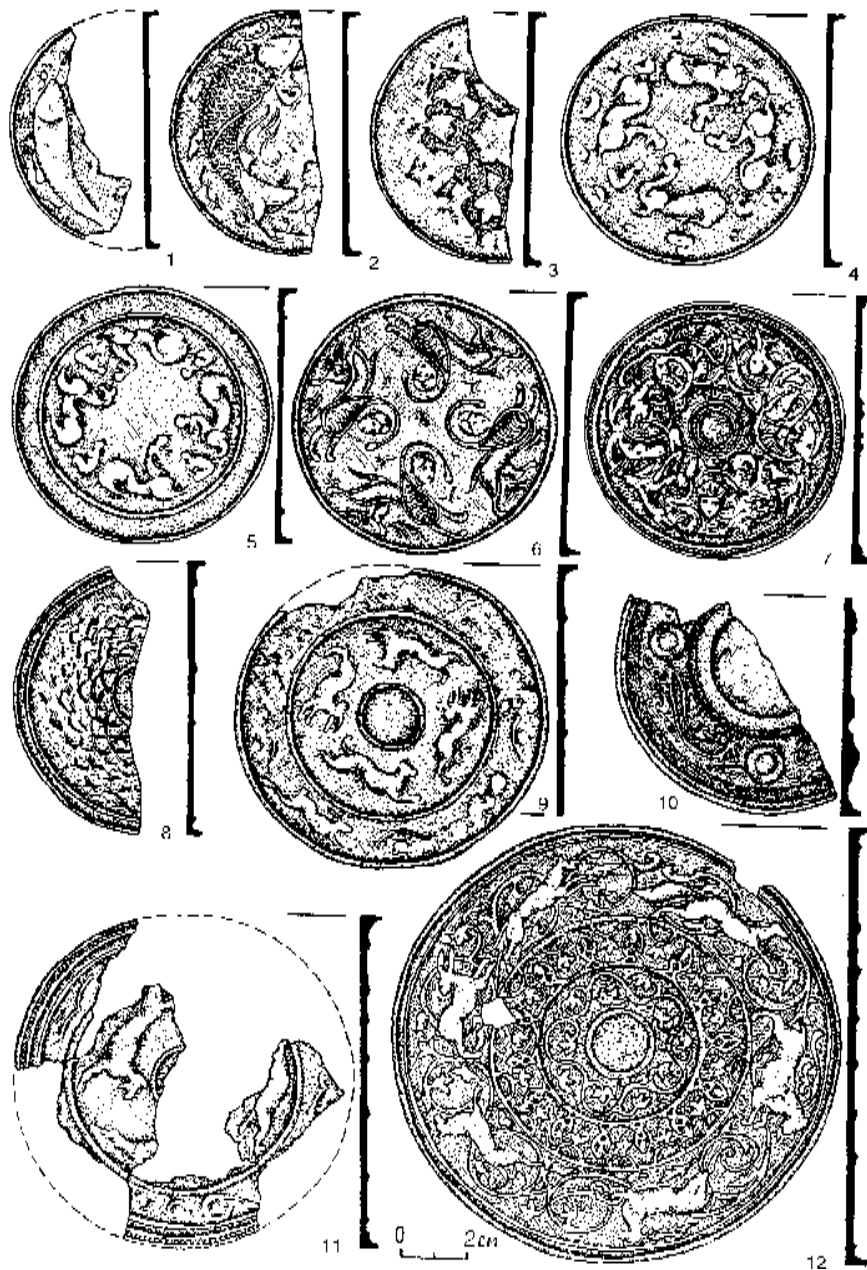

Рис.1. Бронзовые зеркала с меднистыми окислами (1-12). — 1-3, 10 — ГОМРТ № 5365-7, АА7-54, ст. №/№ 13277, 13278, 20689; АА7-57?, ст. № 13273; 4-9, 11-12 — СОМК № СМК 52034/А-2320 (АО 295); СМК 52445/А-2370 (АО 301); АО 97?; АО 972; АО 973; СМК 52033/А-2319 (АО 294); НВСП 31164; СМК 57913 (АО 289).

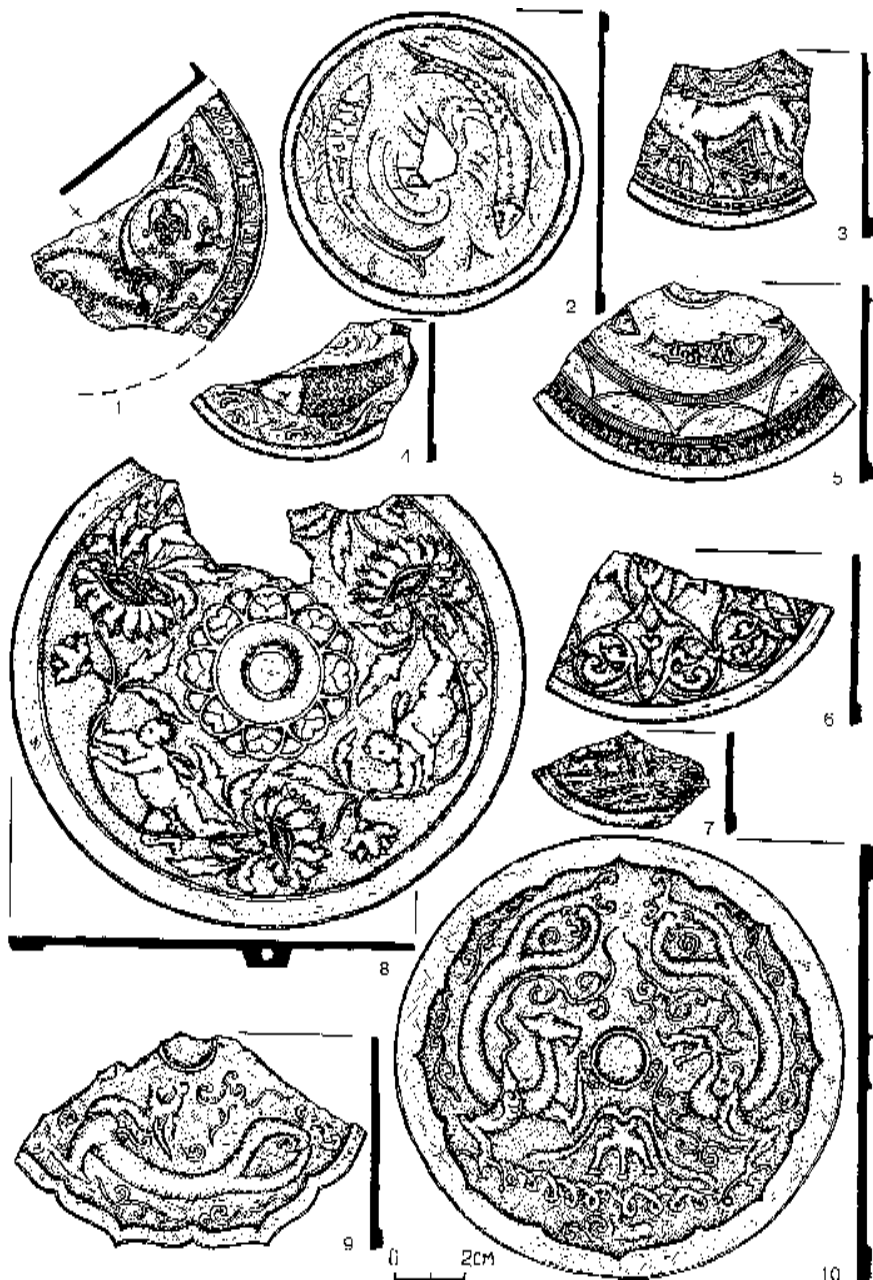

Рис.2. Зеркала из сплава серо-стального цвета (1, 3-7, 9-10) и с меднистыми окислами (2, 8). — 1, 3, 5-6, 8-10 — СОМК №/№ АО 2897; НВСП 28299 (АО 287); НВСП 28298 (АО 286); АО 974; СМК 57812 (СУАК 120, АО 285); НВСП 31367; СМК 57912; 2, 4, 7 — ГОМРТ № 5365-7, ин. № 6302, ст. № 18506 и без доп. №/№.

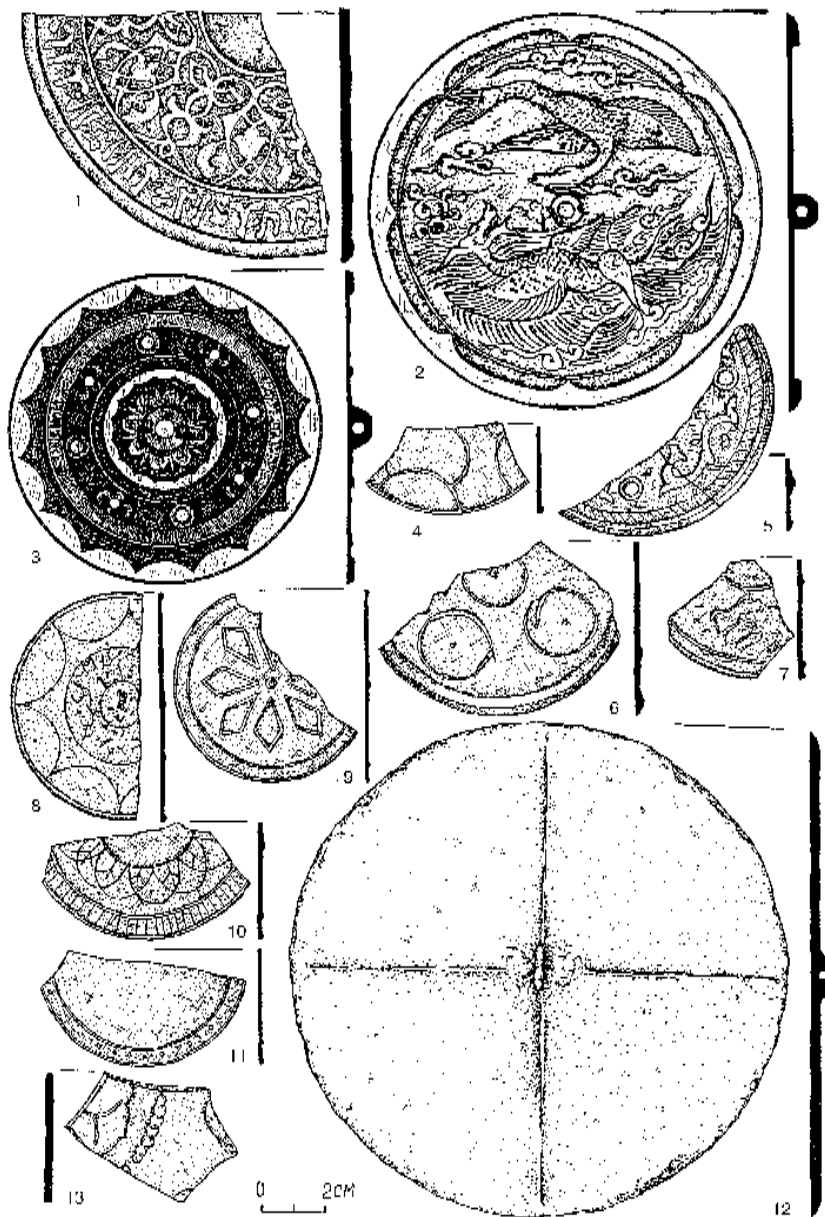

Рис.3. Зеркала из сплава серо-стального цвета (1, 5, 7, 13) и с меднистыми окислами (2-4, 6, 8-12). — 1, 4, 9, 11-12 — СОМК № НВСП 31413; НВСП 31162; СМК 57916 (АО 299); НВСП 30981 (АО 579); СМК 57950 (СУАК 2441/10, АО 327/8); 2-3 — находки 1994 г. (см. 403); 5-8, 10, 13 — ГОМРТ № 5365-7, ст. № 22689, АА8-24, ин. № 6355, ст. № 18507 и без доп. №/№.

Альфира Сингатуллина Джучидские монеты поволжских городов XIII в. (материалы из каталога)

В изучении политической и экономической истории, изобразительного искусства Улуса Джучи или Золотой Орды отнюдь не последнюю роль играют монеты, сочетая в себе достоинства письменных и археологических источников. В настоящее время в музеях страны собран довольно большой монетный материал XIII в., зачастую не поддающийся определению и периодизации из-за минимума или отсутствия сведений о принадлежности и о выходных данных монет. Все это создает определенные трудности и неудобства использования таких монет в качестве полноценного исторического источника и привлечения их для датировок археологических объектов и материалов. Монеты XIII в. несмотря на их малочисленность в сравнении с монетами XIV в., являются интереснейшим историческим источником, в полной мере неизученным палеографами, сфрагистами, искусствоведами, историками духовной культуры и т.д. Небольшие кусочки серебра или меди могут многое поведать пытливому исследователю, но только в том случае, когда монеты атрибутированы, взвешены, имеются сведения об обстоятельствах находки и места их хранения. Эти данные особенно необходимы при изучении монет XIII в., когда существовали замкнутые ареалы денежного обращения: Причерноморье, Поволжье с центром в бывшей Волжской Булгарии и Хорезм. Монеты, хранящиеся в разных музеях, зачастую недоступны не только для исследователей, но и для любителей истории и музейных работников, поэтому назрела необходимость составления каталога монет XIII в. хотя бы из собраний крупнейших музеев страны.

В каталоге описаны 253 вида монет (около пяти тысяч экземпляров) поволжских городов из коллекций Государственного Исторического музея (ГИМ), Государственного Эрмитажа (ГЭ), Государственного музея Изобразительных искусств им.А.С.Пушкина ГМИИ), Государственного объединенного музея Республики Татарстан (ГОМТР). Автор приносит глубокую благодарность работникам этих музеев С.А.Яниной, к большому сожалению, ныне покойной также М.Б.Северовой, Г.А.Цагуровой, А.В.Фомину, Н.М.Смирновой, А.С.Мельниковой за предоставленную возможность работы с монетными материалами, консультации ценные рекомендации. Каталог был составлен под руководством доктора исторических наук Г.А.Федорова-Давыдова, который не только внимательно рассмотрел материалы, но и оказал помощь, значение которой трудно переоценить.

Каталог не претендует на всеобъемлющую полноту, в нем, к сожалению, не представлены монеты из собрания Булгарского историко-архитектурного заповедника, а ведь именно на Булгарском городище были найдены основные массы монет XIII в. Не подлежит сомнению, что богатейшая историческая булгарская земля еще не раз порадует и удивит историков и нумизматов, пополнит собрание монет этого музея.

В данной статье, введу ограниченных рамок журнального пространства, опубликован не сам каталог с описанием монет, их весовых данных, мест хранения и публикаций, а лишь двадцать таблиц с изображениями 253 видов монет. Рисунки выполнены в натуральную величину наиболее хорошо сохра-

нившихся экземпляров, но реконструкция типов по возможности не проводилась, так как внесенные изменения и поправки - "улучшения" могли нарушить достоверность изображений. В случае затруднения чтения надписей и при значительных расхождениях вариантов монет приведены изображения этих разновидностей. Часть рисунков использована из публикаций известных нумизматов: Х.М.Френа, П.С.Савельева, А.Ф.Лихачева, С.А.Яниной, Г.А.-Федорова-Давыдова, из Каталогов восточных монет прежних лет изданий, практически недоступных для читателей.

Краткое содержание: монеты Булгара (№ 1-73), анэпиграфные и анонимные монеты без выходных данных, но чеканенные также в Булгаре (да 74-214, П9 253), в том числе монеты с трехногой тамгой (№ 29-а, 84-90, 94-100, 102-113), монеты Кермана (№ 215), Биляра (№ 216-221), Сарая (№ 222-245), Укека (№ 246-252). На последней (XX) таблице изображены типы монет XIII в. Хорезма — для сравнения и сопоставления с сарайскими и болгарскими монетами. Так как монеты XIII в. в своем большинстве изготавливались из серебра, золотых монет поволжской чеканки не было, поэтому медные планеты, изображенные на таблицах имеют пояснение: "медная".

Работа по систематизации джучидских монет началась 180 лет тому назад, ведется и поныне, однако не может быть окончена, так как тема эта неисчерпаема. Некоторые виды монет XIII в. известны в единственном экземпляре, это отличает их от монет XIV в., когда новый вид — редкое явление.

Основатель золотоордынской нумизматики Х.М.Френ дал описания 405 джучидских монет (среди них 63 монеты XIII в.), сопровождаемых великолепными рисунками (из 63 монет XIII в. 53 монеты воспроизведены графически)¹. Описание коллекции казанского собирателя К.Фукса, сделанное Х.М.Френом и переведенное в 1832 году с немецкого на русский язык М.Волковым, до сих пор остается настольной книгой и учебным пособием для нумизматов—восточников. На эти же таблицы, изготовленные в Казани в 1815 г., ссылался Х.Френ и при описании "магометанских" монет Азиатского музея Императорской Академии Наук здесь приведены описания 67 монет XIII в.² Интересно отметить увеличение числа сарайских, хорезмских и крымских монет при значительном количестве анонимных и анэпиграфных монет с тамгой дома Вату в Азиатском музее в сравнении с казанской коллекцией ("Монеты ханов..."), составленной из находок на территории бывшей Волжской Булгарии. После смерти Х.М.Френа вышло Дополнение к "Описанию магометанских монет.", изданное Б.Дорном в 1857 году³. Необходимо отметить, что научное наследие Х.Френа никоим образом не исчерпывается этими тремя работами, хотя и имеющими наибольшее значение для джучидской нумизматики.

Велика роль П.С.Савельева в изучении джучидских монет, в "Неизданных джучидских монетах из разных собраний" он приводит описания 19 монет XIII в.⁴

Большой вклад в изучение, а главное в сохранении монет, внес казанский коллекционер А.Ф.Лихачев, опубликовавший несколько кладов монет, в том числе и XIII в.⁵ В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета хранится рукописный каталог джучидских монет, принадлежавших А.Б.Лихачеву⁶. Эта рукопись, к сожалению, не была опубликована и не завершена из-за того, что коллекция постоянно пополнялась

новыми монетами и кладами, а затем намерения автора изменились — решено было издать не все имеющиеся в собрании монеты, а только неизданные. За образец была принята статья П.С.Савельева “Неизданные монеты...”, описания сопровождались историческими сведениями, весовыми данными, указаниями на место и время находки, но смерть прервала эту кропотливую работу. В этом Каталоге оказались отмеченными наиболее интересные поступления с Болгарского городища за тридцать лет, до начала 90-х годов XIX века. Любитель—нумизмат А.Ф.Лихачев понимал важность метрологических исследований, именно он обратил внимание на наличие нескольких номиналов джучидских монет, поставил перед учеными XIX в. неразрешимо тогда задачу — определение районов денежного обращения Золотой Орды и для этого предлагал Археологической Комиссии тщательно фиксировать все находки кладов и монет⁷. Подавляющее большинство джучидских монет XIII в., хранящихся в ГОМРТ происходят именно из коллекции А.Ф.Лихачева.

Двенадцать джучидских монет XIII века описаны в Каталоге восточных монет Британского музея, причем, первыми названы монеты с именами ханов Менгу и Ариг-Буги⁸. В Каталоге монет Харьковского университета зафиксированы два десятка видов джучидских монет XIII века и указаны не только вес, но и диаметры медных монет⁹. В Инвентарном каталоге мусульманских монет Императорского Эрмитажа А.К.Маркова представлены краткие описания монет, а перечисление джучидских монет начинается со времени Менгу-Тимура¹⁰. Отсутствие иллюстраций и лаконизм описания затрудняет работу с этим каталогом, грандиозным не только по содержанию и объему, но и по размерам. Хотя сочинение Н.П.Лихачева посвящено русской и византийской сфрагистике, значительное внимание в нем уделено джучидским монетам, тамгам на этих монетах. Здесь воспроизведены многочисленные фотографические изображения неопубликованных ранее джучидских монет из Исторического музея и Эрмитажа, причем особо подчеркнуто, что анонимные и анэпиграфные монеты с тамгой дома Бату и трехногой тамгой происходят с Болгарского городища¹¹.

С.А.Янина обработала, описала, хронологически определила огромное число золотоордынских монет, найденных на Болгарском городище во время археологических работ Куйбышевской экспедиции 1946-1958 годов, а также монеты из собрания гам. Четыре выпуска Каталога¹² содержат не только описания монет, их изображения и реконструкции типов, расшифровки надписей, указания веса, число найденных экземпляров, данные стратиграфии, но здесь впервые были поставлены и успешно решены многие вопросы джучидской нумизматики XIII-XIV вв.. В частности, доказано джучидское происхождение недатированных болгарских монет с именем ан-Насир лид-Дина, определены хронологические рамки чеканки и обращения анонимных и анэпиграфных монет с тамгой дома Бату и многое другое.

В трудах Федорова-Давыдова были обозначены районы и определены периоды денежного обращения Золотой Орды, составлены топографические сводки находок кладов и отдельных монет, выявлены основные закономерности денежного обращения, причины проведения и результаты трех денежно—весовых реформ, определены весовые нормы и проверены по письменному источнику, проведена сравнительная типология сарайских и хорезмских монет XIII в., изучено денежное дело Булгара и Хорезма, опубликованы

три клада монет XIII в., найденных в Булгаре, и клад монет каанов из Апастовского района, изучены торговля и торговые связи Золотой Орды¹³.

Три главы монографии А.Г.Мухамадиева посвящены денежному обращению поволжских городов XIII в.¹⁴ сделаны выводы: о домонгольском происхождении недатированных болгарских монет с именем ан—Насир Лид-Дина¹⁵, о существовании именных монет хана Берке¹⁶ (монеты Кермана), о чеканке ханом Берке дирхемов с надписью “Высокая тамга” и изображением своей тамги на них в промежуток времени между выпуском монет с именем Менгу хана и каана Ариг Буги¹⁷, принадлежности хану Бату тамги в виде двуконечной вилки без завитушки в середине, изображаемой на оборотной стороне болгарских монет с именем и тамгой каана Менгу¹⁸ (каану Менгу отведена тамга в виде двуконечной вилки с завитушкой на рукоятке , всегда помещаемая на лицевой стороне болгарских монет с именем этого каана). Если традиционно называемая “тамга каана Менгу” без завитушки принадлежала хану Бату, то в таком случае не поддается объяснению присутствие этой тамги—вилки без перекладины на монетах Тифлиса, Пулада, Эмиля и других городков, не входящих во владения хана Бату¹⁹. В данной монографии традиционно называемая тамга дома Бату переименована в тамгу Берке хана²⁰.

Хронологические рамки обзора монет XIII в. имеют четко выдержанную верхнюю границу — 710 г.х. (1310, 11 г.) — время проведения первой в истории этого государства унификационной реформы, приведшей к почти полному исчезновению местных денежно—весовых систем. Датировка начального периода денежного дела Золотой Орды связана с уточнением времени чеканки недатированных болгарских монет с именем халифа ан-Насир лид-Дина, отнесение этих монет к золотоордынскому чекану позволяет датировать начальный этап сороковыми годами XIII в., что несколько древнее общепринятой датировки.

Город Булгар, оправившийся после страшного разгрома осенью 1236 года, становится временной столицей и единственным монетным двором вновь образованного государства — Улуса Джучи или Золотой Орды. До начала XVI в. город Булгар оставался наиболее крупным центром монетной чеканки, хотя его продукция редко выходила за пределы территории бывшей Волжской Булгарии. Начавшаяся позднее чеканка Биляра, Сарая, Укека, Кермана, а также Хорезма не идет в сравнение с объемом и разнообразием продукции болгарского двора. Поэтому наибольшее число находок монет и кладов XIII в. приходится на Болгарское городище и сопредельные с ним территории.

Особенностью начального периода является отсутствие на болгарских монетах дат, имен джучидских ханов и помещением на них имен и династических знаков (тамг) каанов Менгу и Ариг Буги, а также чеканка монет с именем багдадского халифа (к тому времени уже покойного) ан-Насир лид-Дин Аллаха и перечеканка медных монет ан-Насира новыми штемпелями с именем и тамгой каана Менгу. Отсутствие дат на первых болгарских монетах породило полуторавекую дискуссию о принадлежности этих монет. История этой дискуссии заняла бы много страниц и нет смысла приводить ее в журнальной статье.

Недатированные болгарские монеты с именем ан-Насира, серебряные (№№ 1-6) и медные (№ 7) выпускались, вероятно, с середины или конца

40-х гг. XIII в. при хане Бату, во время правления великого каана Гуюка (1246-1248), злейшего врага джучидского хана Бату; последний не признал избрания Гуюка и не принес ему клятвы, и только смерть каана Гуюка предотвратила военные действия между этими чингизидами. Впрочем, болгарские монеты с именем ан-Насира могли чеканиться при том же Бату, ново времена каана Угэдэя (1229-1241), хотя такое предположение маловероятно, так как со времени разрушения Булгара прошло совсем немного времени. Наиболее приемлемое время выпуска монет ан-Насира при Бату хане это правление каана Гуюка и период разногласий после смерти Гуюка до воцарения Менгу-каана, т.е. до 1251 г. Не подлежит сомнению правомерность отсутствия на болгарских монетах ан-Насира каких-либо знаков подчиненности великому каану, но время для помещения имени джучидского хана на болгарских монетах еще не пришло. Общепризнанно, что недатированные болгарские монеты именем каана Менгу чеканились после монет с именем ан-Насира; доказательство тому — перечеканка медных монет ан-Насира штемпелями с именем и тамгой Менгу каана. Время обращения последних монет также вызывает разногласия среди нумизматов из-за отсутствия дат на самих монетах (№№ 8,9). Зато время чеканки и обращения болгарских недатированных монет с именем и тамгой другого каана Ариг-Буги бесспорно — (1260-1264), то есть до поражения и пленения этого каана (№ 10).

Имя халифа ан-Насира (1180-1225) не может быть датирующим признаком, оно помещалось на монетах как при жизни халифа, так и после его смерти. Оно неоднократно встречается на монетах, чеканенных в различных районах Монгольской империи, например, на медных посеребренных дирхемах Бухары 627 или 629 г.х. (1229.30 г. или 1231,2 г.), дирхемах Отрара 649-662 г.х. (1251,2-1263,4 г.), Алмалыка 638-662 г.х. (1240,1-1263,4 г.). В 50-е годы золотые монеты Отрара, Ходжента, Алмалыка, Орды ал-Аазам также несут на себе имя ан-Насира²¹. С X в. аббасидские халифы потеряли былое могущество, кроме некоторого морального и духовного влияния на мусульманский мир. Например, хорезмшах Мухаммед после 1215 г. "... объявил халифа Насира низложенным, отменил упоминание его имени в хутбе и на монетах и провозгласил халифом сейида Ала ал-Мулька Термези"²². Средневековые авторы (Ибн- ал-Асир, ал-Макризи, Ибн-Басил и др.) высказывают предположение о том, что халиф Насир в борьбе против хорезмшаха использовал и монголов: "Когда хорезмшах двинулся на Багдад, халиф написал Чингиз-хану, владыке татар, подстрекая его напасть на страну хорезмшаха ..." (Ибн- Васил)²³. Таким образом, халиф ан-Насир вовсе побыл врагом монголе в отличие от халифа ал-Мустансира (1226-1242), пытавшегося перед лицом общего врага (монголов) образумить и прекратить междоусобицу мусульманских владык²⁴. Е.А.Давидович объясняет появление голени покойного халифа ан-Насира на чагатайских монетах следующим образом: "Имя халифа Насира есть на золотых, серебряных, медных посеребренных и просто медных среднеазиатских монетах, но его появление или исчезновение никак не связано с 1258 г. — годом гибели последнего халифа и отнюдь не является показателем и демонстрацией отношений разных монгольских государей к Хулагу-хану и факту уничтожения им халифата. Имя халифа Насира на среднеазиатских монетах — такая же дань традиции, как и все мусульманские надписи"²⁵.

Отсутствие тамги каанов или других чингизидов на болгарских монетах с именем ан-Насира также не является исключением, например, на чагатаидских монетах первого этапа (по периодизации Е.А.Давидович, — до середины XIII в.) тамги тоже нет, но имеется имя Насира с его титулами (монеты Бухары и Отрара)²⁶. Даже после воцарения Менгу-каана его тамга так и не появилась на чагатаидских монетах, а сами монеты оставались “анонимными”, не считая имени Насира, может быть из-за того, что потомки Чагатая (умер в 1242 г.), сына Чингиз-хана, были противниками при воцарении Менгу каана. В Грузии, после дирхемов царицы Русудан чеканились анонимные датированные монеты с титулом “Каан правосудные и символом веры, но без тамги каана, и только с начала 50-х годов XIII в. здесь выпускались именные дирхемы Менгу каана с его тамгой-вилкой, но на медных именных тифлиских монетах Менгу каана тамги нет²⁷. Булгарские анонимные монеты 686 г.х. (№ 57), сарайские монеты Такты (да 233-241), сарайские монеты с именем ан-Насира (№ 244) и все укекские монеты также не имеют изображений какой-либо тамги.

Монеты с именем Менгу-каана (1251-1259) и изображениями его тамги двух разновидностей с перекладной — на лицевой стороне и без перекладки — на обратной стороне выпускались при ханах Бату (умер в 1256) и Берке (1257-1266). Причины появления болгарских монет с именем Менгу-каана (№ 8,9) следует искать во взаимоотношениях хана Бату и Менгу. На курултае 1251 г. Менгу, старший сын Тулуя, внук Чингиз хана, двоюродный брат Бату, стал четвертым великим кааном при активной помощи Бату и его брата Берке. Последний, посланный Бату-ханом в Керулен для возведения Менгу на престол, в течение двух лет не мог созвать курултай из-за препятствий, чинимых потомками великих каанов Угэдэя и Гуюка, а также Чагатая. Тогда старший из чингизидов, Бату, сын Джучи, внук Чингиз хана отдал приказ: “Ты его посади на трон, всякий, кто отвратится от ясы, лишится головы”²⁸. Плано Карпини сообщает о Бату: “... Бату ... наиболее богат и могущественнее после императора ..., а Менгу был могущественнее всех, за исключением Бату”²⁹. Тем не менее, Бату-хан признавал себя вассалом каана, чеканил монету с его именем и тамгой и перечеканивал прежние медные монеты ан-Насира, подавая остальным чингизидам пример для подражания. Незадолго до смерти отправил своего сына Сартака к Менгу-каану, прося утвердить его ханом Золотой Орды, Менгу-каан утвердил Сартака, вручил ему грамоты, но в это время (1256 г.) умер Бату, который имел прозвание от монголов Саин-хан, то есть “Добрый хан”. Сартак был убит, видимо, не без участия своего дяди Берке, добивавшегося престола, но и тогда Менгу-каан утвердил на троне сына Сартака малолетнего Улакчи, назначив ему регентшу в лице “старшей жены Бату хана, однако Улакчи тоже умер, вероятно, был убит, и ханом стал Берке, брат Бату (1256 или 1257 — 1266)³⁰. Чеканились ли при Берке-хане монеты с именем и тамгой Менгу-каана неизвестно, но очевидно, что монеты с изображением тамги другого вида , традиционно называемой “тамгой дома Бату” и с надписью “Высокая тамга” (№ 11) при нем не выпускались. Отсутствие монет с “Высокой тамгой” (№ 11) в кладах с монетами каанов Менгу (№ 8) и Ариг-Буги (№ 10)³¹ и, наоборот, нахождение их в кладах с монетами времени Менгу-Тимура, имеющими такую же тамгу³², не подтверждает вывод А.Г.Мухамадие-

ва о принадлежности данных монет (№ 11) хану Берке, выразившему свои сепаратистские взгляды выпуском анонимных монет со своей тамгой и подчеркиванием ее превосходства над каанской в период между чеканкой монет с именем Менгу-каана и монет каана Ариг-Буги³³. Тамга хана Берке неизвестна, тамга Бату присутствует почти на всех монетах XIII в. Знак (тамга каана Менгу), по мнению исследователя монгольских книг Д.Кара, является “символом долголетия и благополучия”³⁴.

Недатированные болгарские монеты с именем и тамгой каана Ариг-Буги чеканились при Берке-хане (№ 10), они изготавливались только из серебра, имеют стандартный тип, но тамга размещена только на одной стороне . Выпуск этих монет был вызван важными политическими событиями, связанными с распадом единой Монгольской империи во время “двоевластия” двух каанов, братьев Менгу—каана — Ариг-Буги в Каракоруме и Хубилая в Кайпине. Берке поддерживал Ариг-Бугу, законного наследника и преемника каана Менгу, чеканил монеты с его именем и тамгой, подавая пример другим чингизидам. После ряда военных столкновений и поражений Ариг-Буга (в переводе с монгольского Ариг Бог — “Святой борец”) после двух лет почетного плена, умер осенью года Барса 664 г.х. (13 октября 1265-1 октября 1266 г.)³⁵. Вряд ли выпуск болгарских монет с именем и тамгой Ариг-Буги можно объяснить подчиненным положением Берке верховной власти каана, который вел постоянные и часто неудачные войны с Хубилаем и мог не знать о “своих” монетах в далеком Булгаре. Вероятнее предположить, что подобной чеканкой могущественный джучидский хан Берке выразил свое враждебное отношение не столько к Хубилаю, сколько к Хулагу, ставленнику Хубилая. Монеты с именем и тамгой каана Ариг-Буги, а также символом веры выпускались и в других областях, например, городе Эмиле в сентябре-октябре 1262 года³⁶. После поражения в 1264 году Ариг-Буги надобность в выпуске этих монет отпала, а с 665 г.х. (1266, 7 г.) начинается новый этап в денежном деле Золотой Орды.

Второй период денежного обращения Золотой Орды (1266-1310 г.г.) совпадает с началом правления хана Менгу-Тимура (1266-1282), когда были открыты монетные дворы в Биляре, Сарае, Крыму, Хорезме и позднее в Укее. Именно этот хан, сын Тукана, внук Бату начал самостоятельную чеканку и первым поместил свое имя с титулом и тамгу дома Бату на джучидских-крымских монетах 665 г.х. Менгу-Тимур, как и его предшественник, хан Берке, был самостоятельным правителем независимого государства, не признавал верховенства над собой великого каана Хубилая. Но только в 1269 г. на курултае, состоявшемся на реке Таласе, был установлен мир между улусам Джучи, Угэдэя и Чагатая и уточнены границы каждого из них. По решению курултая, эти улусы были признаны в качестве самостоятельных государств и освобождались от посягательств потомков Тулуя (великих каанов Хубилая и др.)³⁷.

В начальный период правления Менгу-Тимура запрещаются монеты с именами каанов (они никогда не встречаются вкладах с более поздними монетами), и взамен них выпускаются анонимные монеты с надписью “Высокая тамга”, чеканенные по весовой норме, близкой к весу монет Менгу каана и вдвое тяжелее монет с именем Ариг-Буги. Чеканка монет с тамгой дома Бату и подчеркиванием ее значения “Высокая тамга” действительно могла быть выражением антимонгольских настроений джучидского хана

Менгу-Тимура, но не Берке-хана. Превращение Золотой Орды в независимое государство отразилось не только в чеканке именных ханских монет, но и других мероприятиях, например, пожаловании ярлыка русскому духовенству в 1267 г., освобождению митрополита, от целого ряда повинностей³⁸. Помещение тамги на шлейных, а особенно анонимных монетах, показывает, что, несмотря на укрепление центральной власти хана, Улус Джучи рассматривался как владение всего рода Джучи, поэтому при смене ханов тамга на монетах оставалась неизменной. Переименование тамги дома Бату в “тамгу Берке”³⁹ и присутствие ее на монетах ханов-потомков Бату не находит объяснений и не отражает принцип родового владения Улусом Джучи наследниками Бату. Известно, что Берке захватил престол, отстранив детей и внуков Бату хана, и возможно, был причиной их смерти. Наследников у Берке хана не было, поэтому его тамге не могло быть места на монетах ханов из рода Бату. Данная тамга встречается и на болгарских монетах XVI в. хана Узбека, внука Менгу-Тимура. Тамга присутствует на всех болгарских, билярских, крымских, анонимных сарайских и анонимных хорезмских монетах XIII в., начиная с времени правления Менгу-Тимура. Тамга исчезает с сарайских и хорезмских монет при появлении на них имени хана Токты.

На абсолютном большинстве болгарских анонимных и аэпиграфных монет и на монетах Менгу-Тимура тамга изображается с перекладиной у правой ножки , на именных болгарских монетах Туда-Менгу (1282-1286), брата Менгу-Тимура перекладина тамги имеет левое положение , случайно ли это? Тамга на именных монетах и Менгу-Тимура и Туда-Менгу изображалась с перекладиной то у правой, то у левой ножки, не имея определенного постоянства. Впрочем, чеканка анонимных билярских, сарайских и хорезмских (до хана Токты) монет, отсутствие болгарских монет с именами ханов Тула-Буги (1287-1290), племянника Менгу-Тимура, и Токты (1290-1312), сына Менгу-Тимура, при регулярной крымской чеканке монет с именами всех ханов объяснений не находят.

Первые датированные именные болгарские монеты Менгу-Тимура выпускались в 672 г.х. = 1273,4 г. (№ 12), хотя 671 г.х. = 1272,3 годом датируются монеты Менгу-Тимура, без указания места чеканки (№ 33). Болгарские монеты Менгу-Тимура называют эпитеты хана: “Высочайший”, “Справедливый” и даже “Каан справедливый” (№ 19) — титул которым никогда не обладали золотоордынские ханы. Монеты Менгу-Тимура (№ 12-42) несут благочестивые надписи: “ Слава вечная и Господь суший” (№ 17-18), “Уповай на Бога” (№ 19-20), “Слава Богу” (№ 22-28), “Нет Бога кроме Аллаха единого и нет товарища ему” (№ 31, 33-36), “Кротость по отношению к Богу единому, всеильному, всемогущему” (№ 37), “Царство Богу” (№ 40-42). Помимо именных или датированных болгарских монет Менгу-Тимура, ко времени его правления отнесены недатированные анонимные монеты (№ 43-50), так как они встречались в кладах серебряных монет середины 70-х начала 80-х годов. Монеты (№ 29,29а) с искаженными круговыми надписями, в которых лишь предположительно читается имя Менгу-Тимура, интересны изображениями тамги, обычной и трехногой. Что это, ошибка резчика штемпелей, если нет, то почему на монете Менгу-Тимура появилась трехногая тамга, помещаемая на более поздних монетах. А.В.Орешников поместил эти монеты (№ 29,30) среди русских⁴⁰ монет. Трехногая тамга на монете

(№ 29а) не имеет “усиков” у круглой головки и этим отличается от “настоящей трехногой” тамги; впрочем, на некоторых монетах (№ 29) перекладина у тамги и вовсе отсутствует.

После смерти Менгу-Тимура в 681 г.х.(1282,3 г.), [имеются и другие, более ранние даты смерти этого хана] престол должен был перейти к молодому царевичу Тула-Буге, сыну старшего брата Менгу-Тимура. Но Ногай, потомок седьмого сына Джучи, возвел на трон брата Менгу-Тимура Туда-Менгу (1282-1286). Монеты этого хана не столь многочисленны и разнообразны, как его предшественника, это объясняется непродолжительностью правления Туда-Менгу и, вероятно, увеличением доли анонимных недатированных и анепиграфных монет с начала 80-х годов XIII в.. Ко времени правления Туда-Менгу можно отнести лишь четыре вида болгарских монет (№ 51-55), из которых только один вид (№ 53) имеет датировку: “Мухаррам 682” г.х. (1283.4 г.), вероятно, выпущенный вскоре после начала царствования. В 686 г.х. (1287, 8) он был низложен по причине помешательства, или последнее было придумано для оправдания переворота. Болгарские монеты Туда-Менгу, кроме монет 686 г.х., неизвестны, в Крыму же чекан именных монет этого хана проводился и в 682 г.х., и 683 г.х (1284,5 г.), причем на монетах 683 г.х. Туда-Менгу назван “падишахом высочайшим”. Крымские монеты Туда-Менгу могли чеканиться в ставке могущественного Ногая.

После переворота 686 г.х. (1287,8 г.), совершенного сыновьями и племянниками Менгу-Тимура, ханом стал Тула-Буга (1287-1290), его предшественник был убит, но и Тула-Буга при подстрекательстве Нагая был выдан царевичу Такте и казнен. Именные монеты Тула-Буги чеканились только в Крыму в 686 г.х. но хотя именные болгарские монеты Тула-Буги неизвестны, ко времени правления этого хана, можно отнести анонимные болгарские монеты 686 г.х. (№ 56, 57), правда с определенной долей сомнения.

Следующий золотордынский хан Токта (1290-1312) начинал как ставленник Нагая, но сумел в 1300 году победить и уничтожить могущественного темника, обладавшего не номинальной, а настоящей властью. Ко времени царствования Токты можно отнести анонимные датированные болгарские монеты (№ 60-65) с датами 690 или 695 г.х. (1291 или 1295,6 г.). Среди них — монеты с именем ан-Насир Лид-Дина (№ 64, 65 — без даты) и № 62 — с годовой датой 696 г.х. (1292,3 г.). Эти монеты (№ 64, 65) интересны некоторым сходством в надписях с монетами от имени ан-Насира, чеканенными в первые годы монгольского правления в Булгаре. Сходство не только в написании имени ан-Насира, хотя и без титула халифа “эмир ал-муминин” (повелитель правверных), но и в архаичном оформлении надписей на оборотной стороне : “Чекан (с артиклем “ал-”) Буалгара” вместо “Чекан Блгара”, как было принято в конце XIII в. В Сарае тоже выпускались монеты с именем Насира и архаичными надписями (№ 243,244), но болгарские монеты данного вида известны и в серебре, и в меди, а сарайские — только в серебре. Если “Насир лидин” — это мусульманское имя Токты, правда, неизвестное по письменным источникам, то его присутствие на монетах 90-х годов вполне оправданно. Иногда имя Токты изображалось уйгурскими буквами, вероятно, что в Булгаре предпочли помещать на монетах мусульманское имя этого хана. Другое объяснение появления монет ан-Насира не только в Булгаре, но и Сарае — это признание духовной власти новоявленных халифов в Каи-

ре (поэтому опущен титул “повелитель правоверных”), само же имя Насира уже стало символом мусульманского благочестия.

Среди описываемых монет XIII в. большинство приходится не на именные, а на анонимные без выходных данных монеты с тамгой дома Бату (№ 74-83, 101, 114-214), которые чеканились в Булгаре. Именно здесь были найдены три клада монет XIII века, изученные и опубликованные Г.А.Федоровым-Давыдовым⁴¹, во время проведения археологических работ в 1946-1983 гг. были найдены 131 серебряная и 650 медных монет XIII в., из которых — 105 экземпляров с данной тамгой⁴². Документально подтверждается нахождение 240 таких монет на Болгарском городище, в других районах Золотой Орды находки подобных монет редки, а клады неизвестны. На других городищах в пределах бывшей Волжской Булгарии (Билярском, Джукетау) нет такого большого числа монет с тамгой. Разнообразие изображений и надписей на этих монетах удивляет, но нельзя не учесть, что многочисленные монетные сюжеты не являются плодом фантазии резчиков штемпелей. С давних времен монетные изображения несли большую смысловую и пропагандистскую нагрузку (например, монеты начального периода с именами каанов и ан-Насира), являясь проводниками идей, необходимых к распространению среди населения. Некоторые сюжеты отождествимы с буддийской символикой и знаками зодиака (№№ 74-78, 109, 110, 120). Многочисленные изображения животных и даже человека — показатель неокрепшего ислама или несерьезного отношения к религии со стороны золотоордынских ханов XIII в. В XVI в. изображения животных, растений, разных предметов помещаются только на медных (малоценных) монетах.

Надписи на недатированных анонимных монетах Булгара также не отличаются религиозностью — в основном это благопожелания на тюркском, арабском и персидском языках или различные нравоучительные рассуждения. На серебряных и медных монетах с тамгой дома Бату часто воспроизводится тюркская благопожелательная надпись: “Кутлуг булсун”, то есть “Будь счастлив”. Особенно многочисленны медные монеты (№ 91); во время археологических работ в 1946-1983 гг. на Болгарском городище было найдено 237 таких монет⁴³. На рассматриваемых монетах заключительная часть надписи из-за сильного искажения не поддается чтению. С.А.Янина расшифровывает эту надпись как “Кутлуг булсун янги пул”, то есть “Будь счастлив, новый пул” и относит их чекан к XIV в., после реформы 1310 г.⁴⁴ Действительно, эти монеты имеют сходство с болгарскими монетами хана Узбека, но не стоит отрицать признаки, сближающие эти монеты с монетами XIII в.. Например, подобная благожелательная формула появилась впервые на анонимных датированных монетах 80-х годов XIII в. с трехногой тамгой (№ 88,89). Эта же надпись, но уйгурским шрифтом помещена на серебряных и медных монетах одного вида (№№ 133,134). Близкими по смыслу надписями являются: “Будь счастлив” или “Да будет благословен” (№ 85), “Справедливости и счастье” (№ 84). Перечисленные надписи, вероятно, относились и к самим монетам, способствуя их обращению. Следующая группа монетных надписей направлена к будущим владельцам монет. Им напоминали о бренности жизни: “Он есть живой” (№ 167) — часть надгробной надписи: “Он живой, который не умирает, все живущее умрет”⁴⁵, советовали: “Умеренность заменяет богатство” (№ 135), провозглашали: “Благосклонность, успех, могуще-

ство” (№ 124), “Аллах велик” (№ 137) и “Слава вечная” (№ 139). В связи с монетными поучительными надписями нельзя не вспомнить ранние болгарские монеты с именем ан-Насира с легендой: “Земная жизнь коротка, поэтому сделай ее богоугодной” или в переводе Х.М.Френа: “ Жизнь кратка на подобие часа, посему употребляй оную на дела благочестия” (№№ 2 -4, 7).

Монеты с трехногой тамгой встречаются много реже монет с “обычной” тамгой — дома Бату, но их объединяет сходство внешнего оформления, а некоторые идентичные изображения зафиксированы на монетах с обычной и трехногой тамгами (№№ 100 и 101, №№ 102 и 161). Например, рисунок в виде сот на монетах (и 100 и 101) в китайской символике называется “таз с драгоценностями”. Картографирование анонимных и анэпиграфных монет с трехногой тамгой также показывает их болгарское происхождение. В 1946-1983 гг. в Болгарах было найдено пять таких монет⁴⁶, 14 монет из ГОМРТ (коллекция А.Ф.Лихачева) происходят из Болгар, монеты из Эрмитажа (32 экз.) обозначены как “монеты Великой Булгарии”. В ГОМ хранятся пять монет из Свяжского клада 1889 года, частично приобретенного А.Ф.-Лихачевым, были в этом кладе и монеты с обычной тамгой. Вес монет с трехногой тамгой существенно не отличается от веса большинства анонимных и анэпиграфных монет с тамгой дома Бату — 1,35 г.

Анонимные недатированные билярские монеты имеются в кладах 70-х — начала 80-х годов, но отсутствуют в более поздних кладах 80-90-х годов XIII века. Следовательно, они (№ 216-218) чеканились при Менгу-Тимуре. Особенностью билярских монет отличающей их от большинства болгарских, а также сарайских, крымских, хорезмских, уекских, является помещение слова “монета” вместо общепринятого “чекан”. Последний выпуск билярских монет был в 632 г.х. (1292,3 г.). Эти анонимные монеты (№ 219) с изречением: “Могущество принадлежит Богу” имеют большее сходство с одновременными анонимными болгарскими монетами (№ 61), чем с более ранними недатированными билярскими монетами (№№ 216-218). После 692 г.х., по всей видимости, монетный двор в Биляре был закрыт, а мастера переведены в Болгар. Среди недатированных анонимных болгарских монет также, хотя и очень редко встречается надпись: “Монета Булгара” (№ 29,56, 62, 68). Деятельность билярского монетного двора не была столь значительной, хотя билярские монеты обращались не только в самом Биляре, но и в Болгаре и других районах бывшей Волжской Булгарии.

Монетный центр временной чеканки Керман стал известен благодаря монетам Альменевского клада, ныне хранящегося в ГОМРТ. Из 216 монет этого клада 131 монета (60,6 %) имеют надпись “К-рман”, прочитанную А.Б.Булатовым как “Керман”⁴⁷. Керман — северо-западное поселение золотоордынской Булгарии — был идентифицирован с обширным городищем по месту находки клада (деревня Альменево Козловского района Чувашской АССР). Нахождение керманских монет в одном кладе с ранними монетами Менгу-Тимура позволяет датировать эти монеты тем же временем, то есть 60-70-ми годами XIII в.. Вес большинства керманских монет 1,50-1,56 г., что соответствует весу большинства ранних монет Менгу-Тимура. Существует и другой вариант чтения этих монет — “Беркай”, то есть Берке хан⁴⁸.

Столичный город Сарай, построенный еще при хане Бату, значительно уступал Булгару как центру монетной чеканки. Находки монет XIII в. на Се-

литренном городище (бывший Сарай) практически отсутствуют. Ранние сарайские монеты 673 г.х. (№ 222) имеют большое сходство с одновременными анонимными болгарскими монетами (№ 17), различаясь только названием монетного двора. В отличие от эпизодичного выпуска сарайских монет в 673 г.х. (1274,5 г.), однотипные анонимные болгарские монеты чеканились более продолжительное время — 672-674 г.х. (1273,4 — 1275,6 г.), вероятно, болгарские мастера как и среднеазиатские, участвовали в налаживании работы монетного двора в новой столице, ведь к этому времени стаж болгарского монетного двора насчитывал уже четверть века. Только этим можно объяснить поразительное сходство монет № 17 и 222, сравниваемые монеты имеют сходство и с анонимными монетами 672 г.х. (1273,4 г.) без указания места чеканки (№ 39). Чеканка одновременных однотипных монет разных городов, отдаленных значительными расстояниями, не может быть принята как случайное совпадение, и, по-видимому, объясняется заимствованием типа, перемещением мастеров или направлением на данные монетные дворы единого типового образца, может быть (№ 39)? Вес большинства ранних сарайских монет (до правления хана Токты) не отличается от веса болгарских монет того же времени, но все ранние сарайские монеты анонимны.

С 90-х годов наступает новый этап сарайской чеканки: вместо тамги на монетах помещается имя хана Токты, увеличивается весовая норма чеканки, сходная с хорезмской — 2,25-2,30 г. Типологическое сравнение сарайских и хорезмских монет было проведено Г.А.Федоровым-Давыдовым, им же определена весовая норма чеканки поздних сарайских и хорезмских монет XIII в.⁴⁹ Последние датированные сарайские монеты XIII в. были выпущены в 696 г.х. (1296,7 г.) — № 240.

Особняком от прочих сарайских монет стоят “анонимные” монеты с именем Насир лид-Дина (№ 243 и 244), известные двух типов, на одном отсутствует тамга дома Бату (№ 244). Данное имя сближает их с ранними болгарскими монетами (№ 1-7) и с болгарскими монетами 90-х годов (№ 63-65). На сарайских монетах, как и на ранних болгарских монетах ан-Насира, номинал серебряных монет обозначен — “динар”, на поздних болгарских монетах (№ 64,65) название номинала отсутствует. На сарайских и поздних болгарских монетах прослеживаются архаизмы, присущие ранним монетам, имя халифа написано правильно, но без титула. Большое сходство сарайских и поздних болгарских монет с именем ан-Насира объясняется тем, это они были изготовлены с общего образца — первых джучидских монет Булгара с именем ан-Насира, причем, сарайские монеты более архаичны, чем болгарские.

С 710 г.х. (1310,11 г.) единый по курсу и весу сарайский дирхем вытесняет местные монеты.

Название города Укек было переведено Х.М.Френом как “вал” или “плотина”⁵⁰, им же был приведен ряд свидетельств об этом городе. Все укекские монеты изготавливались из серебра, они не имеют изображений тамги дома Бату и отличаются от других монет других городов Золотой Орды. Самые ранние укекские монеты (№ 246) чеканились в 700 г.х. (1300,1 г.), хотя эта дата весьма сомнительна, потому что на монетах помещена только первая цифра “7”. Последние известные укекские монеты 707 г.х. (1307,8 г.) хана Токты (№ 250) содержат трафаретную формулу именованья золотоордынских ханов на монетах XIV в.: “Султан верховный Гийяс Токтогу правосуд-

ный, да длится правление его” (№ 249, 250). После закрытия укекского двора мастера и оборудование, вне всякого сомнения, были перевезены в Сарай.

Монеты Биляра, Кермана, Сарая, Укека чеканились только из серебра, болгарские — из серебра и из меди. Имеются две многочисленные группы медных болгарских монет: с именем ан-Насира плюс такие же монеты, перечеканенные штемпелями и именем Менгу-каана (№ 7 и 9) и монеты с надписью “Кутлуг булсун” (№ 91). Известны еще немногочисленные, почти единичные экземпляры медных монет, однотипных с серебряными (№ 65 и 64, 134 и 133), а также “непарные” медные монеты с надписью “Кутлуг булсун” (№ 92,93), впрочем монета № 92 может оказаться крымской, надпись можно прочитать и как “Крым”. Медные крымские монеты XIII в. в Поволжье не попадали, ведь они обслуживали только местный рынок, а Крым был отдельным от Поволжья районом денежного обращения. Все монеты XIII в., как медные и даже серебряные, не имеют четко выдержанного веса, так как чеканились без юстировки. Вес каждой отдельной монеты не выверялся — свидетельство тому большие весовые разбросы монет, начиная от “динаров” ан-Насир лид-Дина и кончая монетами конца XIII в.. При несовершенном средневековом методе чеканки требуемое число изготовленных монет должно было иметь определенный вес. Следы обрубка на некоторых монетах показывают на проволочную чеканку всех джучидских монет XIII в..

Серебряные монеты выпускались в нескольких номиналах, наиболее распространенные — “дирхем” (иногда номинал указывался на самой монете), различные фракции дирхема и , видимо, единственный выпуск двойных дирхемов. Следует отметить, что часто дирхем и его фракции однотипны и различаются только весом и диаметром. Например, монеты № 45 — двойной дирхем (диаметр 24-25 мм, вес от 2,86 до 3,04), № 43 — дирхем (диаметр 19-21 мм, вес от 1,22 до 1,57) и полдирхема № 44 (диаметр 14,5-16 мм, вес от 0,65 до 0,76 г) имеют общий тип, различаясь только весом и размерами. Медные болгарские монеты XIII в. не несут на себе обозначения номинала, но вероятно, они назывались “пулами”, как медные монеты XVI в.. В начальный период (40-е — 50-е годы) производилась обильная чеканка медных монет с именем ан-Насира и перечеканка их штемпелями Менгу-каана, следовательно, медные монеты играли важную роль в денежном обращении того периода, а позднее, медные монеты составляли малую долю в общем числе болгарских монет.

Во второй период денежного обращения XIII в. сферу мелочной торговли обслуживали маленькие серебряные монетки, часто имевшие одинаковый вид с дирхемами; их названия неизвестны и вряд ли когда-нибудь обозначатся. Чеканка мелких фракций дирхема была привычной не только в Булгаре (например, № 13 и 14, № 29 и 30, № 33 и 34, № 43 и 44, № 47 и 48 и т.д.), но и в Биляре (№ 216 и 217, № 219 и 220), в Сарая (№ 225 и 227), в Укеке (№ 246 и 248). Двойные дирхемы выпускались только в Булгаре. Кроме половинных дирхемов или “полудирхемов”, существовали более мелкие номиналы, например, монета № 129 имеет сходство с дирхемами № 127 и 128, но ее диаметр составляет всего 10-11 мм., а вес варьирует в пределах 0,18-0,25. Такие монеты в несколько раз меньше русских “чешуек” — копеек XVI-XVII вв., можно предположить, что использование этой “мелочи” доставляло нашим далеким предкам XIII в. определенные неудобства. В XVI в. мелкие серебряные монеты не выпускались.

В XIII в. в Булгаре произошло несколько денежно-весовых реформ: запрещение “динаров” и медных монет с именем ан-Насир лид- Дина и выпуск серебряных монет, вдвое более легких, чем прежние, с именем каана Менгу с одновременной перечеканкой меди ан-Насира. Выпуск серебряных монет Ариг-Буги, вдвое более легких, чем монеты каана Менгу, видимо, не повлек запрещения прежних монет, так как монеты с именами каанов сосуществовали почти одновременно и находят их в кладах тоже вместе. При Менгу-Тимуре каанские монеты были запрещены, но в начальный период выпускались анонимные монеты с изображением тамги дома Бату и надписью “Высокая тамга”, вес этих монет 1,20-1,25 совпадал с весом монет каана Менгу. Видимо, это было сделано для удобства обмена монет и являлось политической акцией нового хана. При Менгу-Тимуре сосуществовали серебряные монеты нескольких весовых групп: 1,54-1,65, 1,30-1,40 и 1,04-1,08 г., об этом свидетельствует состав Болгарских кладов. Если бы более легкие монеты весом 1,30-1,40 г. были недоброкачественными, то они не отложились бы вместе с полновесными. Вес монет Менгу-Тимура, имеющих даты, показывает, что монеты одного типа чеканились на протяжении нескольких лет, без снижения веса. Вес большинства сарайских, керманских, билярских монет совпадает с весом болгарских. Между 690 г.х. и 692 г.х. (1291 г. и 1292,3 г.) в Булгаре проводится денежно-весовая реформа, снизившая вес дирхема с 1,50-1,60 г. до 1,30-1,35 г. Данная реформа затронула и Биляр. В Сарае с 690 г.х. и Хорезме с 686 г.х. также были проведены денежно-весовые реформы, существенно повысившие вес дирхема до 2,25-2,30 г.

Джучидские монеты XIII в. имеют большие весовые разбросы, множество номиналов, несут на себе огромное число надписей и изображений, не утомляя своим однообразием, как дирхемы XVI в.. Находка каждой монеты, каждого нового клада могут внести существенные изменения в датировку и атрибутирование уже известных видов. Поэтому очень важно, чтобы все найденные монеты, а особенно клады поступали в государственные учреждения — музеи и не пропадали для науки и наших потомков.

В последние годы отдельные исследователи отрицательно относятся к названию “Золотая Орда”, предлагая более правильное — “Улус Джучи”. Но в исторической и нумизматической литературе эти два названия сосуществуют почти два века, например знаменитая книга Х.М.Френа называлась “Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды ...” и нет необходимости отказываться от ставшего привычным понятия “Золотая Орда”.

При описании монет XIII в. приводились имена ханов и каанов только в одной форме, например: Менгу, Ариг-Буга, Менгу-Тимур, Тула-Менгу, Тула-Буга, Токта, Бату, Берке и т.д., хотя существует несколько видов написания этих имен, например, Мунке, Монгке, Мункэ, Мункка, Монгэ-хаган. Ввиду отсутствия места, подобный перечень имен не приводится.

Примечания:

¹ Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных Мухаммеданских династий. В Прибавлении. — СПб., 1832, 80 с.

² *Fraehnii Ch.M. Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae.* СПб., 1826, p.187-649.

³ *Fraehnii Ch.M. Nova Supplementa ad Recensionem numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae additamentis.* Petropoli, 1885, p.109-321.

⁴ Савельев П.С. Неизданные джучидские монеты из разных собраний. Отдел третий. СПб., 1858. — С.279-340.

⁵ Лихачев А.Ф. Новый болгарский клад 1887 года // ЗВО РАО, 1888; т.3. — С.165-182; *Он же*. Драгоценный клад, найденный в Казанской губернии в 1882 году. — В кн.: Труды VII Археологического съезда в Ярославле, т.2. М., 1891. С.168-197; *Он же*. Новый клад джучидских монет // ИРАО, 1877, т.8, вып.1. — С.37-43.

⁶ Каталог коллекции джучидских монет, принадлежащих А.Ф.Лихачеву. /Рукопись/. Тетради I-VII. — ОРК НБ КГУ, № 183.

⁷ Там же. — С.272, 273.

⁸ Catalogue of oriental coins in the britist Museum. Vol. VI London, 1881.

⁹ Шерцль Р.И. Описание монет и медалей, хранящихся в Нумизматическом кабинете Императорского Харьковского университета. Восточные монеты. Харьков, 1912. — С.74-111.

¹⁰ Марков А.К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. — СПб., 1896. — С.443-508.

¹¹ Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики // Труды музея Палеографии; вып. 2. — Л., 1928. — С.127.

¹² Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг. // МИА, 1954, № 42, С. 424-484; *Она же*. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1953-1954 гг. //МИА, 1958, № 61. С.392-423; *Она же*. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1957 году // МИА, 1960, № 80. С.210-223; *Она же*. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах (1946-1958 гг.) // МИА, 1962, №III. — С.153-178.

¹³ Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ, 1960, I. — С. 94-102; *Он же*. Находки джучидских монет // НЭ, 1963, Т.IV. — С.165-221; *Он же*. Находки кладов золотоордынских монет. — В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974. — С.176-181; *Он же*. Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой Орде. — В кн.: Археографический ежегодник за 1957 год. — М., 1958. С.7-16; *Он же*. Клад золотых монет XIII века из Средней Азии // НЭ, 1960, т.II. С. 118-140; *Он же*. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае в конце XIII в. // ЭВ, 1961, Т.IXV. — С.79-89; *Он же*. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // НЭ, 1965, Т.V. — С.172-224; *Он же*. Два клада серебряных монет XIII века из Болгар // НЭ, 1972, Т.X. — С.167- 173; *Он же*. Клад серебряных монет XIII века из Болгар // КСИА, 183. — С.55-65; *Он же*. Клад монет XIII века из Волжской Болгарии. — В кн.: Проблемы археологии Евразии. — М., 1991. — С. 181-191; *Он же*. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1966; *Он же*. Денежное дело и денежное обращение Болгара. — В кн.: Город Болгар. Очерки истории и культуры. — М., 1987. — С. 158-204; *Он же*. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды. — В кн.: Материалы и исследования по археологии Поволжья. Сборник, вып. 1. Йошкар-Ола, 1998. С.38-59.

¹⁴ Мухамадиев А.Г. Булгара-татарская монетная система XII-XV вв. — М., 1983. — С.3-61.

¹⁵ Там же. — С. 29-40. Там же. — С.48.

¹⁶ Там же. — С. 49, 50.

¹⁷ Там же. — С. 46, 47.

¹⁸ Там же. — С.48.

¹⁹ Джалагания И.Л. Из истории монетного дела в Грузии XIII века. — Тбилиси, 1958. — С.44; Байпаков Н.М., Настич В.Н. Клад серебряных вещей и монет XIII века из Отрара. — В кн.: Казахстан в эпоху феодализма // Проблемы этнополитической истории. — Алма-Ата, 1981. — С.39, 43-44.

²⁰ Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская... — С.48.

²¹ Джалагания И.Л. Из истории монетного дела... — С.44; Федоров-Давыдов Г.А. Клад золотых монет... — С.133.

²² Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — В кн.: Бартольд В.В. Сочинения. — Т.1. — М., 1963. — С.439.

- ²³ Бунятов З.М. Государство хорезмшахов-ануштегинидов (1097- 1231). — М., 1986. — С.136, 137. 24. Там же. — С.180.
- ²⁴ Там же. — С.180.
- ²⁵ Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас уд бека (XIII век). — М., 1972. — С.120.
- ²⁶ Там же. — С.15. 27. Пахомов Е.А. Монеты Грузии. — Тбилиси, 1970. — С.118-120; Джалагания И.Л. Из истории монетного дела в Грузии... — С.42,44-46.
- ²⁷ Пахомов Е.А. Монеты Грузии. — Тбилиси, 1970. — С.118-120; Джалагания И.Л. Из истории монетного дела в Грузии... — С.42, 44-46.
- ²⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей /Пер. с персид. Ю.П.Верховского. — М.-Л., 1960, т. II. — С.137.
- ²⁹ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. — М., 1957. — С.44.
- ³⁰ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — В кн.: На стыке континентов и цивилизаций. — М., 1996. С. 316, 317.
- ³¹ Федоров-Давыдов Г.А. Клад монет XIII века из Волжской Болгарии. — С.181-191; Он же. Клады джучидских монет. — С.131 (№3 — клад 1874 года с Болгарского городища содержал дирхемы каанов Менгу и Ариг-Буги); Там же. — С.131 (клад №2 — найден в селе Никитина Карсунского уезда в 1850 году).
- ³² Федоров-Давыдов Г.А. Два клада серебряных монет XIII века из Болгар. — С.169; Он же. Клад серебряных монет XIII века из Болгар. — С.55, 56; Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская... — С.46-50; Сингатуллина А.З. Альменевский клад золотоордынских монет XIII века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История, 1985, № 3. — С.80, 81.
- ³³ Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская... — С. 46, 47.
- ³⁴ Кара Д. Книга монгольских кочевников. Семь веков монгольской письменности. — М., 1972. — С.90.
- ³⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. II. — С.160-168; Далай Ч. Монголия в XIII-XIV веках. — М., 1983. — С.34-39, 185.
- ³⁶ Байпаков К.М., Настич В.Н. Клад серебряных вещей... — С.39. Там же. — С.321.
- ³⁷ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды... — С.322.
- ³⁸ Там же. — С.321.
- ³⁹ Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская... — С.48.
- ⁴⁰ Орешников А.В. Русские монеты до 1547 года. — М., 1896. — С.219 (№ 1024, табл. XXI, рис. 939).
- ⁴¹ Федоров-Давыдов Г.А. Два клада серебряных монет из Болгар... — С.167-173; Он же. Клад серебряных монет XIII века из Болгар... — С.55-65.
- ⁴² Янина С.А. Общий обзор коллекции... — С.153-176; Отчеты об археологических работах на Болгарском городище за 1962-1983 годы — Архив ИА АН СССР, Р-1, №№ 2457, 2869, 3011, 3011-а, 3220, 3480, 3647, 3821, 4070, 4081, 4427, 5144, 5290, 5310, 5478, 5479, 5677, 6415, 6465, 6709, 7296, 7297, 7225, 7470, 7680, 7681, 7818, 7995, 8520, 8575.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Янина С.А. Джучидские монеты ... в 1957 году. — С.211.
- ⁴⁵ Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. — М.-Л., 1960. — С.42
- ⁴⁶ См. сноску № 42.
- ⁴⁷ Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1954 гг., раздел "Клады". — В кн.: Труды Казан. фил. АН СССР. Сер. гуман. наук. Казань, 1954.- С.93-120; Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. — Казань, 1975. — С.60 (№ 1474).
- ⁴⁸ Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская... — С.49,50.
- ⁴⁹ Федоров-Давыдов Г.А. О начале монетной чеканки в Хорезме и Сарае... — С. 79-89; Он же. Нумизматика Хорезма... — С.179-224.
- ⁵⁰ Протоколы 3-го собрания 4 сентября 1878 года. (Шпилевский С.М. представил обозрение литературных сведений о городе Укееке — деревне Набережный Увек) // ИОАИЭ, I, 1870. — С.46, 50.

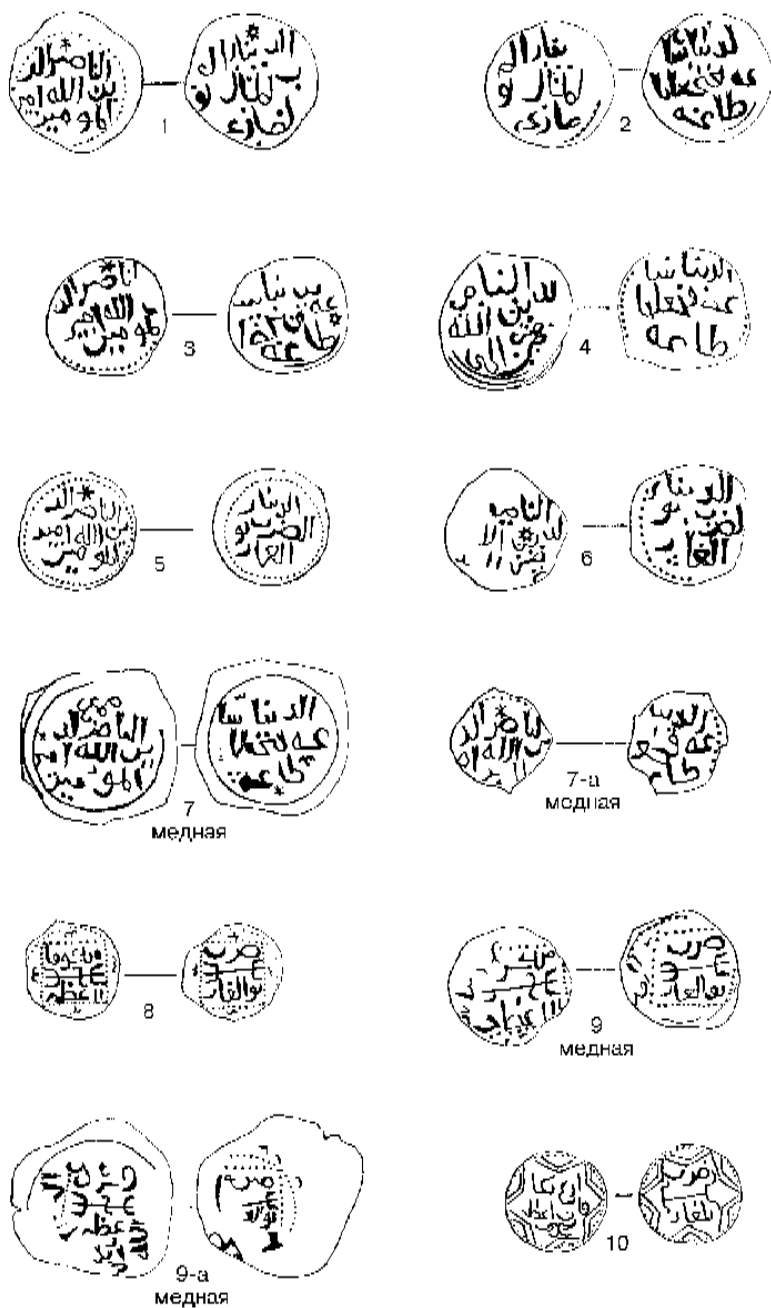

Таблица 1. Монеты Булгара начального периода.

Таблица 2. Именные, анонимные, датированные монеты Булгара.

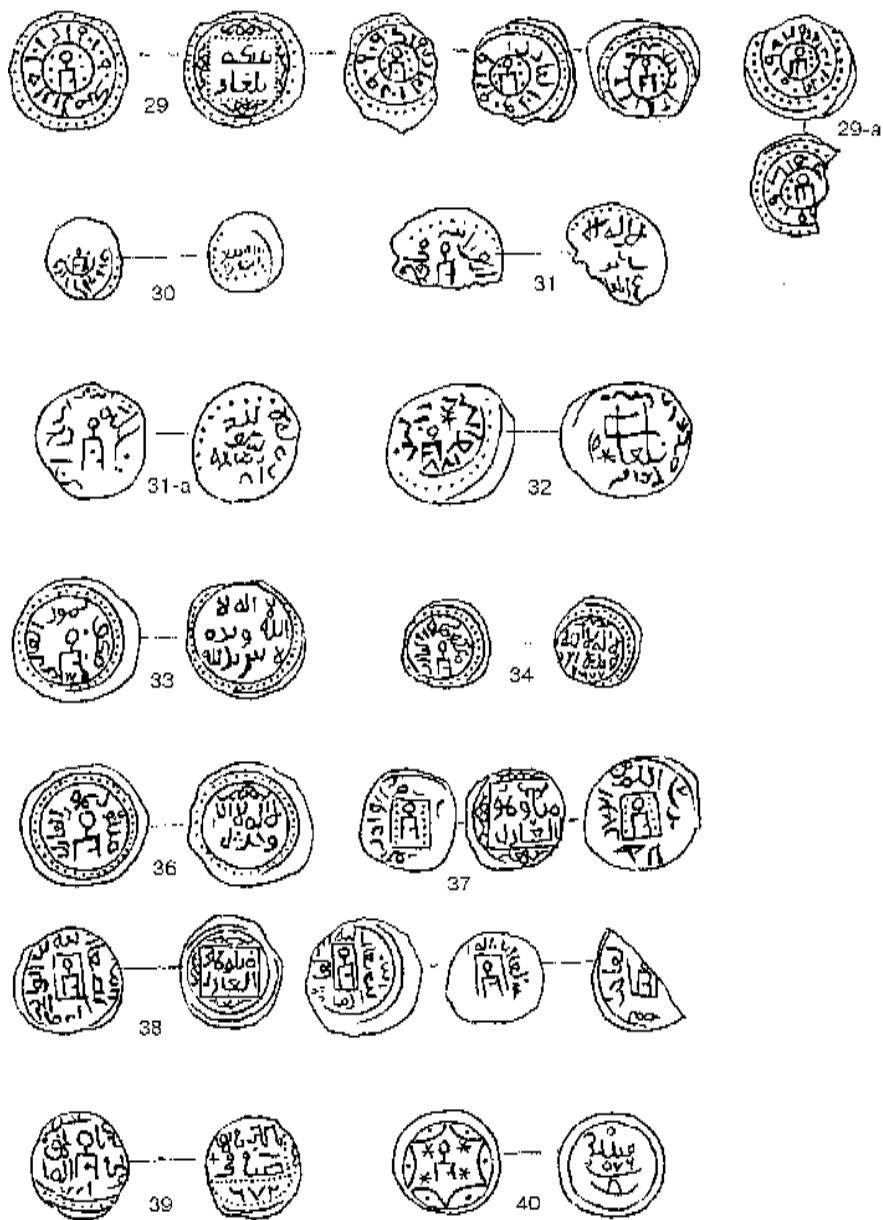

Таблица 3. Монеты Булгара...

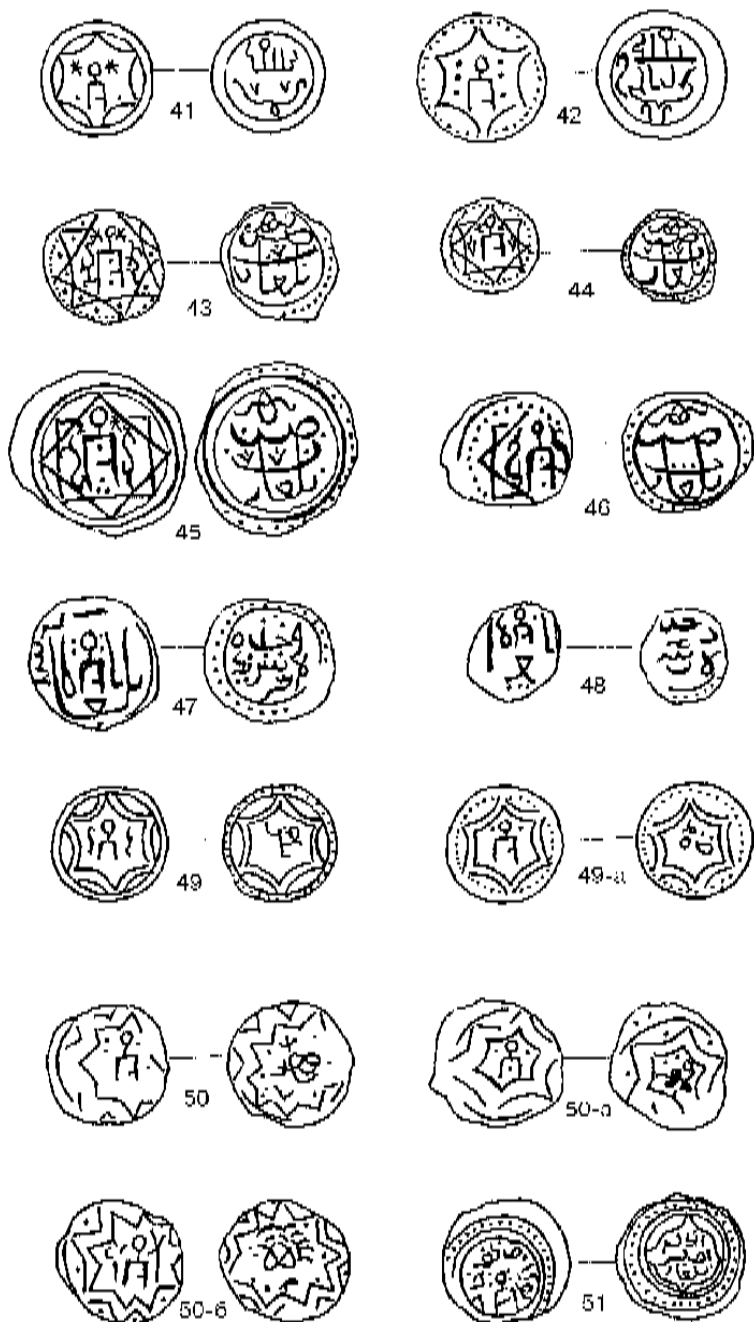

Таблица 4. Монеты Булгара...

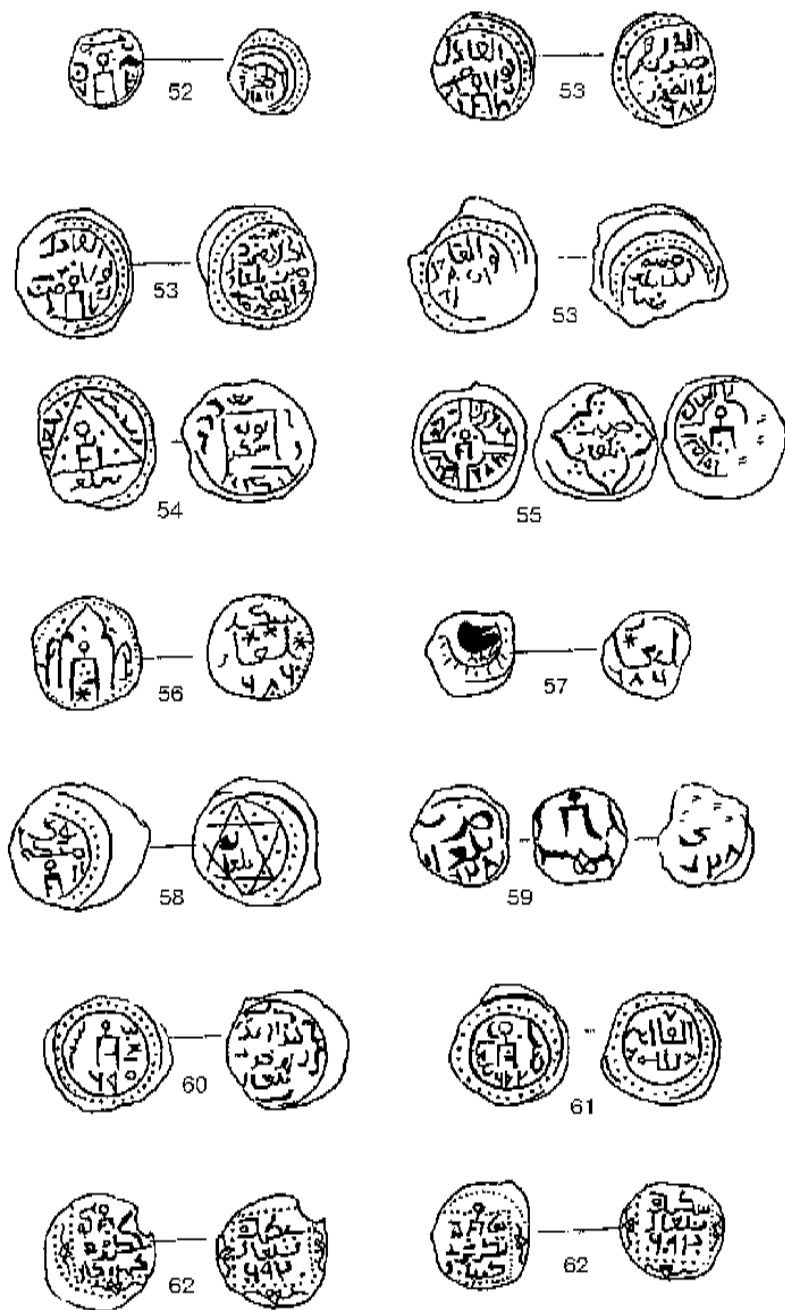

Таблица 5. Монеты Булгара...

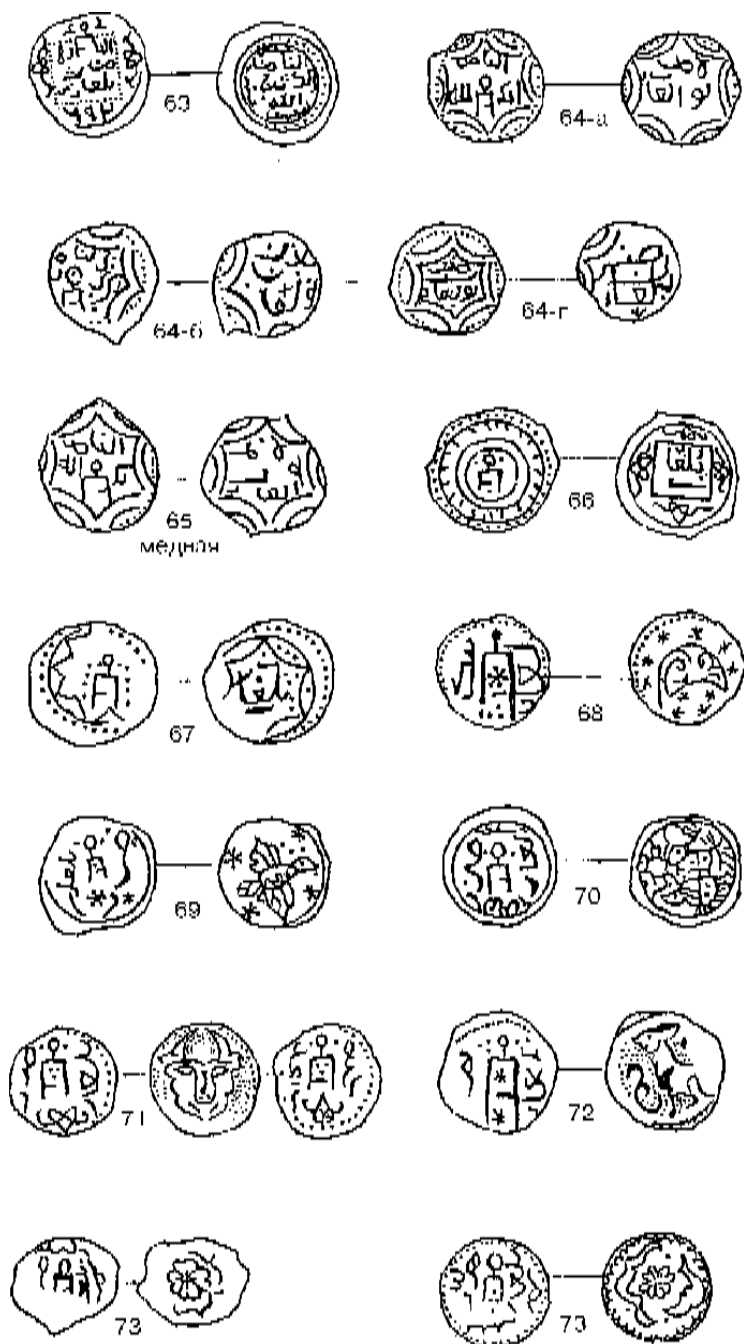

Таблица 6. Монеты Булгара...

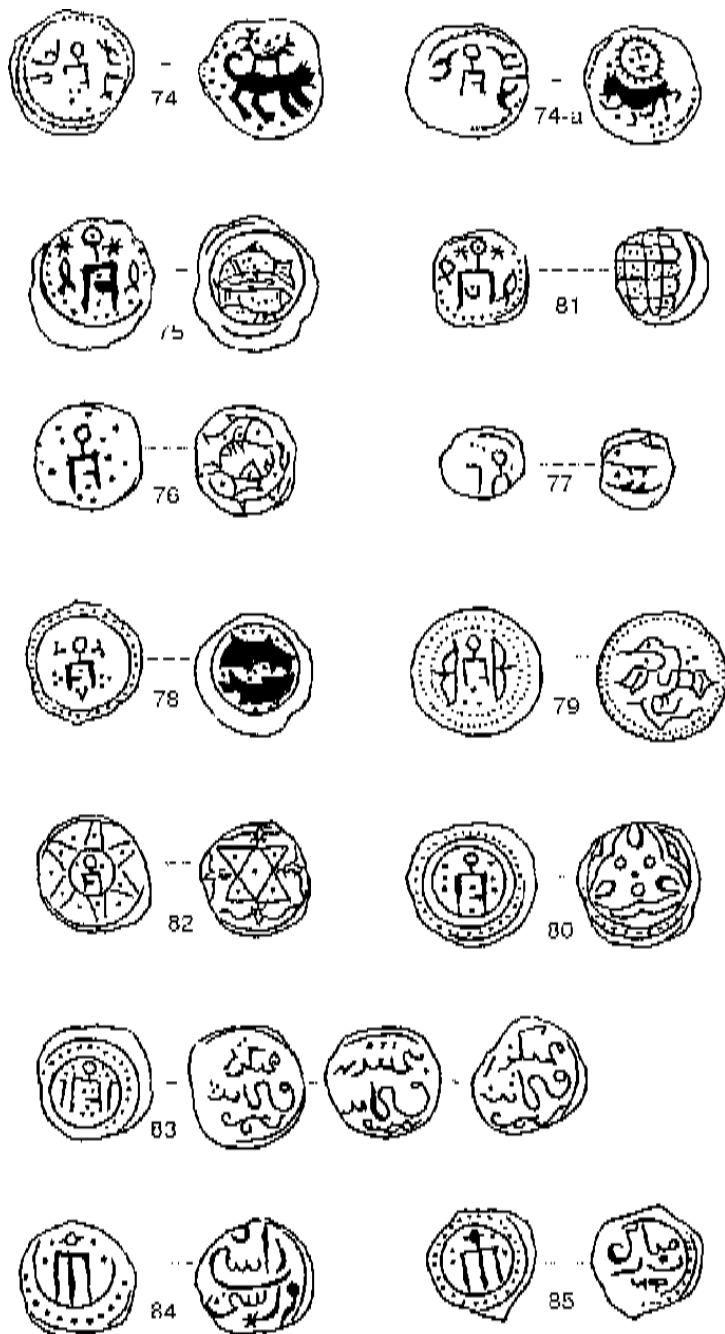

Таблица 7. Анонимные и анэпиграфные монеты (Булгара).

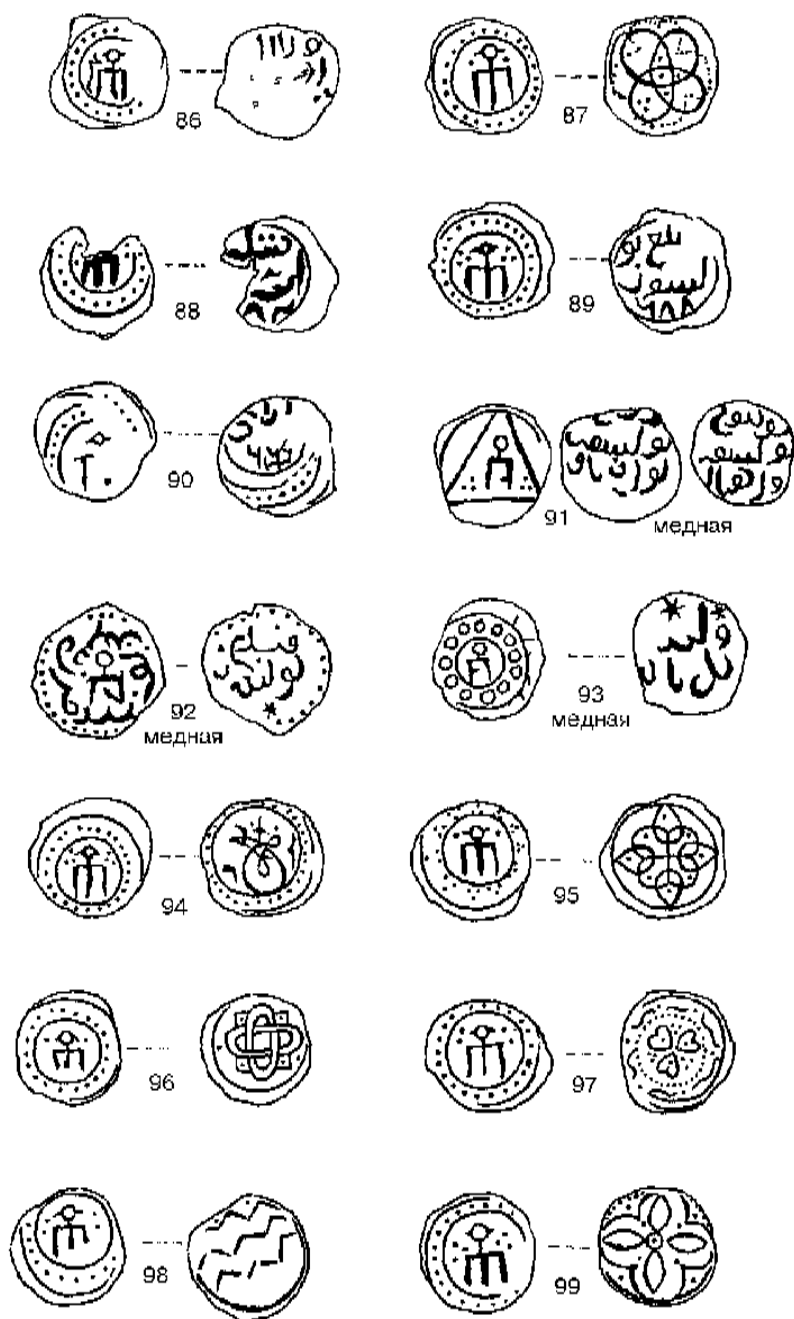

Таблица 8. Анонимные и аэпиграфные монеты...

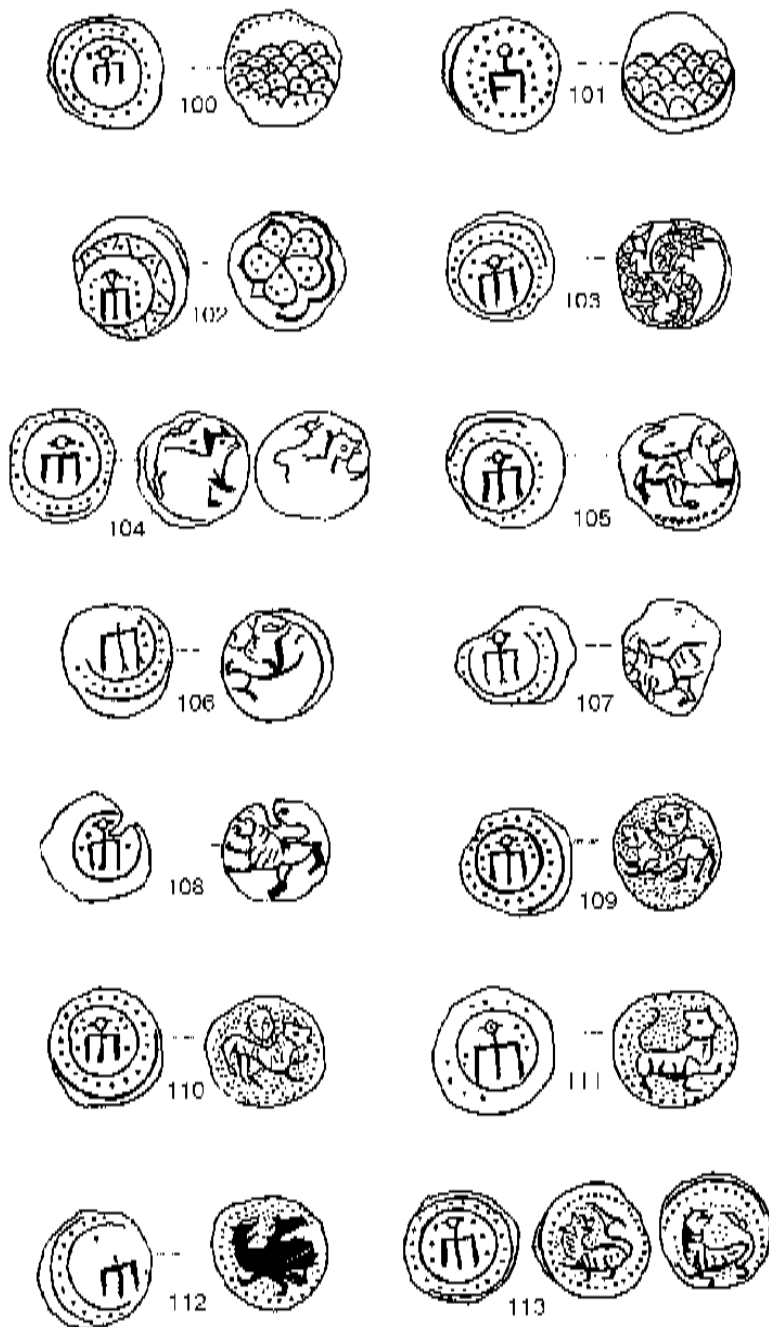

Таблица 9. Анонимные и анэпиграфные монеты...

Таблица 10. Анонимные и анэпиграфные монеты...

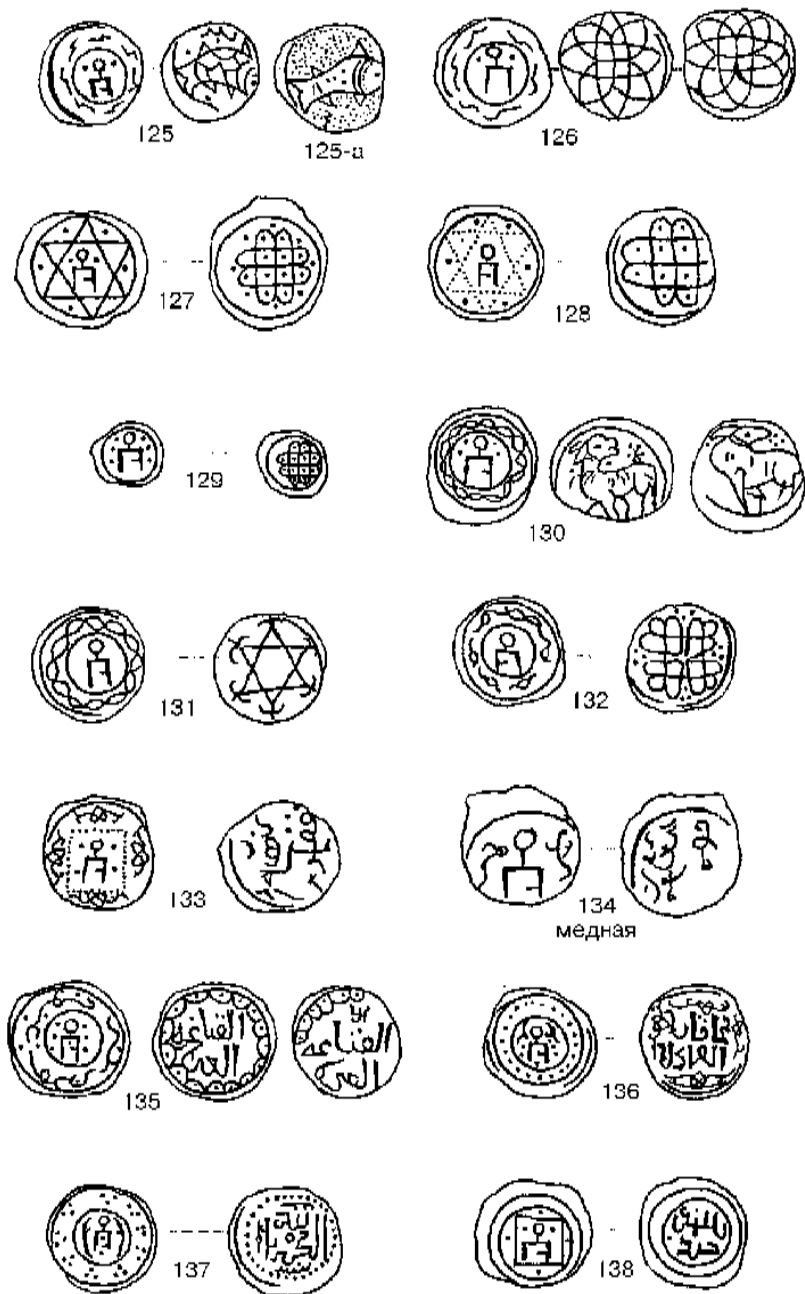

Таблица 11. Анонимные и анэпиграфные монеты...

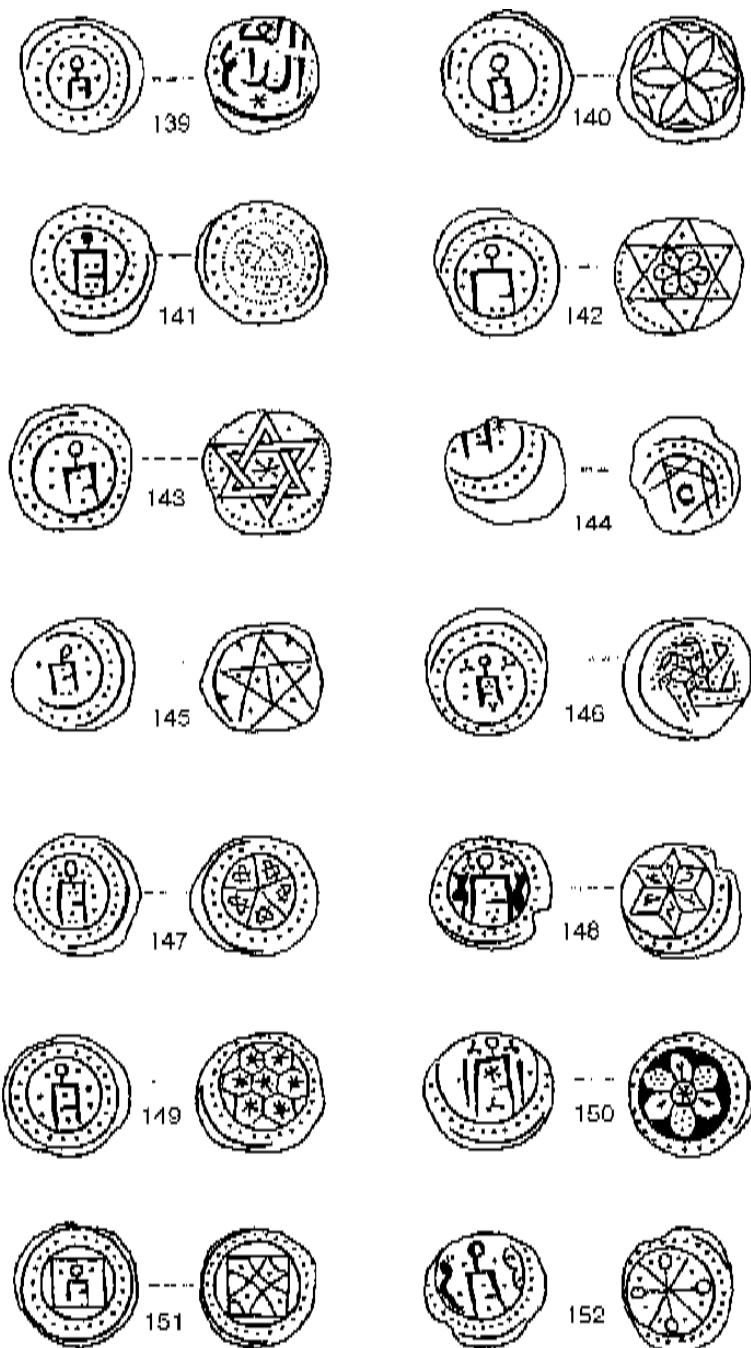

Таблица 12. Анонимные и анепиграфные монеты...

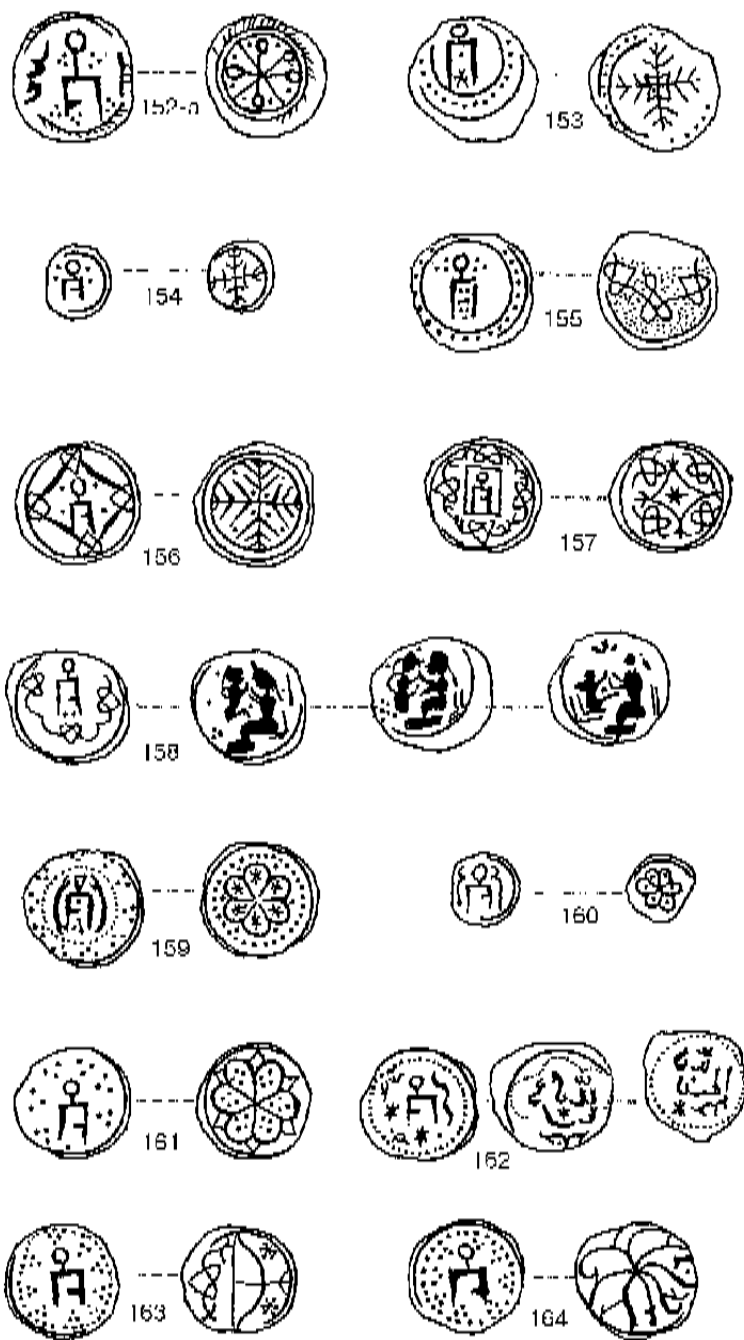

Таблица 13. Анонимные и анэпиграфные монеты...

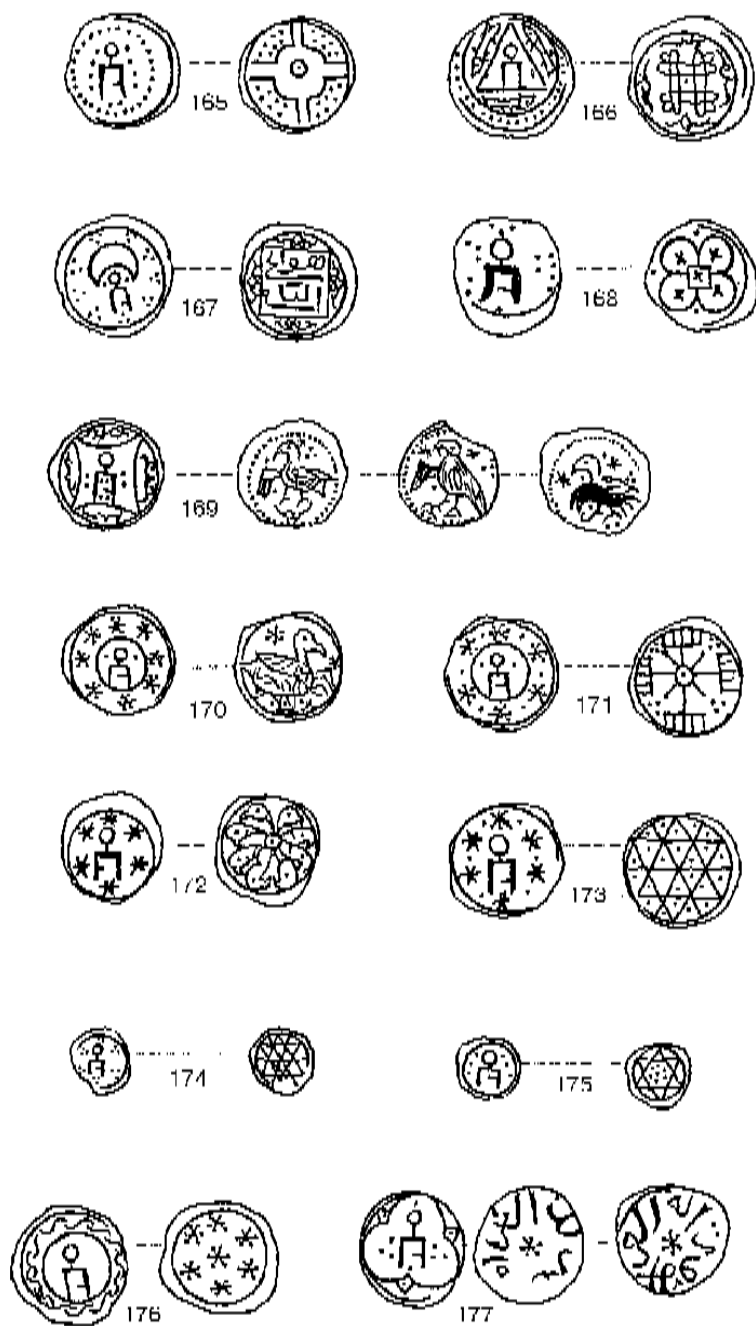

Таблица 14. Анонимные и анэпиграфные монеты...

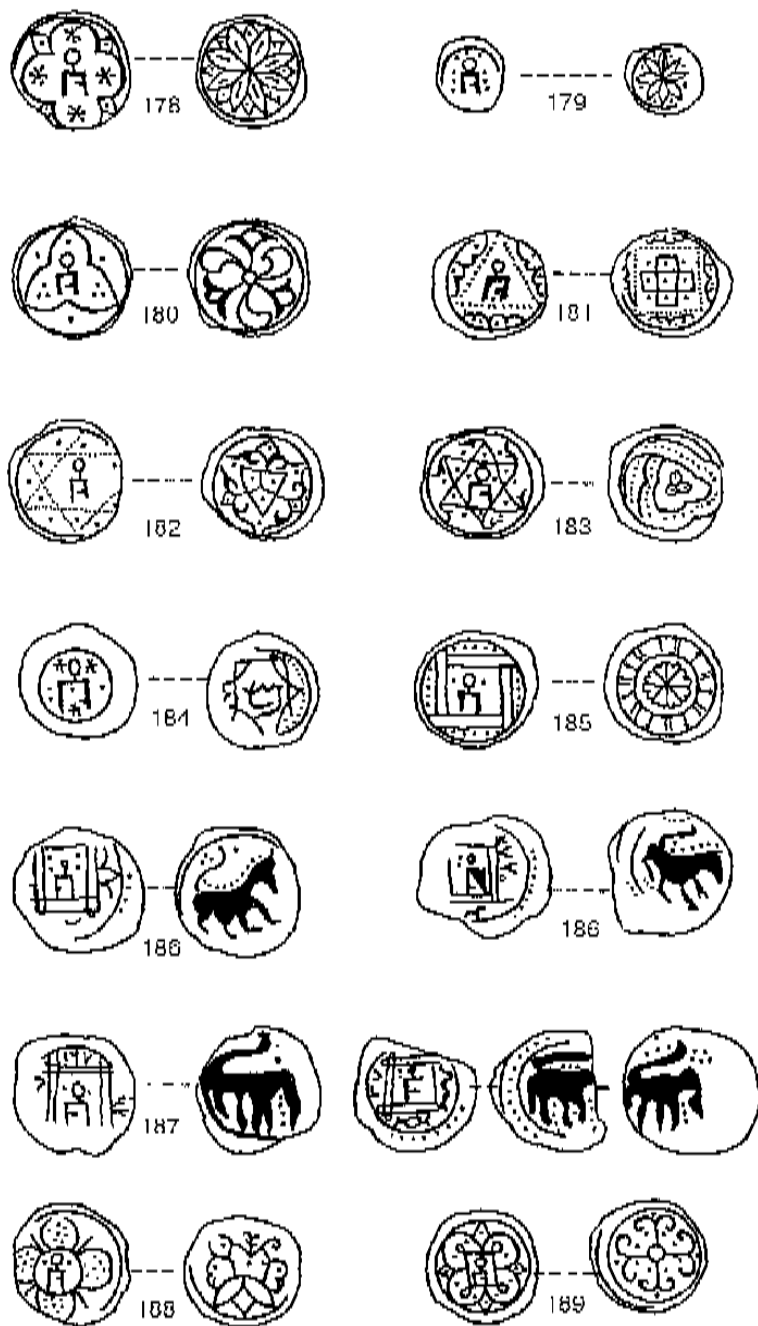

Таблица 15. Анонимные и анэпиграфные монеты...

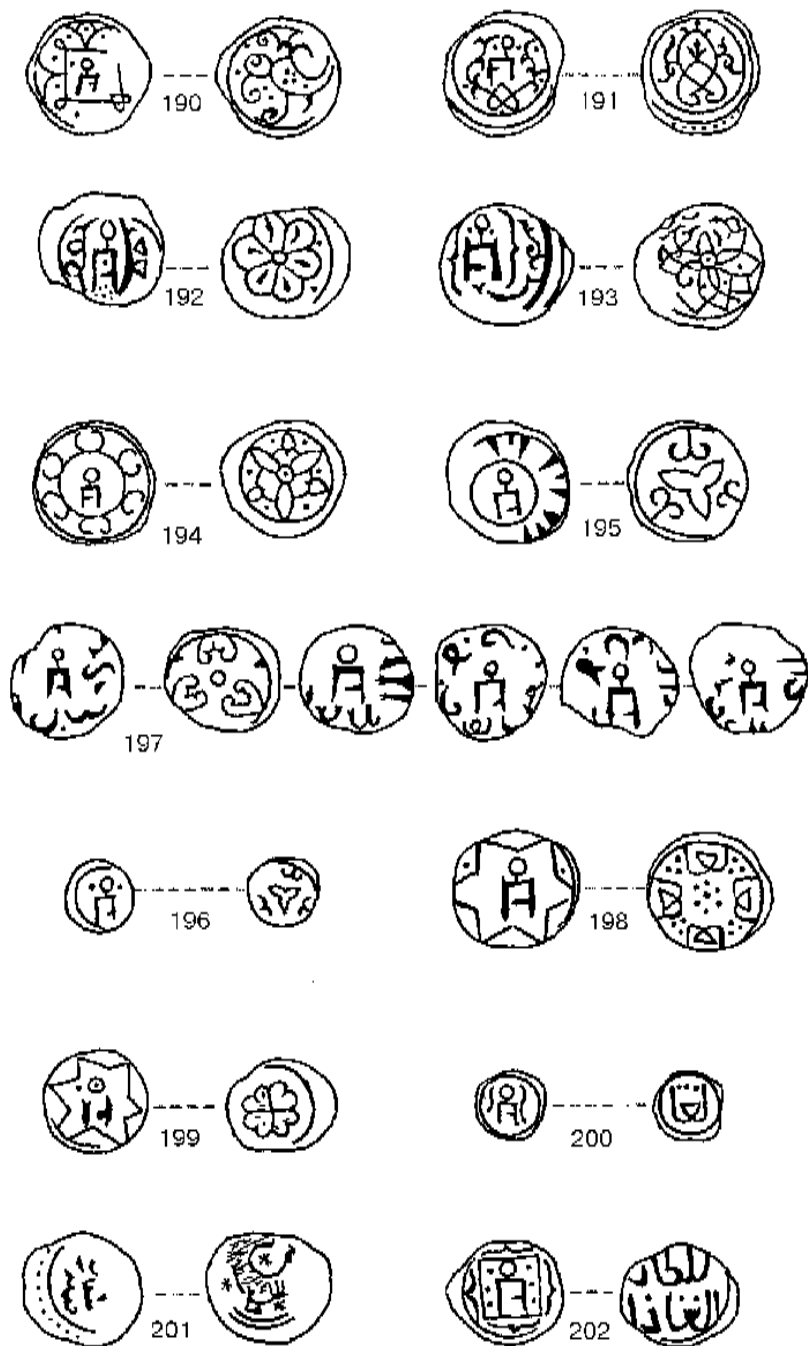

Таблица 16. Анонимные и анэпиграфные монеты...

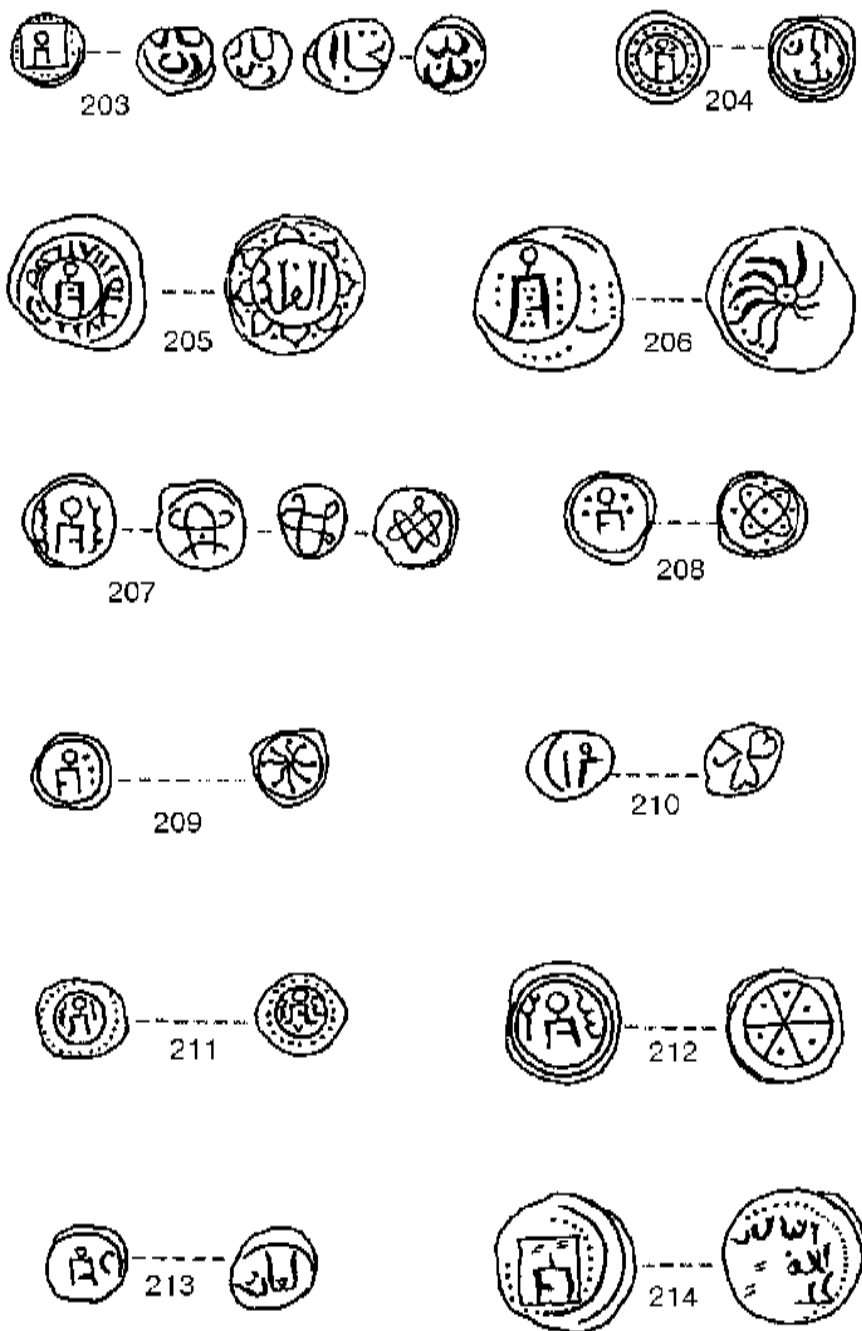
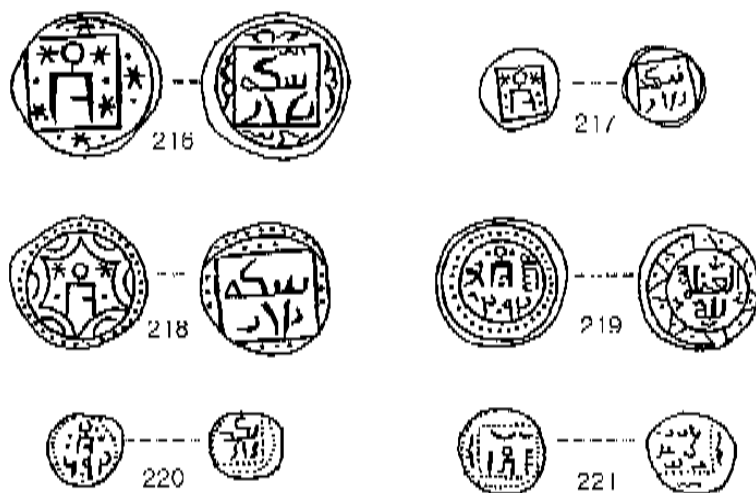

Таблица 17. Анонимные и анепиграфные монеты...

Монеты Кермана

Монеты Биляра

Монеты Сарая

Таблица 18. Монеты Кермана, Биляра, Сарая.

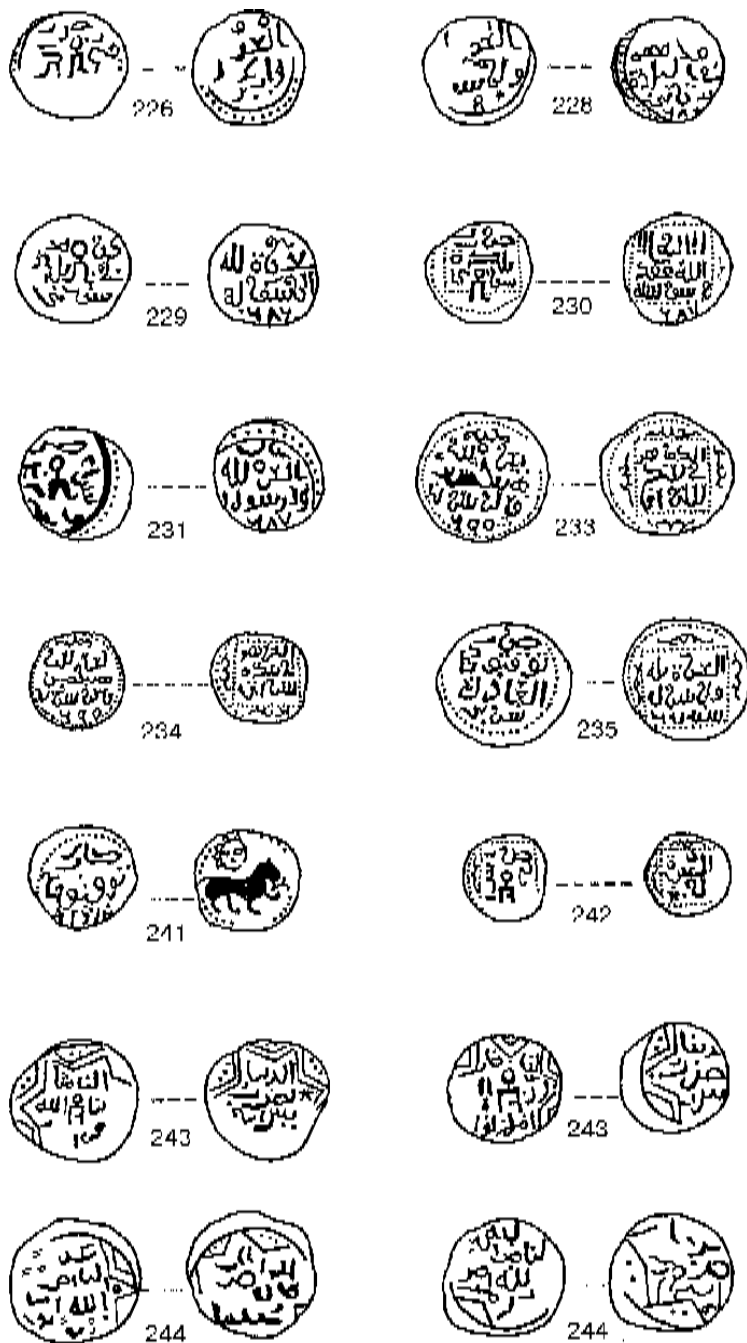
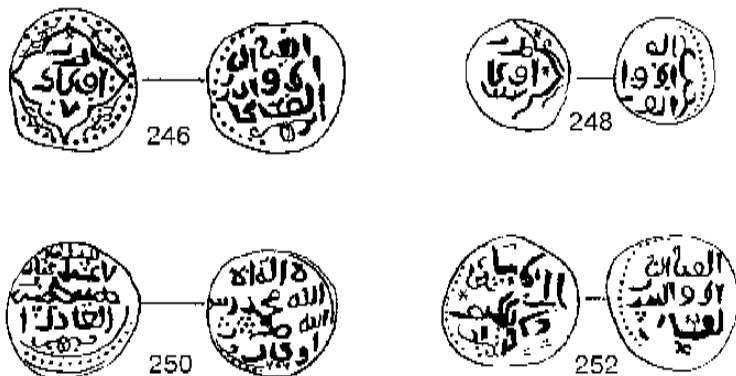

Таблица 19. Монеты Сарая...

Монеты Укека

Монеты Хорезма

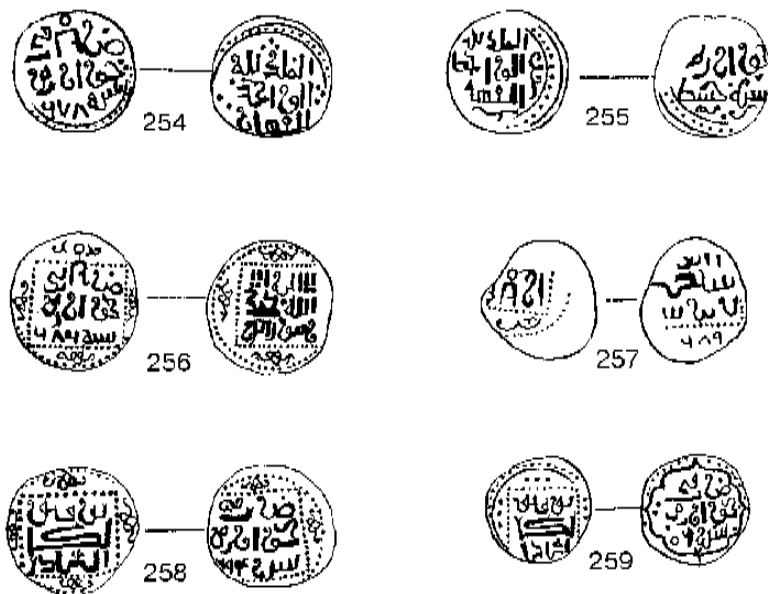

Таблица 20. Монеты Укека, Хорезма.

Дина Валеева

Художественная резьба в архитектуре и эпиграфике золотоордынских булгар

Восток во все времена воспринимался как источник изысканности, тонкости, тайны, особой одухотворенности художественного вкуса. Золотоордынское искусство вообще и булгарское искусство того же времени в частности не было исключением.

Характерной чертой искусства всего мусульманского мира XIII-XIV вв. был синтез архитектуры и декоративного искусства. В этом проявляется особый стиль эпохи, особая изысканность этого искусства. Архитектурные формы наполняются пластическим и декоративным богатством: сливаются воедино язык архитектуры, каллиграфии и орнамента, как бы струясь и перетекая друг в друга.

Правда, в Булгаре эти черты восточного искусства проявляются не так ярко и не так роскошно. Например, в оформлении Малого минарета: сам минарет, как архитектурное сооружение, нельзя назвать “пышным и необычным”. Напротив, очертания его предельно строгие и простые. Но ниша на наружной стене минарета обрамлена великолепной и выразительной узорной резьбой, в которой проступает вся изысканность и неповторимость восточного орнамента, в соединении в нем растительных и геометрических мотивов, медальонов, украшенных восьмилепестковыми сложными розетками.

Таким образом, золотоордынское искусство достигает высокого уровня в понимании, воплощении декоративности как особой художественной формы, придающей образу большую эмоциональную выразительность. Орнамент в восточном (и в золотоордынском, и в булгарском) искусстве настолько значим, настолько символичен, что именно посредством орнамента передается созерцающему произведению искусства человеку тот предмет, то иносказание, которые находятся за пределами изображения.

Если в домонгольское время в булгарском искусстве смысловую функцию несли образы различных животных и птиц, изображения цветов, листьев или отдельных геометрических линий и фигур, то в золотоордынское время содержание, смысл, идея произведения (или архитектурного сооружения в совокупности с декоративным оформлением) доводятся до зрителя через многократно усложненный узор орнамента, который уже трудно назвать только геометрическим или только растительным — настолько он усложнен технически и углублен, зашифрован стилистически и “идейно”.

Но обратимся конкретно к видам и жанрам булгарского золотоордынского искусства. Об архитектуре г. Булгар написано подробно и много¹. В этих исследованиях профессионально проведен анализ сохранившихся золотоордынских сооружений и их развалин: Соборной мечети, Белой и Черной палат, Малого минарета, Ханской усыпальницы, Восточного тюрбе и т.д. В целом в них подчеркнуты и оригинальность архитектурных форм и их декора, и связь их с архитектурой Востока — Средней Азии, Азербайджана и т.д. Архитектуре золотоордынского Булгара дается высокая оценка как памятникам мусульманского средневековья. Поэтому в данной работе нет необходимости вновь поднимать вопрос анализа булгарской архитектуры, тем более, достаточно высоко оцененной архитекторами и археологами.

Хотелось бы лишь коснуться отдельных моментов, относящихся к художественному облику, композициям, орнаментальному декору болгарской архитектуры, которые представляют жанр резьбы по камню.

Традиции искусства резьбы по камню очень древние и распространены по всему миру. В каждой стране, каждой части земли они разные. Искусство резьбы по камню у волжских болгар золотоордынского времени восходит, с одной стороны, к традициям степных кочевников (кипчаков), ставивших каменные изваяния в бескрайних степях в память об умерших², с другой — это искусство как бы питается и традициями среднеазиатской каменной резьбы, проявившейся в богатейших архитектурных декорах восточных дворцов, мавзолеев и медресе.

Когда речь идет об орнаментальных декорах Малого минарета, Соборной мечети, Черной палаты — то здесь, очевидно, мы можем говорить о среднеазиатских, хорезмийских традициях монументально-декоративного искусства. Культура болгар была тесно связана с культурой Хорезма, особенно его столицы Ургенча. По словам Ибн Баттуты, это был “самый большой из тюркских (имеется в виду — восточных. — Д.В.) городов, самый значительный и красивый, у него красивые базары и широкие улицы, и многочисленные постройки”³. Роскошная архитектура украшала этот город, как и другие города золотоордынского средневековья. Широкие и узкие полосы по краям арок, порталов были сплошь украшены узорами; сталактиты, заполняющие порталные ниши и паруса тоже были покрыты богатым орнаментом. В орнаментах, несмотря на их сложность, преобладали растительные мотивы с цветами, листьями, побегами; в них искусно “вплетались” орнаменты каллиграфии, чаще всего исполненные почерком “дивани”.

Художественные поиски в XIII–XIV вв., как и в домонгольское время, велись более всего в области декоративной орнаментики. Здесь важно подчеркнуть, что если раньше в декоре был важен “гирих” с подчинением ему всех видов орнаментов, то в этот период преобладают растительные и геометрические мотивы. В каллиграфических надписях преобладал стиль вычурного “дивани”. Также для архитектурного декора Хорезма характерно образование из вычурных цветочных сплетений “узлов счастья”, среди которых размещаются медальоны.

Вся эта изумительная роскошь восточного орнамента проступает и в архитектурном декоре болгарских сооружений, но в более спокойном, не буйном, более “собранном” качестве. О декоре Малого минарета я уже говорила. Сохранились отдельные каменные блоки обрамления северной порталной арки, надпортальная плита и порталная розетка северного фасада, оконное обрамление западной стены Соборной мечети.

Как художественные композиции, каждый из этих фрагментов заслуживает особого внимания, ибо их можно рассматривать как произведения искусства, как отдельные панно. Плита, располагавшаяся над порталной аркой, украшена композицией, составленной из каллиграфии и цветочного орнамента (техника высокого рельефа). Фрагмент слова, представленного почерком “насах”, приблизительно читается: “Аль гарабль рахманль васс...”, что может означать начальные слова одной из сур Корана. Эти слова, как бы “утопают” в цветах, которые плавными, перетекающими узорами, овалами, спиралями возникают с разных концов и сторон этого текста, и почти труд-

но отличить, обозначить, где буквы, а где узоры, настолько они представляют собой единую орнаментальную композицию. Сопровождающий композицию узор спирали как бы символизирует бесконечность и повторяемость жизни.

Фрагмент блока обрамления порталной арки слишком мал и на нем мы видим лишь обозначение обрамляющего орнамента, который состоит из двух видов: сложного переплетенного из трех составляющих волнистого орнамента и еще более сложного, зооморфно-геометрического орнамента, в котором можно “прочитать” или увидеть “узлы счастья” и стилизованные образы длинношеих птиц. Нет сомнения, что, когда композиция орнамента, украшавшего арку, была полной и целой, она производила большое эстетическое впечатление.

Орнамент, заполнивший порталную розетку, насыщен и плотен. На поверхности розетки почти нет свободного пространства. Здесь сложное сочетание всех трех видов орнамента — зооморфного, растительного и геометрического. В зооморфной части орнамента проступает стилизованный силуэт птицы с раскрытыми крыльями, в растительной — узоры трилистника, двулистника, тюльпана и бутонов, в геометрической — круга, четырехугольника. Все вместе — это композиция, состоящая из плавных, ритмичных, симметричных узоров, рождает ощущение, производит впечатление гармонии и покоя⁴.

“Черная палата” — одно из зданий золотоордынского Булгара, сохранившееся до наших дней. Оно построено из туфа и известняка. С внешней стороны каких-либо орнаментов и украшений не сохранилось. Интерьер, состоящий из нескольких ярусов, разделяющих высокий купольный зал 2-го этажа, очень эффектен, хотя он и не отличается пышностью убранства, богатством орнаментальных узоров. Напротив, архитектурно-декоративное решение интерьера удивляет своей предельной сдержанностью. Здесь мы видим всего лишь тюльпанообразные в виде лепестков завершения капителей колонок; фестончатые круглые розетки из восьми лепестков и шестиконечные звезды с двух сторон над арками каждого из окон и входной двери.

Все фигуры украшений сделаны в виде крупного рельефа, что усиливает впечатление монументальности. Строгость и простота архитектурного декора Черной палаты приближает ее к некоторым памятникам конца XIII — начала XIV вв., продолжавшим традиции домонгольского времени и тоже не отличавшимся пышностью убранства.

Итак, мы рассмотрели некоторые примеры болгарского искусства резьбы по камню, традиции которых ведут нас в Среднюю Азию, Хорезм.

Одновременно, в XIII-XIV вв. существовало и другое искусство каменной резьбы, истоки которого находились в древних степных скульптурах кипчаков и других тюркских племен, которые сооружали их в память о своих умерших предках или родичах. Об этих удивительных скульптурах тоже написано немало. Некоторые из этих исследований указаны в примечаниях⁵.

История возникновения монументальных скульптур степей Евразии уходит в глубокую древность времен до нашей эры. Не останавливаясь на них, пропуская тысячелетия, обратимся немного лишь к скульптурам тюрков, обитавших в евразийских степях в XIII-XIV вв.

Долгое время скульптуры в степях считали надгробиями⁶, но оказалось, что они ставились отдельно от погребений. Было мнение и о том, что скульптуры эти — изображения побежденных врагов⁷. Однако данная точка зре-

ния не отражала истину, ибо и письменные источники, и сообщения современников, и раскопки говорили о том, что эти статуи, скульптуры представляли усопших воинов, представителей того племени, в честь которых они устанавливались.

“Все племена кыпчаков, когда попадают туда, сгибаются вдвое перед этой единственной в своем роде статуей. Пешком ли зайдут они туда с пути или верхом, поклоняются ей, как творцу. Всадник, который подгонит к ней коня, кладет стрелу из колчана в честь ее. Пастух, который заведет туда свое стадо, опускает перед ней овец.” Так запечатлел в начале XIII в. поклонение кыпчаков своим статуям великий азербайджанский поэт и мыслитель Низами в своем бессмертном “Искандер-намэ”⁸.

Несомненно, в возведении этих скульптур сказался культ предков языческих племен. Но, подчеркивают почти все исследователи, скульптуры ставились не в память конкретного, недавно умершего вождя, а “героизированного и мифического родоначальника”. Поэтому эти изваяния кыпчаки воспринимают уже как изображение божества⁹.

Но в данном контексте важна не столько семантика “каменных баб”, древних скульптур, а их художественные особенности. Опять же, не стремясь к общему и всестороннему анализу скульптур, отметим лишь некоторые их свойства.

Как правило, скульптуры высекались из огромного, цельного монолита, чаще всего — известняка. Вполне реалистично изображены одежда, украшения, обувь. Скульптуры статичны, спокойны, взгляд их устремлен в вечность. Интересно, что к XIV в. статуи становятся более обобщенными, менее объемными, все более приближающимися к плоской стеле... Поэтому некоторые из них можно рассматривать как переходные к каменным могильным надгробиям формы. И Г.А.Федоров-Давыдов в своей книге пишет, что иногда, “в силу каких-либо причин объемную стелу заменяли плитой с нарисованным покойником”¹⁰.

В мусульманском мире — плиты остались, а нарисованные “портреты” умерших были заменены на письменное сообщение сведений об умершем — кто и когда?.. Так, очевидно, появились и первые болгарские каменные надгробия, каллиграфию и орнамент которых можно рассматривать как искусство резьбы по камню. И это является тем жанром, который в болгарское золотоордынское искусство пришел из степей, т.е. степные, кочевнические черты отразились в зрелом золотоордынском искусстве.

Болгарские надгробия с исторической и лингвистической стороны подробно изучены казанскими учеными Г.В. Юсуповым, Ф.С. Хакимзяновым, Д.Г. Мухаметшиным¹¹. Интересный и убедительный искусствоведческий анализ им дан С.М. Червонной¹² и в определенной степени Ф.Х. Валеевым.

Ф.С. Хакимзянов связывает как раз появление надмогильных плит у болгар с кочевыми степными традициями. Он приводит древние лингвистические названия этих памятников: “сынташ” (каменная баба), “ташбилге” (каменный знак), “тораташ” (каменное изваяние, буквально — стоящий камень)¹³. И это, вместе с письменными сообщениями, самими памятниками являет несомненное доказательство преемственности степной, кочевнической и городской золотоордынской культур.

Хотя традиции резьбы по камню в архитектурном декоре сооружений и резьбы по камню надмогильных памятников различны, но они взаимосвяза-

ны и той или иной чертой своих композиций или орнаментов свидетельствуют о единстве сути их жанра.

В чем же состоят художественные особенности болгарских эпиграфических памятников?

Ф.С. Хакимзянов справедливо замечает, что искусство резьбы по камню в Волжской Булгарии возникло задолго до золотоордынского периода¹⁴. А в XIII-XIV вв., когда каменное зодчество достигло больших художественных высот, когда эпиграфические памятники имели в стране самое широкое распространение, уже речь может идти о болгарской школе резьбы по камню¹⁵. Ибо то мастерство, с каким украшались орнаментами культовые и общественные здания в Волжской Булгарии и отличались исключительно мастерским исполнением (орнаменты, каллиграфия) каменные надгробия, возможно только при наличии школы уже со сложившимися традициями.

В настоящее время древние золотоордынские болгарские надгробия находятся в разрозненном состоянии. Их находили в разные годы по всей земле Татарстана. И только ученые собрали их воедино на страницах своих исследований. О степени их изученности историками, археологами и частично искусствоведами уже было сказано выше.

Но, думается, что о надгробиях как произведениях искусства резьбы по камню есть что говорить и в дальнейшем.

Прежде всего обращают внимание их формы: прямоугольные стелы, иногда чуть скошенные, суженные к низу, чуть закругленные сверху. Очевидно, что эти формы памятников прошли длинный эволюционный путь от каменных баб половецких (кипчакских) степей — реалистических изображений человеческих фигур с лицом, руками, ногами, элементами одежды и украшений — до абстрактного символического прямоугольного надгробия, каменной плиты, в котором основными смысловыми определяющими центрами стали каллиграфия и орнамент.

Каковы художественные особенности памятников и какие орнаменты присущи им?

Для более четкого ответа на эти вопросы есть смысл рассмотреть эти надгробия по времени их установки (самый ранний из сохранившихся памятников — из Русско-Урматского селища, 1281 г.; самый поздний из с. Большие Нырсы Сабинского района, 1399 г. и целый ряд без установленных дат)¹⁶.

Каллиграфия, наиболее часто встречающаяся в композициях, мелкий четкий врезанный или рельефный куфи, рельефный сульс и врезанный насх.

Каждый почерк имеет свои достоинства, особенности. Куфи — почерк более распространенный, более легко читаемый, более геометрический. Буквы имеют более резкие начертания, углы. На большинстве памятников текст написан именно способом куфи — врезанным или рельефным. Сульс — почерк более сложный для чтения, он красивее по очертаниям, буквы более округленные, плавные, больше напоминающие побegi и бутоны. Насх — почерк также распространенный, с легкой игрою линий, где в буквах сочетается геометрическая резкость углов и плавность округлых линий.

Памятники первой половины XIV в. я назвала бы более классическими, ибо в них, если рассматривать их как произведения искусства, сохраняется четкость, строгость почерков, ровность строк, следующих друг за другом, симметричное расположение композиции текста на поверхности камня. Иногда, как например, в памятнике у с. Старое Ромашкино Чистопольского рай-

она, начертаниям строгих куфических букв придается некоторая мягкость на их концах, они оканчиваются как бы цветочными бутонами или листьями — и это делает надпись более художественной, более открытой. Поверхность камня с красивой орнаментацией и все надгробие в целом смотрится как произведение искусства.

На поверхностях памятников первой половины XIV в., кроме этих особенностей, можно заметить частое изображение “михрабов” и тексты оказываются написанными как бы внутри них, обрамленные мягким овалом, иногда заостренным слегка сводом вершины “михрабов”. Это создает своеобразную раму для текста, который, благодаря ей, становится более выразительным и более значимым.

И, конечно, особое значение, особая роль в начертанных знаках на камнях принадлежит орнаментам. Наиболее часто встречающееся изображение — цветок ромашки — восьми- или шестилепестковое. Иногда этот цветок заключается в круг, и он напоминает уже солнце (каким его изображают дети в своих рисунках). Но для нас неважно — цветок это или солнце. Для нас — это знак света, чистоты, вечности. Возможно, в болгарском, золотоордынском искусстве изображения солнца или цветка были символами очищения душ после смерти и устремления их к вечности и свету рая. И для нас важно, что стремление к красоте, к искусству не оставляло болгар даже, когда они украшали последнее пристанище человека, и кем бы, каким бы он ни был в жизни — в смерти он как бы очищался от всех грехов, был прощен, становился достойным света солнца и чистоты цветка...

Еще одним украшением некоторых надгробий является прекрасный орнамент, как бы перешедший на них из ювелирных изделий домонгольского времени. Это — классический болгарский орнамент, состоящий из волнистого побега и трилистников, стелющихся в овалах побега, повторяя их округлости.

Соединив вместе “рамы” михрабов, изображения орнаментов, солнца и цветка, четкий, выразительный каллиграфический почерк, составляющий композиции болгарских надгробий 1-ой половины XIV в., следует отметить высокий художественный уровень искусства резьбы по камню в золотоордынской Булгарии. Примером может служить великолепный памятник 1324 г. из с. Ямбухтино близ Булгар, по форме сам напоминающий арку михраба, на котором текст написан рельефным полукуфическим почерком, а под аркой изображена четкорельефная восьмилепестковая розетка.

Надгробия 2-ой половины XIV в. несколько отличается по художественным особенностям от выполненных в 1-ой половине. Все это объясняется изменениями исторической обстановки страны в целом. 2-ая половина XIV в. — “смутное” время для всей огромной Золотой Орды. После спокойного, “блестящего”¹⁷ правления хана Узбека (1312-1342) ханом становится Джанибек, который стремится продолжить традиции Узбек-хана. Но его убивает собственный сын Бердибек — и начинается время калейдоскопических смен правлений ханов, их вражды и междоусобиц, Это, естественно, ослабляет государство. А с другой стороны, — крепнут русские княжества, в них как раз срабатывает тенденция к объединению. И в 1380 г. происходит Куликовская битва, русские князья разбивают войско Мамай... Так начинается время постепенного угасания и последующей гибели Золотой Орды.

На земле бывшей Волжской Булгарии в эти десятилетия также происходят важные перемены. В 1361 г. на Среднюю Волгу совершает поход Булат-Тимур.

Воины окрепших русских княжеств — новгородцы, суздальцы — один за другим смелеют и делают дерзкие набеги на болгарские города. И это, разумеется, ослабляет их. Складывается неблагоприятная во всех отношениях обстановка для болгар¹⁸, что вовсе не способствует развитию и расцвету культуры.

Если мы обратимся к эпиграфическим памятникам рассматриваемого времени, то видим, что их стилистика, художественные достоинства теряют свое совершенство и своеобразие. В каллиграфии чаще встречаются не “чистый” какой-либо почерк, а “полу”. Так, большинство надписей характеризуется учеными как “полукуфический” почерк, или даже является “неграмотным и некаллиграфическим”¹⁹.

В изображении орнаментов порой видна нечеткость, словно торопливость, даже небрежность, когда узоры орнаментов местами не заканчиваются, не делаются до конца, а узоры “солнца” или “ромашек”, хотя и сохраняются, но тоже становятся далеко не художественными. Если в исполнении этих элементов композиций XIV в. вне сомнения была профессиональность исполнения, чувствовалось мастерство, школа, преемственность от одних мастеров к другим, то в сравнении с ними орнаменты 2-ой половины XIV в. смотрятся часто произведениями самодельных и не всегда грамотных самоучек. Из изображения исчезает неповторимый аромат тайны, стремления проникнуть в нее... Надписи и узоры становятся как бы приземленными, какими-то обыденными, бытовыми.

Несколько слов о текстах, о содержании болгарских эпитафий. К сожалению, полные тексты почти не сохранились. Но то, что прочитали ученые²⁰, дает возможность говорить о философском и литературном характере этих надписей. Ведь в них — не только имя усопшего и дата его ухода из жизни, но и торжественные, возвышенные строки из Корана о вечности Аллаха, о его великой милости, о бренности жизни. А часто встречающиеся изречения: “Смерть — дверь, и все люди войдут в нее”, как бы примиряет всех с неизбежным, призывает не отчаиваться и не сокрушаться безутешно, ибо жизнь и смерть — это две стороны одного явления, они постоянно перетекают одна в другую, и потому оставшиеся на земле должны приглушить страдания в своих сердцах. В этих немногословных эпитафиях — столько мудрой, спокойной философии, а с другой стороны, — это уже элемент поэзии, литературы, и от этих текстов не длинна нить до истинных литературных произведений средневекового востока, самой зодотоордынской поэзии Рабгузи, Кутба, Хорезми, Махмуда Булгари-Сараи, Сайфи Сараи и т.д.²¹

Итак, искусство резьбы по камню в золотоордынской Булгарии проходит долгий сложный путь развития: продолжая одновременно традиции камнерезного искусства, монументальной скульптуры кипчакских степей и традиции искусства восточных городов, оно, достигнув в 2-ой половине XIV в. высот искусства профессиональных мастеров, во 2-ой половине XIV в. приходит к постепенному угасанию в связи с изменившейся исторической обстановкой Золотой Орды.

Но в истории, в жизни, в искусстве — любое развитие и существование идет волнообразно — то подъемами, то спадами. И этот спад камнерезного искусства тоже явился временным, т.к. последующая культура Казанского ханства, а в нем — искусство резьбы по камню вновь достигнет яркого и самобытного расцвета...

Примечания:

¹ *А.П.Смирнов*. Волжские булгары. — М., 1950, *Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А.* Новые данные по истории города Булгара/СА, №1; *Башкиров А.С.* Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. — Казань, 1929; *Валеев Ф.Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. — Йошкар-Ола, 1976; *Червонная С.А.* Искусство Татарии с древнейших времен до 1917 года. — М., 1987.

² *Ф.С.Хакимзянов*. Булгаро-татарская эпиграфика. — М., 1987.- С.7.

³ Цит. по книге: Искусство народов СССР. Т.3, — М., 1974. -С.323.

⁴ *Валеев Ф.Х.* Древнее и средневековое искусство... — С. 144, 147, 148. рис.60.

⁵ *Кызласов Л.Р.* Таштыкские каменные изваяния с изображением людей / КСИ-ИМК. — Вып. 60, 1955; *Он же*. О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей/СА, 1964, № 2; *Плетнева С.А.* Печенеги, тюрки, половцы в южно-русских степях/МИА. — Вып. 62. М.-Л., 1958; *Она же*. От кочевий к городам. — М., 1967; *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. — М., 1967 /Глава — “Монументальная скульптура тюрков”/.

⁶ *Кызласов Л.Р.* О назначении... — С.31.

⁷ *Грач А.Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. — М., 1961. — С. 80.

⁸ Низами. Искандер-намэ. Баку, 1940 (Цит. по кн. Г.А. Федорова-Давыдова “Искусство кочевников и Золотой Орды”. — М., 1976. — С.92).

⁹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников... — С. 91-95.

¹⁰ *Он же*. Искусство... — С. 102.

¹¹ *Юсупов Г.В.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. — М.-Л., 1960; *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских булгар. — М., 1978; *Он же*: Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. — М., 1987; *Мухаметшин Д.Г.* Об эпиграфических памятниках Восточного Закамья /К вопросу о локальных вариантах булгарских эпитафий // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. — Казань, 1981.

¹² *Червонная С.М.* Искусство Татарии. История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. — М., 1987.; *Валеев Ф.Х.* Древнее и средневековое искусство...

¹³ *Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники... — С. 16.

¹⁴ *Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники... — С. 17-18.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Разделение памятников по датам проводится по книгам *Ф.С. Хакимзянова* /1978 и 1987/, хотя мною рассмотрено большинство этих надгробий, находящихся в Булгарском Гос. Ист.-арх. заповеднике, а также в музеях Казани и Чистополя. Д.В.

¹⁷ *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь, 1894, — Т. XII. — С. 634.

¹⁸ *Р.Г. Фахрутдинов*. Очерки по истории Волжской Булгарии. — М., 1984. — С. 119-123.

¹⁹ *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий... — С. 142, 144, 146, 152 и т.д.

²⁰ *Х. Фаизханов*. Три булгарских надгробных надписи//ИАО. — СПб: Тип. Акад. наук, 1863. — Т.IV, — Вып. 5; *Н.И.Ашмарин*. Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме//ИОАИЭ. — Казань, 1906. — Т. XXI, -Вып. 1; *П.Е. Корнилов*. К орнаментике булгаро-татарского резного камня // МОРПТ, — Вып. 3. Казань, 1929; *П.М.Дульский*. Несколько слов по поводу орнаментики татарских памятников XVI-XVII вв. // Там же.; *Али-Рахим*. Татарские эпиграфические памятники XVI века. — ТОИТ. — Казань, 1930. — Т. 1; *Г.В.Юсупов*. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960; *Д.Г.Мухаметшин*. О новых эпиграфических памятниках Болгарского городища // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976; *Ф.С.Хакимзянов*. Язык эпитафий...; *Д.Г.Мухаметшин, Ф.С.Хакимзянов*. Эпиграфические памятники Болгара//Город Болгар. Очерки истории и культуры. — М., 1978.

²¹ История древней и средневековой татарской литературы /Под редакцией Ш. Абилова. — Казань, 1981; *Амирханов Р.М.* Татарская социально-философская мысль средневековья. — Казань, 1993; *Х.Ю.Миннегулов*. Татарская литература и восточная классика: Вопросы взаимодействия и поэтики. — Казань: Изд-во Казанского университета, 1993.

Рис.1. Малый минарет в Булгаре с декоративными пальметками на углах “восьмериков”, XIV в. Фото Р.Г.Фахрутдинова, 1986 г.

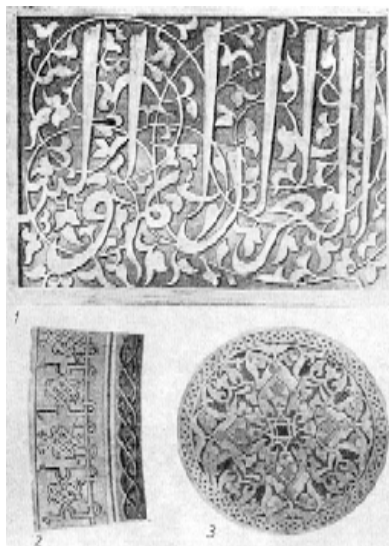

Рис.2. Резные архитектурные детали Соборной мечети в Булгаре, конец XIII — XIV вв.:

1. Плита с надписью, располагавшаяся над порталной аркой;
2. Фрагмент блока обрамления порталной арки с северной стороны фасада;
3. Портальные розетки. Реконструкция Ф.Х.Валеева.

Рис.3. Резное оконное обрамление западного фасада Соборной мечети. Фото Р.Г.Фахрутдинова, 1970 г.

Рис.4. Больше-Атряское кладбище с намогильными камнями XIV в. Тетюшский район Республики Татарстан. Фото Р.Г.Фахрутдинова, 1996 г.

Рис.6. Памятник 1311/1312 г. с Болгарского городища. Шрифт — рельефный сульс. По Г.В.Юсупову.

Рис.5. Памятник с Больше-Атряского кладбища, без даты. Шрифт — врезанный куфи. По Г.В.Юсупову.

Рис.7. Памятник 1399 г. из с.Большие Ныры Тюлячинского района Республики Татарстан. Шрифт — врезанный насх. По Г.В.Юсупову.

Рис.8. Памятник (без даты) со Старо-Ромашкинского кладбища Чистопольского района Республики Татарстан, XIV в. Фото Р.Г.Фахрутдинова, 1964 г.

Марсель Әхмәтжанов Болгар теленең язмышы (Эпиграфика материаллары буенча)

Алтын Урда дәүләте дәверендә Урта Идел буенда сакланган кабер ташларының теле XVIII гасыр башыннан бирле фәнни жәмәгатьчелекне кызыксындырып килә.

Иң башлап бу эшкә 1722 нче елда татар ахуны Кадер-Мөхәммәт Сүнчәләев һәм Казан шәһәренең тылмачы Йосыф Ишбулатов керешәләр¹. Алар тарафыннан элеккеге Болгар шәһәре зиратындагы иллеләп ташның язулары күчереп алына. Аларның кулъязмасы нигезендә урыс һәм Европа галимнәре эпитафия текстлары буенча фәнни хезмәтләр бастырып киләләр. Ләкин икенче бер татар галиме — Хөсәен Фәезхановның ачышына кадәр бу ташларның телен рәтләп аңлый алмаганнар. Галим 1863 нче елда Болгар шәһәрлегә тирәсендәге авылларда XIII-XIV йөзләрдән сакланып калган кабер ташларындагы текстларның бер өлеше теле ягыннан чуваш теленә якын булганлыгын ача.²

Аның бу ачышын миссионер Н.И.Ильминский, Н.И.Ашмарин һәм Н.Ф.Катановлар үз карашларына таяныч итеп файдаланалар. Татар галимнәре бу чордан калган эпиграфик истәлекләргә махсус өйрәнү эшенә керешмичә, фәкать аларны барлау, текстларны күчереп алып, бастырып чыгару юлында йөреләр. Шиһабетдин Мәржани, Ризаэтдин Фәхрәтдин, Гайнетдин Әхмәров кебек тарихчылар үзләренең хезмәтләрендә XIII-XIV гасыр Идел буе мөселман эпитафияләренең текстларын барлауга заманында өлеш кертәләр.

Мәгълүм сәбәпләр аркасында XIII-XIV гасыр Урта Идел буе мөселман эпиграфикасының тел материаллары белән кызыксыну 1910-1940 елларда беркадәр сүрелә. Бу эшкә 1940 елдан соң тарихчы Әхмәт Булатов, археолог Н.Ф.Калинин, тюрколог С.Е.Малов керешәләр. Берәз соңгарак, 1946 елдан, татар эпиграфик истәлекләрен өйрәнүне һарун Йосыпов башлый. Аның фәнни-практик эшчәнлегә галимнең бай эчтәлекле мәкаләләрендә һәм 1960 елда дөнья күргән “Введение в болгаро-татарскую эпиграфику” исемле күләмле монографиясендә ачыла.

1972 елдан XIII гасыр эпиграфик истәлекләрен һәм аларның телен өйрәнүгә филология фәннәре докторы Фәрит Хәкимжанов кереште. Аның эзләнүләре нәтижәсендә күп санлы яңа эпиграфик истәлекләр табылып укылды һәм текстларның теленә лингвистик аңлатма бирелде. Урта гасыр татар эпиграфик истәлекләрен өйрәнү эшенә 1980 елдан соң Болгар шәһәре музей-тыюлыгы мөдире Жәмил Мөхәммәтшин кушылды. Аның бу темага баглы берничә мәкаләсе һәм Ф.Хәкимжанов белән берлектә язылган монографиясе басылды. 1988 елда Әнкарада төрек филологы Талат Текинның татар галимнәре хезмәтләреннән файдаланып язылган китабы дөнья күрде.³ Шул ук елларда Будапештта венгр галиме Рона Ташның XIII-XIV гасыр Урта Идел буе мөселман эпитафияләре текстлары телен өйрәнүгә багышланган китабы һәм мәкаләләре басылганы мәгълүм булды һ.б.

Кыскача гына ясалган күзәтүләрдән үк XIII-XIV гасырларда, Алтын Урда дәверендәге Урта Идел регионы мөселман кабер ташларын һәм аларның телен өйрәнүгә багышланган бай әдәбият барлыгы күзгә ташлана. Нәрсәсе

белән галимнәр игътибарына шулай лаек булдылар соң әлеге регионның эпиграфик истәлекләре?

Барыннан да бигрәк, Урта Иделнең XIII-XIV гасырдагы этносәяси тарихы өчен алар бердәнбер җирле язма чыганаclar хезмәтен үтилә. Аларның текстларында Урта гасырларда Болгар олысының социаль бүленеше, теле, тарихы, географиясе, икътисади бәйләнешләре, мәгърифәте, сәнгате буенча кыскача мәгълүматлар бар. Бу проблемаларның барысына да тукталып үтү безнең өчен үзмаксат итеп куелмады.

Максатыбыз шушы эпитафия теле материалы нигезендә Урта Иделдә барган тел вазгыятенә бәя бирүдән гыйбарәт.

Х.Фәезхановның Болгар олысының эпитафияләре теле буенча 1863 елда ясаган ачышыннан соң, XIII-XIV гасырларда яшәгән “болгар теле — чуваш теленә элгәресе”, дигән караш Русия һәм Европа галимнәре арасында киң җәелде. Һәм бүгенге көндә дә нигездә шул фикер яшәп килә әле.

Татар тарихчысы Һ.Йосыпов, 1946-1960 елларда татар эпиграфикасы текстларын кыр-экспедиция шартларында туплап, аларны тарихи-лингвистик өйрәнү нәтижәсендә, XIII-XIV гасыр мөселман кабер ташларын һәм типологик, һәм лингвистик жәһәттән ике стильгә бүлеп карый.

I стиль кабер ташлары барлык материалның 10% чамасын тәшкил итә дип гомән ителә.

II стильгә караганнары 90% ка җитә дип санала.⁴

Һ.Йосыпов I стиль ташлардагы текстларга тел ягыннан түбәндәгечә яқын килә. Бу төркемгә тулаем гарәп телендәге, гарәп һәм яңа болгар телендәге, янә дә яңа болгар телендәге текстлар керә дип санала.⁵ Аның “яңа болгар теле” дигәнә татар теленә туры килә. II стиль ташларга — иске болгар һәм яңа болгар тел элементлары белән язылган текстлар; гарәп һәм иске болгар телендә язылган текстлар керәләр.⁶ Галимнең иске болгар теле дигәнә — чуваш теле элементлары белән язылган текстларга туры килә.

Төп нәтижә XIII-XIV гасырлардан калган татар телендәге ташларның теле иске болгар теленә эволюциясе нәтижәсендә барлыкка килгән дигән фикергә кайтып кала.

Һ.Йосыповтан соң бу мәсьәләгә мөнәсәбәттә филолог Ф.Хәкимжанов яңа концепция тәкъдим итте.⁷ Ул үзенә хезмәтендә XIII-XIV гасырдан калган болгар ташларының теле үле эпитафия теле булган дигән нәтижәгә килә.⁸ Аның фикеренчә, ташларда Болгар олысында яшәгән болгарларның жанлы теле чагылмый: “Разговорный язык волжских булгар, по-видимому, не нашли отражения в эпитафиях”.⁹

Әлеге концепция буенча болгар теленә төрле диалектларының катнашы белән шәһәрдә (Болгарда) “гомум халык әдәби теле” барлыкка килә, һәм бу телдә болгар галимнәре, шагыйрьләре үзләренә эсәрләрен ижат иткәннәр дигән фикер алга сөрелә. Соңыннан бу шәһәр сөйләше Идел бие төрки теленә төзүче элемент буларак керә.¹⁰ Галим бу хезмәтендә Идел буенда болгар телендә язылган эпитафия текстлары булуын һәм аларның чуваш теленә кардәшлеген таный.¹¹ Шулай ук, Ф.Хәкимжанов үзенә хезмәтендә болгар теленә, төрки тел элементлары керә барып, Идел бие төркисенә кушылып китүе хақында яза.

XIII-XIV гасыр мөселман кабер ташларындагы текстларның телен тикшерүдә татар галимнәре Х.Фәезханов, Һ.Йосыпов һәм Ф.Хәкимжановлар

ның хезмәтләре төп нигезне тәшкил итәләр. Бүтән барлык галимнәрнең дә хезмәтләре аларның фәнни казанышларына һәм ачышларына нигезләнә һәм килчәктә башкалар да алар туплаган бай материалга таянып эшләрләр.

Әлеге галимнәрнең Урта гасыр Идел буе эпиграфика теле турындагы карашларына бүгенге көндә башка яссылыктан килергә дә мөмкин.

Һ.Йосыпофның “иске болгар теле”нең эволюциясе нигезендә “яңа болгар теле”, ягъни татар халкы теле килеп чыгуы теориясе филологик аналогияләргә ия түгел. Югыйсә, болгар теленә кардәш булган чуваш теленең үсеше татар теленә якынаю ягына барыр иде. Ләкин алай була алмый. Ф.Хәкимжановның болгар теленең эпитафия материалы нигезендә, диалектлардан шәһәр койнәсына, аның аркылы Идел буе төркисенә, ягъни татар теленә үсеп житү фикере башкача чишелешне сорый торган мәсьәлә кебек күренә. Бу чишелешне без яңача күз алдында тотарбыз.

Мәсьәләне чишү өчен С.Малов, Һ.Йосыпов, Ф.Хәкимжанов, ӘБулатов, Ж.Мөхәммәтшин хезмәтләрендәге текстларны җәлеп иттек.¹²

Әлеге куелган мәсьәләнең чишелеше Урта Иделдә XIII-XIV гасырларда булып узган этник процессның барышын ачыклау өчен мөһим. Аерым алганда, бүгенге Идел-Урал буе татарларының этник тарихында болгар компонентының тоткан урынын билгеләү һәм мөселман болгар тарихи-мәдәни мирасының варисларын ачыклау таләп ителә.

XIII-XIV гасыр Урта Идел буе мөселман эпитафиясен өйрәнүче галимнәрнең хисаплавына караганда, аерым кисәкләре генә калган кабер ташларын да санасаң барлыгы 400 дән артык истәлек мәгълүм.¹³ Хезмәтләре искә алынган галимнәрнең басмаларыннан бу мәкаләдә 161 эпитафия тексты файдаланылды.

Мәгълүм булганча, Татарстандагы татар халкының этник тарихында регионның өч төбәгенең үзенчәлекләре бар. Болар:

I. Кама арьягы, әүвәлге Болгар дәүләтенең һәм 1243 елдан соң Болгар олысының үзәк җирләре. Уң як Иделнең Тәтештән түбән ягы һәм Кама артының Уфага, көньякта Самарага кадәр булган җирләре керә.

II. Тау ягы — Болгар дәүләте һәм Болгар олысының провинциясе, Иделнең уң ягы, нигездә, Тәтеш шәһәре киңлегенә кадәр керә.

III. Казан арты — Идел, Кама, Нократ елгалары арасындагы өлкә, беркадәр төньякта Киров шәһәре тирәләренә кадәр сузылган җирләр. Шушы киң географик регионда XIII-XIV гасырларда Болгар олысының төньягында, урыны-урыны белән әүвәлге Болгар дәүләтенең халкы яшәгән. Кайбер Мәскәү тарихчыларының: татарлар болгарларны 1236 елда кырып бетергәннәр дип матбугат битләрендә ясаган чыгышлары, XIII-XIV гасырлар эпиграфик материаллары нигезендә дөреслеккә туры килми.

Файдаланылган фәнни басмаларда тикшерелә торган материал яңа болгар, иске болгар, болгар диалектлары теле дигән терминнар белән тәгаенләнә. Безне бу бүленеш канәгатьләндерми. Шунлыктан, тел ягын тикшергәндә түбәндәге принциплардан чыгып эш итәбез. Билгеле, һәр кабер ташында Корьән кәлимәләре гарәп телендә бирелә, ләкин шул вакытта мөрхүмнең үлү тарихы язылган текстлар болгар һәм татар телләрендә дә языла. Шунлыктан, эпитафия текстының теле турында сүз алып барганда анда мөрхүмнең үлү тарихы язылган күрсәткечләр, тел принцибы, билгеләмә була. Димәк, текстлар:

1. Болгар телендә;
2. Татар телендә;

3. болгар-татар, гарәп катнаш телләрендә;

4. гарәп телендә — язылганнар.

Шушы дүрт төрле телдәге текстларның таралыш географиясен өч тарихи өлкәгә (Кама арьягы, Тау ягы һәм Казан арты) нисбәттә бүлеп карыйк:

Телләр	Кама арьягы	Тау ягы	Казан арты	Барлыгы
Болгар теле	83 таш	14 таш	25 таш	122=76%
Татар теле	21			21=13%
Болгар-татар теле	4	1		5=3%
Гарәп теле	11		2	13=8%
Барысы	119	15	27	161=100%

Таблицада күренгәнчә, татар телендәге ташлар, күбрәк, Кама арьягы зонасында сакланганнар. Димәк, болгар телендәге ташлар барлык материалның 76 %, татар телендәге 13%, катнаш телдә 3%, гарәп телендә 8% тәшкил итәләр. Казан артындагы Ямәширмә (1382 ел) һәм Нырсы (1399) авылларында сакланган татар телендәге текстларны (2 таш) бу исемлеккә традиция буенча гына кертергә мөмкин, чөнки 1360 елдан соң Казан артында кискен этник үзгәрешләр чоры башлана. Әлеге ике таш китерелгән таблицкага кертелмәде.

Катнаш болгар-татар телендәге текстлы ташлар да нигездә Кама арьягында сакланалар.

Казан артында гарәп телендә язылган бер эпиграфик текст Кабан күле буендагы Архирей дачасы булган жирдән алынган. Ул истәлек Болгар олысы белән идарә иткән, 1380 елларда үлгән Эчкеле Хәсән солтан ташы.¹⁴ Гарәп телендә язылган текстлы икенче таш та, шул ук Архирей дачасы булган жирдә табылган. (Ул Казанда, берләштерелгән Дәүләт музеенда саклана). Ике таш та бер үк стильдә эшләнгәннәр.

Бу фактлар Тау ягы һәм Казан артында да 1360 елларга кадәр болгар халкы яшәгәнлеген һәм анда аларның телләрендә зур диалект үзенчәлекләре юклыгын раслыйлар.

Хәзер Кама арьягындагы эпитафия текстларының тел жәһәтеннән географик бүленешен күзәтеп үтик. Әлеге регионны XIV гасырда нигездә дүрт сәyasi-административ үзәккә бүлеп өйрәнергә мөмкин:

Хәзерге Болгар шәһәре һәм аңа яқын булган зона—төбәк;

Жүкәтау шәһәре (хәзерге Чистай шәһәре тирәсе) һәм аңа яқын төбәк;

Бүләр шәһәре һәм аның тирәсе;

Ык-Агыйдел елгалары арасы.

Шул бүленешнең таблицкада чагылышы:

Телләр	Болгар	Жүкәтау	Бүләр	Ык-Агыйдел	Барысы
Болгар теле	36	26	20	1	83
Татар теле	15		1	5	21
Болгар-татар	2	2			4
Гарәп теле	6		4	1	11
Барысы	59	28	25	7	119

Китерелгән таблицадан күренгәнчә, Кама арьягында 1280-1360 еллар арасында Болгар шәһәре һәм аның йогынтысы кергән жирләр (бүгенге Спасс,

Әлки, Чардаклы, Олы Тархан төбәкләре) олыс үзәген тәшкил итәләр һәм анда татар телендәге ташлар тупланышы да шактый зур. Бүләр шәһәре төбәгендә (өлешчә Алексеевск, Аксубай, Балынгүз, Норлат төбәкләре) татар телендәге ташларның иң аз булганлыгы күренә. Жүкәтау зонасында (Чистай, Түбән Кама һәм, өлешчә, Алексеевск) саф татар телендәге таш мәгълүм булмаса да, болгар-татар телендәге ике таш бу үзәктә татар теле барлыгына дәлил булып хезмәт итә.

БК-Агыйдел арасындагы таш текстлары анда татар теле хакимлек итүенә дәлил булып хезмәт итәләр.

Таблицадагы саннар — татар теленәң Урта Иделгә Кама арьягында беренче булып керә башлаганының күрсәткече. Монда болгар теленнән бигрәк татар теленәң тәэсире үсү күзәтелә.

Кама арьяндагы татар телендә
язылган кабер ташларының исемлеге

1.	6.../12...	Болгар шәһәре	X.2 ¹⁵	—	№1 таб.
2.	711/1311	Болгар шәһәре	X.2.	—	№2 таб.
3.	714/1314	Олы Тархан авылы	X.2.	—	№4 таб.
4.	714/1314	Болгар шәһәре	X.3 ¹⁶	—	№2 таб.
5.	717/1317	— „ —	X.2.	—	№5 таб.
6.	724/1323	— „ —	X.2.	—	№6 таб.
7.	728/1328	Казан музее	X.2.	—	№7 таб.
8.	734/1333	Болгар шәһәре	X.2.	—	№8 таб.
9.	742/1341	Болгар шәһәре	X.2.	—	№9 таб.
10.	743/1342	Уфа музее	X.2.	—	№10 таб.
11.	745/1345	Иске Рәжәп ав.	X.2.	—	№11 таб.
12.	747/1346	Уфа музее	X.2.	—	№12 таб.
13.	750/1349	Татар Калмаюры ав.	X.2.	—	№13 таб.
14.	751/1350	— „ —	X.2.	—	№14 таб.
15.	754/1353	— „ —	X.2.	—	№15 таб.
16.	758/1357	Яңа Дума ав.	X.2.	—	№16 таб.
17.	759/1357	Татар Калмаюры ав.	X.2.	—	№17 таб.
18.	?	Урсай ав.	X.2.	—	№21 таб.
19.	?	— „ —	X.2.	—	№22 таб.
20.	?	Татар Калмаюры ав.	X.2.	—	№23 таб.
21.	?	Ямбақты ав.	X.2.	—	б.89

Китерелгән таблица татар телендәге эпитафия текстларының 1340 елдан соң сизелерлек арта баруын күрсәтә.

Кама арьягындагы болгар телендә
язылган кабер ташларының исемлеге

№	Һижри дата	Миләди дата	Кайда куелган	Чыганақ	
1.	687	1288	Болгар ш.	Ю ¹⁷	— №6 таб.
2.	690	1291	— „ —	— „ —	— №3 таб.
3.	694	1294	— „ —	— „ —	— №5 таб.
4.	699	1299	— „ —	X.M. ¹⁸	— №5 таб.
5.	700	1300	Саурыш ав.	M.-ЭВ. ¹⁹	— №2-б.42
6.	705	1305	Болгар ш.	Ю.	— №39 таб.

7.	706	1307	Ташбилге ав.	Х.1 ²⁰	—	№2 таб.
8.	709	1309	Болгар ш.	Х.1	—	№3 таб.
9.	710	1310	Саурьш ав.	М.-ЭВ.	—	№2 -6.43
10.	714	1314	Кизләү ав.	Х.2	—	№24 таб.
11.	715	1315	Ташбилге ав.	Х.2	—	№25 таб.
12.	716	1316	?	Ю.	—	№14 таб.
13.	716	1316	Архангельское ав.	Ю.	—	№13 таб.
14.	717	1317	Ямбақты ав.	Х.2.	—	№26 таб.
15.	717	1317	Барское Енарускино ав.	Х.1.	—	№5 таб.
16.	717	1317	Ильдеряково ав.	Б ²¹	—	№4 таб.
17.	718	1318	Иске Баллыкүл ав.	Х.2.	—	№27 таб.
18.	718	1318	Иске Роман ав.	Х.1.	—	№6 таб.
19.	718	1318	Иске Ибрай ав.	Б.	—	№3 таб.
20.	720	1320	Иске Роман ав.	Х.1.	—	№7 таб.
21.	720	1320	Балынгүз (Бүләр)	Х.М.	—	№2 таб.
22.	720	1320	Болгар ш.	Х.2.	—	№28 таб.
23.	722	1322	Болгар ш.	Ю.	—	№17 таб.
24.	723	1323	Иске Роман ав.	Х.1.	—	№8 таб.
25.	724	1324	Урта Чаллы ав.	Х.2.	—	№29 таб.
26.	725	1324	Иске Роман ав.	Х.2.	—	№30 таб.
27.	724	1324	Ямбақты ав.	Х.1.	—	№10 таб.
28.	724	1324	Коры Көрнәле ав.	Х.1.	—	№11 таб.
29.	726	1325	— „ —	Х.1.	—	№12 таб.
30.	726	1325	Иске Баллыкүл ав.	Х.2.	—	№32 таб.
31.	726	1325	— „ —	Х.2.	—	№33 таб.
32.	727	1326	Болгар ш.	М.-ЭВ.	—	№2. -6.46-47.
33.	728	1327	Болгар ш.	М.-ЭВ.	—	№2. -6.48.
34.	730	1329	Болгар ш.	Х.1.	—	№13 таб.
35.	731	1330	Чистай ш.	Х.2.	—	№34 таб.
36.	733	1333	Иске Роман ав.	Х.1.	—	№15 таб.
37.	734	1333	Чув.Ялтаны ав.	Х.2.	—	№35 таб.
38.	736	1335	Чистай ш.	Х.1.	—	№17 таб.
39.	736	1335	Яңа Чишмә ав.	Б.	—	№2 таб.
40.	740	1341	Әшнәк ав.	Х.1.	—	№18 таб.
41.	747	1346	Яңа Чуваш Адәме ав.	Х.1.	—	№20 таб.
42.	748	1347	Ильдеряково ав.	Б.	—	№6 таб.
43.	748	1347	Яңа Дума ав.	Б.	—	№12 таб.
44.	749	1348	Татар Талкышы ав.	Х.	—	№21 таб.
45.	750	1349	Саурьш ав.	Х.2.	—	№36 таб.
46.	750	1349	Тубылгытау ав.	Х.2.	—	№37 таб.
47.	752	1351	Карматбаш ав.	Б.	—	№15 таб.
48.	758	1356	Иске Ибрай ав.	Х.2.	—	№38 таб.
49.	759	1356	Ильдеряково ав.	Б.	—	№5 таб.
50.	760	1358	Арбузов Баран ав.	Х.1.	—	№25 таб.
51.	7..	13..	Болгар ш.	Х.1.	—	№28 таб.

Куелган вакыты язылмаган ташлар.

52.			Татар Шәпкәсе ав.	Х.1.	—	№30 таб.
53.			Болгар ш.	Х.1.	—	№31 таб.

54.			Коры Көрнәле ав.	Х.1.	—	№32 таб.
55.			Иске Роман ав.	Х.1.	—	№33 таб.
56.			Татар Калмаюры ав	Х.1.	—	№34 таб.
57.			Иске Роман ав.	Х.1.	—	№35 таб.
58.			— „ —	Х.1.	—	№36 таб.
59.			— „ —	Х.1.	—	№37 таб.
60.			Исләй ав.	Х.1.	—	№38 таб.
61.			Иске Роман ав.	Х.1.	—	№41 таб.
62.			Исләй ав.	Х.1.	—	№43 таб.
63.			Иске Рәжәп ав.	Х.2.	—	№39 таб.
64.			— „ —	Х.2.	—	№40 таб.
65.			Чуваш Ялтаны ав.	Х.2.	—	№41 таб.
66.			Иске Баллыкүл ав.	Х.2.	—	№42 таб.
67.			Саурыш ав.	Х.2.	—	№43 таб.
68.			Чистай ш.	Х.2.	—	№44 таб.
69.			Иске Баллыкүл ав.	Х.2.	—	№45 таб.
70.			Болгар ш.	Ю.	—	№7 таб.
71.			Красный Ключ ав.	Ю.	—	№9 таб.
72.			Болгар ш.	Ю.	—	№40 таб.
73.			— „ —	Ю.	—	№42 таб.
74.			— „ —	Ю.	—	№43 таб.
75.			Батраки ш.	Ю.	—	№50 таб.
76.	7...	13...	Ильдеряково ав.	Б.	—	№8 таб.
77.	7...	13...	Яңа Дума ав.	Б.	—	№10 таб.
78.			— „ —	Б.	—	№11 таб.
79.			— „ —	Б.	—	№9 таб.
80.	7...	13...	Саурыш ав.	Б.	—	№14 таб.
81.			Балынгуз (Бүләр)	Х.М.	—	№1 таб.
82.			Болгар ш.	Х.М.	—	№3 таб.
83.			Матвеевка ав.	М. ЭВ.	—	№1 ²² -6.40.

Таблицалардан күренгәнчә, болгар телендәге ташларның иң иске 1288 елдан сакланып, 1358 елда юкка чыга. Язылу тарихлары сакланган ташларның саны 49 берәмлеккә житә. Тагын да 33 ташның даталары бөтенләй юк, шул исәптән XIV гасырның беренче яртысына караганның елы язылган урыннары ватылган очраklar бар.

Идел буенда 1340-1345 елларда булып үткән чума авыруы вакытында даталы ташлар юк. Текстларында ел күрсәтелмәгән ташлар нәкъ шул дәвергә карыйлар булса кирәк. Аларда үлү вакыты күрсәтелмәүнең сәбәбе шушы үләр белән бәйле бер кара ышану аркасында килеп чыккан дип уйларга нигез бар.

Ташларның таралышы һәм куелыш динамикасы Алтын Урда дәверендә Болгар олысының шактый бай тормыш белән яшәгәнлеген күрсәтә.

Шунысы игътибарга лаек — Кама аръягындагы иң беренче ташлар гарәп телендә дә язылып куела башлаган. Аны түбәндәге таблицадан күрәп була (Даталары язылган ташлар саны):

Ел	Болгар телендә	Болгар-татар телендә	Татар телендә	Гарәп телендә
1283	1			1
1388	1			

1291	1			1
1294	1			
1299	1		1	1
1300	1			1
1305	1			
1307	1			
1308	1	1		
1309	1			
1310	1			
1311		1	1	
1314	1		1	
1315	1			
1316	2			
1317	3		1	
1318	3			
1320	3			
1322	1			
1323			1	
1324	4			
1325	3			
1326	1			
1327	1			
1328	1			
1329	1			
1330	1	0		
1333	2	3		
1335	2			
1337			1	
1341	1	1	1	
1342		1		
1345		1		
1346	1	1		
1347	2			
1348	1			
1349	2	1		
1350		1		
1351	1	1		
1353				
1356	2			
1357		2		
1358	1			

Китерелгән таблицадан күренгәнчә, Кама арьягында гарәп һәм болгар телләрендә язылган эпитафик язмалар XIII гасырда бер үк чамада булган.

XIV гасырның башыннан 1330 елларга кадәр болгар телендәге ташлар сан ягыннан күпчелекне тәшкил итәләр. Болгарча — 44, татарча — 5, болгар-татар телендә катнаштырып язылган 2 таш билгеле, 1330 елдан соң татар телендә язылган ташларның саны сизелерлек арта: болгарча — 24, татарча — 10, гарәпчә — 2 дип билгеләнде.

Бу фактлар Идел буенда мөселман болгарларда татарлашу процессының XIII гасырда ук башланган һәм 1360 елларда төгәлләнгән сөйләләр. Югыйсә, урыс ельязмалары Болгар һәм Жүкәтау шәһәрләренең этник ягын күрсәтеп: “татарлар” һәм “бисермәннәр” дип атамастар иде.²³

Болгарларның татарлаша башлавына Болгар шәһәренең 1243-1250 еллар арасында Алтын Урда дәүләтенең башкаласы булып торыуы да этәргеч була. Болгарда рәсми дәүләт аппараты урнашып, татар теле дәүләт теле булып китә. Урта Азия якларынан килгән төрки телле татар чиновниклары, сәүдәгәрләре Болгар, Жүкәтау, Бүләр шәһәрләрендә утырып та калганнар һәм шушы өч шәһәр татарлашу үзәкләре булып торалар. Аларда, кайберәүләр уйлаганча, монгол телле, будда диненә табынган монголлар түгел, ә мөселман динендәге, төрки телдә сөйләшүче татарлар утырып кала.

Татарлаша бару процессын 1281-1358 еллар арасында язылып куелган болгар телендәге эпитафия текстларынан ук күреп була. Иң беренче чиратта, бу процесс мәжүси кеше исемнәрендә күренә. Андый исемнәр һәр халыкның үз тел материалларынан ясалган була. Билгеле, татар теле материалында ясалган кеше исемнәре бүгенге мари, удмурт, чувашларга күптән кереп, аларда XX гасырның беренче чирегенә кадәр актив кулланылышта булганнар. Бу хәл болгарлар белән дә шулай булган. Гәрчә болгарлар күптән мөселман булсалар да һәм күпчелеге болгар теленә эчке законнарына байсындырылып, деформацияләнган гарәп-фарсы исемнәре йөртсәләр дә, аларга татарлар тәэсире белән татар-төрки исемнәре дә керә барган. Мәсәлән, Ф,Хәки-мжанов китапларында бирелгән исемнәр күрсәткече дә моңа материал бирә:

“Язык эпитафий волжских болгар”
китабыннан

Айбикә — әгәр болгар телендә булса, ул исемнең нигезе Айых яки уйых булып иде. Исемнең икенче өлеше дә болгар социаль термины түгел.

Айу — төрки-татар исеме, чувашча аюны “упа” дип атылар.

Алып хужа — чувашча Улап.

Алыптай — Чыгытай, Каратай, Чемтай кебек татар исемнәре мәгълүм.

Алп		Ураз
Алтын Берте	- чув.Ылтән	Куванчы
Алтын бу	- чув.Ылтән	Котлуг бәк
Алкыз	- чув.Йәм хәрлө хәр	Сокман
Амат хужа		Табаж
Ар хужа		Татар Бәлтүк
Аслан		Тәмир
Байыш	- чув.Пуян +.,Пурлахла...	
Байкара	- чув. Пуян+хура	Орым Алып
Бәктемир	- чув.Пик+тимёр	Чөләби
Бәлтүлөк		Жалавыр
Салар		h.б.
Бөжәк		(Бу исемлектәге дистәләрчә бүтән татар-мөселман исемнәрен китереп тормадык)
Бураш бәк		
Ибраш		
Йуллмыш	- чув. Ҙул+?	
Мамык		
Мәмәт		

Эпитафия текстларында антропонимнар янында кулланылып килгән социал терминнарның болгар теленә Алтын Урдада татар теленнән ныклап һәм күпләп керүләре хакында сөйләләр. Кызык ки, социаль терминнар исемнең алдында да, артында да килә ала һәм кайбер очракта татар социаль термины болгар теле спецификасына да буйсындырыла. Мисаллар.²⁴

1) бик//бәк

Бураш бик, Булемшак бик, Гомәр бик, Муса бик, Хәсән бик һ.б.;

2) би//бий

Сөләйман би;

3) мәлик

Шаһем мәлик, Әр(ир) хужа мәлик, Сәфәр мәлик;

4) Белем, битик

Битек тау — Зеленодол р-ны топонимы,;

гыйлем, чәләби — чув вөрәннә

Әләмир белем, Вәвәкер (Әбүбәкер?) чәләби, Исмагыйль гыйлем;

5) инал (князь) (чувашча аңа тәңгәл сүз юк.)

Мир Ибраһим инал.;

6) Шәйех (чувашча аңа тәңгәл сүз юк.)

Мөхәммәд шәйех әл-Кардари; Шәйех зийарәти.;

7) Сакый (чувашча аңа тәңгәл сүз юк.)

Биккә сакый.;

8) әлчи, әлти (татар этнонимы — алчи)

Сәнәж әлти, Фатыйма әлчи,

Әфәк әлти, Сабир әлчи,

Жәкәр әлти, Хажи әлчи;

9) хатун (хатын) — чув. арәм, хәрарәм

Сәрә хатун;

10) Хужа (феодал) — чув. Хуҗа (хозяин)

Алып хужа, Хужа Әхмәт,

Гали хужа, Хужа Бәйрәм,

Әбүбәкер хужа,

Әмәт хужа,

Әтрәж хужа,

11) Хажи (паломник)

Гали хажи бик әл-Болгари,

Әхмәт хажи,

Хажи Хөсәйен бик;

12) Тамгачы (таможник) — чув. тәмха —паллә.....

Тамгачы Ибраһим

13) Алтынчы (ювелир) — чув. ювелир

Алтынчы Шәһидулла;

14) Казый (судья) — чув. судья

Карсак казый, Маҗар казый.

Китерелгән социаль терминнарның күпчелеге бөтен Алтын Урда тарлары жәмгыяте өчен мәгълүм һәм бүгенге татар әдәби теленең актив лексикасын тәшкил итәләр; чуваш телендә алар юк.

Тәхәллүсләр

Таш текстларында очрый торган тәхәллүсләр Болгар олысы халкының киң икътисадый бәйләнешләрен күрсәтәләр. Аларның бер өлеше инде 1243 елга кадәр (XI гасырдан) мәгълүм була. Мәсәлән, текстларда очрый торган Йувар атамасын без башка галимнәр кебек “дружинник” дип хисапламыйча, Төньяк Уралга, Юра//Югра жирләренә йөрүче болгар сәүдәгәрләренең тәхәллүсе дип хисаплайбыз. Безнең бу хакта мәкаләбез матбугатка чыккан иде.²⁵

Эпитафия телендәге тәхәллүсләрне географик пунктларга карап Урта Азия, Кавказ, Алтын Урда, Болгар олысы атамалары белән бәйләргә нигез бар. Бу атама — тәхәллүсләрдә XIII-XIV гасыр татар әдәби теленең лексик байлыгын тәшкил итеп, болгар теленең татарлаша бару күрсәткечләре булып торалар.

1) Болгар олысы белән бәйле тәхәллүсләр:

- а) Болгар: Йуныс әл—Болгари, Болгари Муса, Мансур әл-Болгари, Болгари Салар, Хөсәйен Болгари;
- б) Йөри // Йори // Йувари: Ир-Әхмәт Йувари, Йувари Давыт, Йувари Көч, Йувари Әхмәт, Гали Йувари, Исмәгыйль Йувари, Хәсән Йувари, Хөсәйен Йувари, Ягкуб Әйүб Йувари, Әбүбәкер Йувари, Әтрәж Йувари;
- в) Бүләр: Мөн Бүләр Балым Ир-Әхмәт Йувари
- г) Сивар (Сувар): Сивар Йалый хужа, Ибраһим әс-Сивари, тамгачы Ибраһим әс-Сивари, Сивари Әзнәб.
- д) Көйек: Муса Көйек.
- е) Орым: Орым Алып, Орым Мөхәммәд.
- ж) Татар: Татар Бәлтүк.
- з) Тимерчи: Тимерчи Мәмли.
- и) Төрөкмән: Төрөкмән Мөхәммәд.
- к) Тухчы: Тухчы Исмәгыйль.
- л) Тәмти: Хаҗи Тәмти.
- м) Ырыс: Ырыс Сираҗи.
- н) Мукшы: Мукшы Бизан әл-Болгари.

2) Урта Азия белән бәйле тәхәллүсләр:

- а) Сәмәрканд шәһәре: Хәсән Сәмәрканди,
- б) Фирганә өлкәсе: Жафар ага әл-Фирганәҗи,
- в) Жәнд шәһәре: Мөхәммәд әл-Жәнди,
- г) Хорәсән өлкәсе: Мөбәрәкшаһ Курсани,
- д) Кәрдар шәһәре— Мөзхәммәд шәйех әл-Кәрдари.

3) Кавказ белән бәйле тәхәллүсләр:

- а) Шәмахә шәһәре: Ырыс әш-Шәмахи,
- б) Ширван шәһәре: Садретдин әш-Ширвани.

Текстлардагы башка лингвистик үзенчәлекләр.

XIII-XIV гасырлардан калган Урта Идел буендагы кабер ташларындагы текстларның теле лингвистик яссылыктан беренче мәртәбә системалы рәвештә Ф.Хәкимжанов тарафыннан тикшерелде. Без аның материалларын ышанычлы санап, беренче чиратта аның чыганаclarына таянабыз. Ул, текстларның

фонетик, морфологик һәм лексик үзенчәлекләрен ныклап тикшереп матбу-гатка чыгарса да, без үзезнең анализ процессында аларны беркадәр кабат-лап, башкача фикерләребезне ныгытуда файдаланырбыз.

а) Текстларның графофонетик үзенчәлекләре хақында.

Алда әйткәнебезчә, XIII-XIV гасырларда болгар телендә язылган текстлар болгарларның инде XIII гасырда ук татарлаша баруларын күрсәтәләр. Галимнәр болгар теленең чуваш теленә якынлыгын күптән таныганлыктан, без бу эш процессында соңгысының материалларын жәлеп иттек.

Болгар теленң татарлаша баруы күрсәткече булып аның, чуваш теленнән аермалы буларак, яңгырау тартыкларга ия булуын һәм сузык авазлар башка-лыгын күрсәтергә кирәк.

№	Болгарча	Татарча	Чувашча
Сузыклардагы аермалар			
1.	алты	алты	ултă
2.	айых	айы	уйăхенче
3.	авли	улы	ывăл
4.	алтмыш	алтмыш	утмăл һ.б.

Китерелгән мисаллар болгар теленең чуваш теленә кардәшлеге барлыгын күрсәтә, аның татар теле тәэсирен кичергәнлеген раслый.

5.	белим	биш	пиллĕк
6.	билем	белем	пĕлни
7.	бир	бер	пĕр
8.	болтуй	булды	пулнă
9.	жийати	жиде	çичĕ
10.	жүр	йөз (жөз)	çер
11.	тохур	тугыз	тăххăр
12.	шуw	су (суw)	шыw һ.б.

Морфология өлкәсендәге якынлык һәм аермалар

№	Болгарча	Татарча	Чувашча
1.	дөңйаран	дөньядан	тĕнчеран
2.	шывнә	суына	шывна
3.	хири	кызы	хĕрĕ
4.	зираты	зираты	масарĕ
5.	болтый	булды	пулнă
6.	голамасамна	голамәләрне	вĕреннĕ çынсемна
7.	масжедсамнә	мәсҗедләрне	мечĕтсемна
8.	галимларга	галимләргә	?
9.	масжедлар	мәсҗедләр	мечĕтсем
10.	тохурваным	туксанынчы	тăхăрвуннăмĕш
11.	тондый	түнде	куçсĕ, куçре
12.	дөңйадан	дөньядан	тĕнчеран

Морфологик яктан караганда, текстларда чуваш теле өчен специфик бул-ган — ран морфемасы бик еш, һәм — сам (ягъни күплек форманты — лар)

үтә сирәк очрыйлар. Болгар теленең бу морфемалары аның чуваш теленә кардәшлеген күрсәтәләр. Мисаллар бу өлкәдә татар теленең болгар теленә генә түгел, чуваш теленә дә көчле тәэсире хакында сөйли. Ләкин бу өлкәдә болгар морфемаларының тотрыктырак саклануына ыгътибар итәргә кирәк. Бу аеруча XIV гасырның беренче чирегендә күзәтелә.

Болгар телендәге эпитафияләрне тикшерүче Ф.С.Хәкимжанов андагы “болтуй” сүзенә язлышында төрле орфографик аермалар күреп, бу очракта аны диалектлар чагылышы дип нәтижә чыгара.²⁶ Без исә бу күренешне болгар теленең югала бару, аның орфографик нормалары буталу белән бәйләп карыйбыз. Шунның белән берлектә болгар телендәге язу традицияләре бик йомшак булып, аның язу теле традициясе булмаганлыгы да ышандыра.

1.	بَلطوی	bolṭı	булды
2.	بَلطوی	bolṭı	булды
3.	بُلطوی	bolṭı	булды
4.	بلطی	bolṭı	булды
5.	بَلطِي	bolṭu	булды
6.	بالطو	bolṭu	булды
7.	بلدی	bolṭı	булды
8.	بولدی	boldı	булды

Хәзер инде болгар һәм болгар-татар катнаш телләрдә язылган үрнәкләрне карап үтик.

1) “Һижрәтран алты жүз тохурваным жал” — Болгар шәһәрәндә 1291 елның августында куелган текст (Юсупов“ 3 таб).

2) “Галимләргә тәрбийәт кыйлган, заһидларга сүгән мәсҗедләрне гыймарәт кыйлган, үкүш һәйератлыг Мажар казый углы Исмәгыйль зийарәти бу”

“вафат болтый тарих жийати жүр ван бир жал, рәжәб айых жирем әкиш күән әт”. — Чистай шәһәре зираты, 1311 елгы таш (Хәкимжанов, 2 — 94-95 бб).

3) “Рабигыл-әүвәл айых (а)хырында (ва)фат болтый” — Нижнекамск р-ны, Урта Чаллы авылы янында, 1323 ел (Хәкимжанов, 2-146-147 бб).

4) “...изге рахим Аллаһ тиләр — вол хилер, кем керсә вохыр Фатыйха сурәси вал”. Бу соңгы мисалны без “...изге рәхим Аллаһ теләр, ул килер, кем керсә укыр фатиха сурәси ул” — дип аңлыйбыз (Х.2. -б.128-129). Мисалларда татар, чуваш сүзләре катнашып беткән. Моңы диалектизм дип бәяләп булмый инде.

Эпитафия текстларында анлаут хәрәф буларак очрый торган “و” хәрәфенең укылышы хакында үзбездә фикерне әйтеп үтү кирәк.

Эпитафия текстларындагы язлышлар үрнәкләренә мөрәжәгать итик. Мәсәлән:

1) جِيَاتِ جَوْر جِيَارِمُ وَجْمِ جِل

Ф.Хәкимжанов аны:

žeti žög žǝrme üčüm žil

дип укый (Х.1.-8);

- 2) **ايخون سكر كوان**
ajxī on säker kön (X.1.-11);
- 3) **تاریخ جيات جور ووطر جال**
tarixa žeti žür wä oṭur ža^ol (X.1.-13);
- 4) **تاریخ جيات جور ووطر جال** - tarixa žeti
žür wä oṭur ža^ol (X.1.-14);
- 5) **تاریخ جيت جور وون جال** - tarix
žite žür on ža^ol (X.1.-4);
- 6) **تاریخ جياج جرو ووطر وجم جال** - tarix
žeçi žeri wä oṭur očem ža^ol..eti (X.1.-15);
- 7) **جرم وجم كون** (X.1.-15)
žerme očem kün;
- 8) **وفات** - wäfät (X.1.-15), **وفات** - wafat (X.1.-22);
- 9) **ورم ألب** - Urum Alp (X.1.-3).

Мисалларны чагыштырсаң, **ون**, **وجم**, **ووטר** ягъни ун, өченче, утыз саннарының һәм “вафат”, “Урум” сүзләренең болгар телендәге язылышларын укуда каршылык күзгә ташлана. Аларга беркадәр анализ ясап карыйк.

Болгар телендәге катлаулы саннар язылышын укыганда, “вә” теркәгеченең бер сан янында гына килүе, башка саннар янында кулланылмавы **وووتر** сүзен wä oṭur дип түгел, бәлки wotur, ягъни чуваш телендәге ватар (ягъни утыз) рәвешендә укырга кирәклеген күрсәтә.

Шулай ук **وفات** - вафат (wafat) һәм **ون** (on) **وجم** (očem) сүзләренең укылышында принципсызлык күзәтелә. бу сүзләр вутыр, вафат, ван, вачем рәвешендә укылырга тиеш була. Алдагы ватар сүзе укылышы белән боларның укылышы бер система тәшкил итәләр. Югыйсә, “вә отур” рәвешендә укысак, **وجم** сүзен дә “вә жем” рәвешендә укырга тиеш булабыз.

Шулай ук “**او**” һәм “**وا**” графофонемаларын укуда да принципсызлык күзәтелә.

Мәсәлән **او مړ اول** - Ümār oulī (X.1.-15).

أوراز اول - Ouraz oulī (X.1.-3) — мисалларында бер ук графема ике төрле укыла “Үмәр оулы” икенчесе Оураз оулы”, **مقرض اوغلى** - Mažar qađi ođi (X.2.-3), **وان بر** - onbir (X.2-3) **قراقوجدا** qırq ücdä (X.2-10) **جيات جور وان بر** - žeti žür onbir (X.2-3). Китерелгән мисалда “жиде йөз унбер” саны бар. Андагы “Onbir” санының укылышы башка мисаллар белән принципка туры килми.

Димәк ки, мисаллардан күренгәнчә “**او**” графофонемасы сүз башында o/ /y//ə//y авазларын белдерү өчен кулланыла. Сүз башында “**و**” хәрефе “в(ə)” фонемасын аңлата: вафат, вотыр, ван һ.б.

Й О М Г А К

I. Болгар олысы эпиграфикасы географик таралыш ягыннан тарихи өч зонага бүленеп, аның иң игътибарга лаеги Кама аръягындагы эпитафик текстлар дип саныйбыз.

II. Текстлар болгар, татар, гарәп һәм болгар-татар катнаш телләрендә язылганнар.

III. Текстлардагы гарәпчә “و” графофонемасы сүз башында булганда традицион укылыш тәртибенә буйсына, бу аеруча аның кабер ташлар текстында очрый торган *وواطر*, ягъни вотыр -отыз/утыз сүзенәң язылышында күзәтелә. Шунлыктан *وفات* *وجم* *وَلت*, *وَن*, *وان* кебек сүзләрнең язылышын вачем, валәт ван, ван, вафат (*Wacem, wan, wan, wafat*) рәвешендә укырга туры килә. Укылышта беркадәр чуваш теле нормалары чагыла һәм әлеге укылыш система буларак дәрәслеккә туры килә. Бу исемлеккә чувашчага якин булган һир, айых, тохур, тохурван һ.б. сүзләр дә кереп, бердәм система тәшкил итәләр.

IV. Болгар телендә һәм катнаш болгар-татар телләрендә язылган ташларның телендә XIII гасырдан ук фонетик яктан сузык авазлар *l* = а, ә; *o* = о, у катнашында башланган сүзләр татар теленә күчешне белдерәләр. Тартыклардан *ج* = ж, *ب* = б кулланы шулай ук татар теле үзгәлекләренә туры килә. Анлаут графофонема итеп *و* = в (*w*) кулланы чуваш теле өчен хас сыйфат.

V. Морфемаларда -меш, -сам, -ран, -ем кебек чуваш теленә хас кушымчалар кулланы, аның болгар теленә кардәше икәнлеген күрсәтә. Ләкин инде татар күплек форманты -лар, болгар теленә -сам(сем) формантын кысып чыгара язган. Тәртип саннары язылышындагы аерымлыктар XIII-XIV гасыр болгар теленә борынгы баба теленнән күптән аерылганын һәм татар теле йогынтысында яшәгәнлеген күрсәтәләр.

VI. Лексик яктан татарлаша бару процессы антропонимнар, титуллар, гыйлем-китап терминнары, тәхәллүсләр, топонимнар мисалында чагыла. Туганлык терминнарында һәм саннарда чуваш теле лексикасы белән охшашлык күзәтелә: — һир -хир(кыз), әчкә — ата, ван — ун, айых — ай, вал — ул, ваглы — углы, вутыр — утыз, жүр — жүр(йөз), вәчем — өченче, билеж — пиллек — бишенче.

VII. XIV гасыр башында ук татар һәм болгар телләре катыштырып язылган текстлар күзгә ташлана. Катнаш телләрдә язылган ташлар хәзерге Кама аръягында тарала башлаган (Болгар олысында).

XIII. Саф татар телендәге ташлар XIII гасырда ук күренеп, 1330еллардан соң сан ягыннан арта башлыйлар. Әгәр 1333 елга кадәр татар телендә язылган 8 таш мәгълүм булса, 1340-1360 еллар арасында 13 таш тексты мәгълүм. 1360 елдан соң фәкать татар телендә язылган ташлар гына мәгълүм.

Татар теле бу елларда бер болгар теленә генә түгел, XIV гасырда Болгар шәһәрләрендә яшәгән әрмәннәргә дә тәэсир иткән. Болгар шәһәрләрендә сакланган әрмән каберташ язмаларындагы антропонимнарда, титулларда татарлык, мөселманлык галәмәтләре күзгә ташлана. Мәсәлән. “Сары хатун”,

“Аваг” — (в году) 770 (1321 ел),

“Аваг” — 748/1335 ел,

“Ягуб” — 570/1121ел(?),

“Өвсен” — 767/1318 ел,

“Турчан-Мелик” — 767/1318 ел һ.б.²⁷

IX. Язулы мөселман кабер ташлары кую гадәте Көнчыгыш Европада фәкать Алтын Орда дәверендә генә башлана. Бу гадәт борынгы төрки каганатлар дәверендә күренә башлап, XII-XIII гасырларда Караханилар

дәүләте жирләрендә күтәрелә. Шушы гадәтне Батый хан гаскәрен тәшкил иткән Карахани, Киймәк каганлыгы, Хәрәзем дәүләте мөселман-татарлары Көнчыгыш Европага да алып киләләр. Кабер ташларының үрнәкләре Кавказ, Кырым, Түбән Идел һ.б. урыннарда булулары хакында хәбәрләр бар.²⁸ Фәнни матбугатта мөселман каберләре өстенә язылып куелган таш язмаларның әүвәлге Караханилар дәүләте жирләрен тәшкил иткән хәзерге Кыргызстан, Көнчыгыш Төркестан, Казагыстан һәм Үзбәкстан дәүләтләренең көньяк өлкәләрендә табылып, өйрәнелүгә багышланган хезмәтләре күренә.²⁹ Куфи язуы белән гарәп телендә язылган, төркиләргә нисбәтле кабер ташлары X гасырның икенче яртысында (мәсәлән, 348 ел һижри, руми 959/960) Караханилар жире булган Бохара, Сәмәрканд төбәкләрендә сакланганлыгы хакында хәбәрләр бар.³⁰ Караханиларның акча сугу традициясе үскән булган³¹ һ.б. Көнчыгыш Европага 1236 елда килгән Бату хан гаскәренең төп өлешен тәшкил иткән Караханилар, Кимәк каганлыгы, Хәрәзем дәүләтләре халкының варислары, 1243 елда Алтын Урда дәүләтен төзүгә керешеп, үзләренең мәдәниятләрен яңа урында үстерүне давам итәләр.

XIII гасырда Урта Иделдә куелган куфи хәрәфләре белән гарәп телендә язылган ташлар, барлык материалның яртысын тәшкил итәләр. Бер үк вакытта татар һәм болгар телендә язылган текстлар барлыкка килгәннәр.

Болгар телендәге текстлардагы орфография чуарлыгы һәм аларның тарташу тенденциясе беренчесенең эшләнгән язу традициясе булмаганлыгын, ягъни язуга яңа жайлаштырылуын күрсәтә. Димәк, болгар теле язуы кагыйдәләре XIII гасыр ахырында да, аннан соң да житәрлек эшләнмәгән хәлдә калган. Болгар дәүләтендә X гасыр башыннан язу теле булып фәкать гарәп теле хөкем сөрәп килгән булган, Алтын Урда дәүләте төзелгәч, анда ерак язу традициясенә ия булган әдәби татар теле рәсми тел булып таныла, шул ук вакытта болгар теленә дә язуга беркетелергә мөмкинлек туа.

X. XIII-XIV гасыр болгар теле, һичшиксез, бүгенге чуваш теленә кардәш тел. Ләкин болгар теле борынгы чуваш теленнән XIII гасыр башыннан да соң аерылмаган. Әлеге тел татар теле тәэсирендә үзенчәлекләрен тәмам югалтып, аның белән кушылып китә.

Борынгы чуваш теле исә бер яктан борынгы мари теле белән бәрелешкә килеп керә, икенче яктан аңа да татар теленең даими йогынтысы үсә барган. Чуваш теле XVII-XIX гасырларда татарлаша бару чорына керә.

XI. XII-XIV гасырларда Болгар олысына татар этносының даими үтүе болгарларның тел ягыннан татарлашуына китерә. Мөселман-болгарларның бүгенге чуваш халкына кардәшлек билгесе булган телләре юкка чыккан. Мәжүси болгарлар исә чуваш халкының төп бабалары булып калганнар. Ихтимал, аларның икесенең дә мәжүси бабалары культурасы бер булгандыр. Ләкин ислам диненә күчү һәр ике халыкның да тарихи-этник үсешенә аерылуына китереп, алар торган саен бер-берсеннән башка этник төркемнәр керә барып, кан кардәшлегеннән, рухи бердәмлектән ераклашканнар. Ахырда, мөселман болгарлар татар халкы составында ассимиляцияләнеп, этник берлек булып яшәүдән туктыйлар. Мәжүси болгарлар исә марилар белән катнашып угро-фин мәдәниятына тагын да ныграк якынаялар. Татарлашкан болгарлар турында истәлек әле XVII гасырда сакланганга ошый. Урыс писцовая

кнәгәләрендәге татар авылларын “чуваш” дип атау шуның соңгы билгеләре булуга дәлил.

Искәрмәләр:

¹ Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. — М.-Л., Изд-во АН СССР, 1960. — Б. 8.

² Юсупов Г.В. Введение... -Б. 9.

³ Талат Текин. Волго Булгар китабелери вә Волга булгарчасы. — Әнкара, 1988. — Б. 212.

⁴ Юсупов Г.В. Введение... — Б. 59.

⁵ Шунда ук. — Б. 54.

⁶ Шунда ук. — Б. 69.

⁷ Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. — М.: Изд-во “Наука”, 1978. — 205 б.

⁸ Шунда ук. — Б. 99.

⁹ Шунда ук. — Б. 99.

¹⁰ Шунда ук. — Б. 99.

¹¹ Шунда ук. — Б. 98.

¹² Малов С.Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники // Эпиграфика Востока I. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — Б. 38-45; Эпиграфика Востока II. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — Б. 41-48; Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. — М.Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 322 б.; Булатов А.Б. Эпиграфические памятники Закамья XIV века // НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. Ученые записки. Выпуск XXXVI. — Чебоксары, 1967. — Б.198-215; Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. — М.: “Наука”, 1978. — 205 б. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. — М.: “Наука”, 1987. — 191 б.; Hakimzjanov F.S. (Kazan). New Wolga Bulgariay inscriptions // Acta Orientalia Hung. Tomus (I). — 1986. — 173-177 pp. Khalicow A.H. and Muhametshin Y.J. (Kazan). Unpublished Volga Bulgarian inscriptions // Asta Orient. Hund Tomus XXXI. Fasc. I, 1977. — 107-125 pp.; Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. — Казань: ТКИ, 1987. — 125 б.

¹³ Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. — Б. 60.

¹⁴ Әхмәтҗанов М. Казан ханнары тарихыннан // Идел. — 1944. — №11. — Б.64-65.

¹⁵ Х.2. — кыскартмасы: Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. — М.: “Наука”, 1987.

¹⁶ Х.3. — кыскартма: Hakimzjanov F.S. Ntw Vjlga... // Acta Orientalia... Hunq. — 1986. — №1. — б.173-177.

¹⁷ Ю. — кыскартма: Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. — М.-Л., 1960.

¹⁸ Х.М. — кыскартма: А.Х.Халиков һәм Ж.Мөхәмәтшиннарның инглиз телендә “Acta Orientalia Academiae”... Hunq. — 1977. — №1. — б.107-125. журналында басылган мәкаләсе;

¹⁹ М. — ЭВ. — №2. — кыскартма: Малов С.Е. Булгарские и татарские эпиграфические памятники // ЭВ. 1948. — Вып.2.

²⁰ Х.1. — кыскартма: Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар. — М., 1978.

²¹ Б. — кыскартма: Булатов А.Б. Эпиграфические памятники Закамья XIV века // Ученые записки. — Выпуск 36. — Чебоксары, 1967.

²² М.ЭВ. — №1. — кыскартма: Малов С.Е. Булгарские и татарские... // ЭВ., 1947. — Вып. 1.

²³ Источники по истории Татарстана. — Казань, 1993. — Б.8-10.

²⁴ Мисаллар Ф.С. Хәкимжановның “Язык эпитафий волжских булгар”. (М.: Изд-во “Наука”, 1978) дигән китабының 188-191 битләрендәге сүзлекчәдән безнең укылышта алынды.

²⁵ *Ахметзянов М.И.* О двух болгарских словах из эпитафийных надписей // Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности. — Казань, 1990. — Б.113-117.

²⁶ *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских болгар. — М., 1978. — Б.72.

²⁷ *Джанполаян Р.М.* Армянские надписи на Волге // Эпиграфика Востока. XXII — Л.: “Наука”, 1984, — б.73-79.

²⁸ *Крачковская В.А.* Неизвестный альбом по арабской и персидской эпиграфике // Эпиграфика Востока II. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — Б.19-40. *Проф. Бороздин.* Татар мәдәниятын өйрәнүгә яңа материаллар (1925 елның жәендә Иске Кырымда ясалган казулар) // Безнең юл. — 1925. — №9010. — Б.16-20; *Виноградов В.Б.* Тайны минувших времен. — М.: Изд-во “Наука”, 1966. — Б.143-147; *Челеби Эвлия.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып.2. — М., 1979. — Б.140-141 н.б.

²⁹ *Якубовский А.Ю.* Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде // Эпиграфика Востока I. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — Б.27-32; *Дьяков М.М.* Несколько надписей на кайраках из Киргизии // Эпиграфика Востока II. — М.-Л., 1948. — Б.9-15; *Горячева В.Д., Настич В.Н.* Эпиграфические памятники Сафид-Булана XII-XIV вв. // Эпиграфика Востока XXII. — Л.: “Наука”, 1984. — Б.61-72.

³⁰ *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX, IX-XIII вв. — Ашхабад: Изд-во “Бұлым”, 1969. — Б.183.

³¹ *Агаджанов С.Г.* Очерки... — Б.187, (Агаджанов хезмәтендәге чыганаclarлага караганда, Хәрәзем дәүләте жирларендә 1065 елда мөселман татарлар яшәгәнлеге хәбәр ителә. — Кара: 227 бит).

Марсель Ахметзянов О судьбе болгарского языка (по материалам эпиграфики)

Одной из значительных проблем в вопросе этнической истории татарского народа является отношение к наследию волжских болгар.

Среди ученых, занимающихся исследованием письменных памятников, отражающих реликты болгарского языка — эпитафийных надписей XIII-XIV вв., — нет единого мнения по поводу наследников этого языка.

Изучение данных памятников начинается в 1722 г., когда татарские мульты К.Сунчалеев и Ю.Ишбулатов, впервые расшифровав эпитафийные надписи, сняли с них копии¹. Однако ученые долгое время не могли установить, на каком языке они были написаны. Ключ к чтению этих надписей открыл в 1863 г. известный татарский ученый-просветитель Х.Фейзханов². В дальнейшем проблемам их языковой атрибуции посвятили свои исследования Н.И.Ильминский, Н.Ф.Катанов, Н.И.Ашмарин и др., которые старались обосновать болгарское происхождение чувашского народа, опираясь на мусульманские эпиграфические памятники. На рубеже XIX-XX вв. татарские ученые занимались выявлением и регистрацией неизвестных памятников болгарской и татарской эпиграфики (Ш.Марджани, Г.Ахмаров, Р.Фахрутдинов и др.).

Существенный вклад в изучение мусульманских памятников XIII-XIV вв. внесли в 1960-80 гг. татарские исследователи Г.Юсупов³ и Ф.Хакимзянов⁴. Работы последующих эпиграфистов и лингвистов в основном опираются на их полевые исследования.

Г.Юсупов и Ф.Хакимзянов в своих регулярных эпиграфических экспедициях систематически занимались выявлением, чтением и научной атрибуцией надгробных памятников средневековья в районах Татарстана и сопредельных с ним областях. Теперь у ученых накоплена богатая коллекция эпиграфических надписей, начиная с конца XIII в.

В настоящее время в науке существует довольно полное представление о языке мусульманских эпитафий XIII-XIV вв. Среднего Поволжья. Исследователи делят по языку на две группы:

а) памятники, написанные на болгарском языке, число которых составляет 90% от всех надписей того периода;

б) эпитафийные надписи, составленные на татарском и арабском языках. Их удельный вес занимает 10% всего материала.

Итак, тексты относятся к болгарскому, татарскому и арабскому языкам.

Г.Юсупов делит их по языку на староболгарские и новоболгарские. Он считает новоболгарский (татарский) язык, возникшим на основе староболгарского.

Ф.Хакимзянов полагает, что памятники написаны на различных диалектах функционального языка волжских болгар (т.н. мертвого языка), а разговорный язык волжских болгар, как он считает, не отражен в эпитафиях XIII-XIV вв.

Наши наблюдения над материалом этих уважаемых исследователей позволяют несколько иначе расшить языковую атрибуцию эпитафийных надписей. Для решения данной проблемы мы выбрали другой путь анализа текстов.

Ознакомившись с текстами эпитафий, представленными в их трудах, мы разделили их на следующие группы:

1) Памятники, написанные более-менее на однородном по лексике болгарском языке, где отчетливо выступают татаризмы фонетического, морфологического и лексического характера;

2) Памятники, написанные на смешанном болгаро-татарском и арабском языках;

3) Памятники, написанные на татарском языке;

4) Памятники, написанные на чисто арабском языке.

Хронологию существования этих памятников мы ограничили периодом с 1281 по 1361 гг.

Исходя из исторических особенностей распространения эпиграфических памятников, территорию Булгарского улуса Золотой Орды мы разделили на три историко-географических района:

I. Район Закамья, включая сюда же юг Горной стороны ниже г.Тетюши до Самарского изгиба, а на востоке до г.Уфы;

II. Заказанье — район между руслами рек Волги, Камы и Вятки, до Глазова на севере.

III. Горная сторона, т.е. правобережье Волги до г.Тетюши.

Самым интересным историко-географическим районом эпиграфических памятников XIII-XIV вв. выступает Закамье, потом Заказанье и Горная сторона.

По лингвистическим особенностям, мусульманские памятники XIII-XIV вв. делятся на следующие группы:

Язык	Закамье	Горная сторона	Заказанье	Всего
Булгарский	81	14	25	120
Ст.булгаро-татарский	4	1		5
Татарский	21			21
Арабский	11		2	13
	117	15	27	159

Из таблицы видно, что самым сложным районом в языковом отношении является Закамье, тогда как Заказанье и Горная сторона представляются более однородными районами. При этом памятники Горной стороны со смешанным булгаро-татарским языком находятся на окраине (д. Байтиряково) мусульманской цивилизации, где с юга начиналась стихия татарского языка, а предки чуваш находились несколько севернее. В Заказанье памятники на арабском языке принадлежат казанским султанам татарского происхождения Хасану и неизвестному, умершим в 1380 годах (памятник по Г. Юсупову, №2, 49).

Закамье является регионом, материалы которого более отчетливо выражают процесс исчезновения булгарского языка. Основываясь на делении Закамья по следующим историко-административным центрам, памятники по языку расположены в следующем порядке:

Закамье

Языки	Булгар. обл.	Джукетау. обл.	Биляр. обл.	Регион между Иком и Уфой
Булгарский	36	26	20	1
Булгаро-татарский	2	2	-	
Татарский	13	0	1	5
Арабский	4	-	4	1
	55	28	25	6

Итого — 114 эпитафийных текстов

Статистический анализ так называемых “булгарских” текстов на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях показывает ход интенсивного исчезновения булгарского языка, начиная с конца XIII в. Об этом свидетельствуют результаты лингвистических исследований Ф. Хакимянова, однако он делает другие выводы.

Необходимо отметить, что морфологические особенности булгарского языка по сравнению с другими показателями сохранились устойчиво. Здесь видно и родство булгарского языка с современным чувашским. В области лексики — антропонимы, титулы, тахалусы, календарные термины — и в области других культурных терминов булгарский язык уступил уже в конце XIII в. многие свои позиции татарскому.

Откуда же традиции установки надгробных эпитафийских надписей? Этот обычай идет от древних тюрок, через более поздних караханидских татар. Эти татары, пришедшие с войском Батухана, распространяли данный обычай на Волге, Кавказе, Крыму, где и ныне частично сохранились эпитафические памятники.

Примечания:

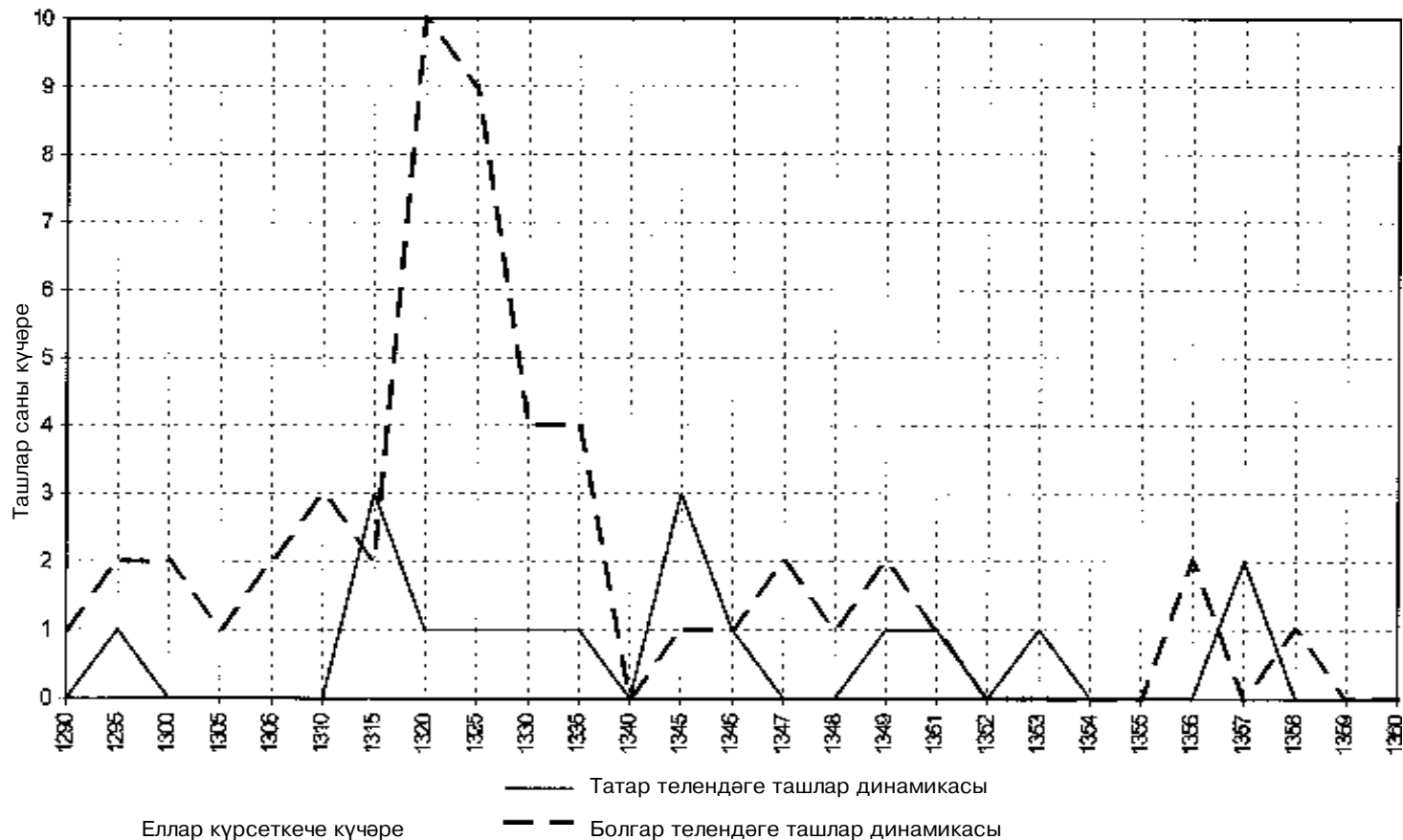
¹ *Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники города Булгар //Эхо веков. — Казань, 1995. — Май. — С.75-82.

² *Юсупов Г.В.* Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — С.9.

³ *Юсупов Г.В.* Введение... — С.322 и след.

⁴ *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских болгар. — М.: Изд-во “Наука”, 1978. — С.205 и след.

Кама арьяндагы болгар һәм татар телләрендәге ташларның үсү-кимү динамикасының график күрсәткече

ХРОНИКА

70-летию Т.А.Хлебниковой

22 мая 1998 г. исполняется семьдесят лет со дня рождения Хлебниковой Тамары Александровны — известного археолога. После окончания средней школы № 68 в г.Казани 1946 г. она поступила на историческое отделение историко-филологического факультета Казанского университета, который окончила в 1952 г.

Во время учебы в университете Т.А.Хлебникова активно участвовала в работе археологического кружка, руководимого известным ученым-археологом и историком Н.Ф.Калининым. У многих кружковцев и у нее кружок пробудил интерес к археологии, научным поискам. В эти годы в Казани был подъем археологических исследований. В 1944 г. был образован Казанский филиал АН СССР, в Институте языка, литературы и истории под руководством Н.Ф.Калинина начали развиваться археологические исследования. Перед археологами г.Казани в 1945 г. была поставлена задача за пять лет составить археологическую карту Татарстана. В эту работу активно включились, кроме Н.Ф.Калинина, А.М.Ефимова, З.А.Акчурина, О.С.Хованская, а также студенты-кружковцы Н.Аксенова, Б.Лебедев, А.Халиков, Т.Хлебникова и другие.

За пятилетку было сделано многое. Но планы оказались не реальными. Во-первых, потому, что исследователи не предполагали того, какое большое количество памятников на территории нашей республики. Во-вторых маловато было квалифицированных специалистов.

В 1950 г. возобновились археологические работы в зоне строительства Куйбышевской ГЭС, начатые в предвоенные годы. Общее руководство ими осуществлял А.П.Смирнов. Одной из активных участниц данных экспедиций была и Т.А.Хлебникова. В эти годы А.П.Смирнов заметил у нее интерес к археологической науке и качества, которые необходимы исследователю, и пригласил ее в аспирантуру. С 1952 по 1955 г. Т.А.Хлебникова училась в аспирантуре при Государственном историческом музее (ГИМ) в г.Москве. Ее научным руководителем был А.П.Смирнов, а тема диссертации связана с основными производствами волжских болгар (черной и цветной металлургией, гончарством и кожевенным делом). После окончания аспирантуры Т.А.-Хлебникова работала научным сотрудником ГИМ, но в 1957 г. вернулась в г.Казань и устроилась на работу в Институт языка, литературы и истории КФАН СССР. В Казани она продолжила исследования по тематике, начатой в г.Москве, но основное внимание сосредоточила на самом массовом материале с памятников Волжской Булгарии — керамике.

В 1962 г. у Т.А.Хлебниковой вышли две большие работы (гончарное производство волжских болгар // МИА, № 111; раздел по характеристике керамики болгарского селища у с.Рождествено в коллективной книге «Археологические памятники у села Рождествено». Казань, 1962). Эти работы свидетельствуют, что появился новый подход в изучении болгарской керамики. Основная его суть состояла в глубокой и полной типологии и классификации. Она дала возможность выйти на новую ступень в характеристике материала. Эти работы исследователями используются поныне. В 1964 г. Т.А.Хлебникова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Основные

производства волжских болгар”. В шестидесятые и семидесятые годы Т.А.Хлебникова активно вела полевые исследования (разведки в плане подготовки археологической карты Татарстана, раскопки Малосундырского городища в республике Марий Эл, Алексеевского и Танкеевского городищ в Татарстане; ею получены новые интересные материалы на Суваре и Джукетау).

Одновременно с полевыми исследованиями Т.А.Хлебникова приступила к подготовке капитальной монографии по характеристике болгарской керамики. Под названием “Керамика памятников Волжской Болгарии: к вопросу об этно-культурном составе населения” она была опубликована в Москве в издательстве “Наука” в 1984 году. По многим признакам, включая форму сосудов, примесь в тесте, орнаментацию, обжиг, характер поверхности и др. исследователю удалось выделить около двадцати групп керамики. Выделенные группы керамики ею увязаны с этносами. В итоге Т.А.Хлебниковой сделаны интересные выводы о сложном процессе формирования волжских болгар. Ныне данная работа является настольной книгой каждого болгароведа.

Основным памятником, который больше всего привлекал внимание Т.А.Хлебниковой, является город Болгар. Систематические исследования на Болгарском городище начаты в 1938 г. под руководством А.П.Смирнова. На городище были открыты объекты, получившие всемирную известность. Т.А.Хлебникова приняла руководство экспедицией в Болгаре после Алексея Петровича. Много сил и энергии она вложила, чтобы пробивать финансирование, сформировать коллектив экспедиции, отстоять систему полевых работ А.П.Смирнова, музеефицировать вскрытые объекты.

В последние годы Тамара Александровна занимается подготовкой и изданием пятитомника очерков истории и культуры города Болгара. В настоящее время опубликованы три тома. В первом томе освещены история археологических исследований на Болгарском городище, особенности стратиграфии культурных напластований, культурной и исторической топографии города. Во втором томе очерков изложены проблемы, связанные с гончарным производством и косторезным делом. Третий том отражает вопросы черной и цветной металлургии, кузнечного и меднолитейного ремесла. Завершается подготовка к изданию четвертого тома, в котором характеризуется строительство, архитектура и благоустройство древнего города. Уже готовятся очерки пятого тома о духовной культуре Болгара.

Не каждый поймет, какой это сложный и тяжелый труд. Особого финансирования на подготовку данных томов не было и нет. Но Т.А.Хлебниковой удается привлечь авторов — ведущих ученых по той или иной проблеме. Подготовка каждого тома связана с массой технической, черновой работы. Все это Тамаре Александровне удается преодолевать.

Очерки являются отражением значительной изученности и музеефикации Болгарского городища. В России можно назвать очень немногие древние города, которые изучались бы с такой последовательностью, тщательностью, системой как Болгар. В это вложила много сил и таланта Тамары Александровны.

Нельзя не отметить участия Т.А.Хлебниковой в экспедиции на территории Казанского Кремля, проводимой в настоящее время. Благодаря ее участию удалось создать систему работ на этом памятнике. Все знают, что в экспедициях, где она участвует, нет места халтурщикам и лентяям. Об этом она всегда говорит в глаза.

Перу Тамары Александровны принадлежит около девяносто работ, которые выдерживают время. Их знают специалисты далеко за пределами России. Археологи желают ей здоровья, успехов, открытий.

П.Н.Старостин

Конференция “Биляр и Волжская Булгария”

10 и 11 сентября 1997 г. в с.Билярске Алексеевского района Татарстана проводилась научная конференция, посвященная 30-летию Билярской археологической экспедиции. В ее работе приняли участие 35 человек — представителей научных центров Татарстана, а также городов Самары, Ижевска, Ульяновска. В организации и проведении конференции многое сделали глава администрации Алексеевского района Татарстана Демидов А.И. и глава администрации Билярского сельсовета Леушин В.В. На заседаниях конференции было заслушано и обсуждено 19 научных докладов. Основная их часть была посвящена проблемам истории и культуры древнего Биляра.

В докладе Хузина Ф.Ш. (г.Казань) “Биляр и Волжская Булгария в трудах А.Х.Халикова” отмечено, что А.Х.Халиков внес значительный вклад в изучение ранних болгар на Волге, болгарских городских центров, впервые в нашем регионе стал использовать аэрофотосъемку, получив интересные данные по Билярскому городищу и прилегающей территории, продолжил (после Н.Ф.Калинина) археологические раскопки на территории древней Казани. В докладе объективно отмечена роль исследователя в изучении этногенеза народов среднего Поволжья и Приуралья.

В докладе Г.Ш.Асылгараевой (г.Казань) “Остеологические материалы Билярского III селища (по раскопкам 1995-1996 гг.)” убедительно было отмечено, что в У раскопе с основным материалом домонгольского времени выявлены с равным количеством остатки крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошадей. В УП раскопе, давшем золотоордынские находки преобладали остатки мелкого рогатого скота.

В коллективном докладе Е.А.Беговатова, А.Ф.Кочкиной, Д.А.Сташенкова (Казань, Самара) доложено о новых материалах Балынгузского П селища под горой Балынгуз на правом берегу р.Малый Черемшан, где в 1995 г. местные строители устроили карьер для добычи глины. Раскопки остатков поселения на разрушенной поверхности дали возможность изучить остатки землянки, в которой найдены пять железных замков, ножи, гвозди, скобы, пробои, накладка, обломок серебряного зеркала и другие предметы. На поселении обнаружена монета, чеканенная в Гюлистане в 762 г. хиджры (1361-1362 гг.). Материалы поселения представляют интерес для изучения этнических процессов, происходящих в эпоху Золотой Орды на территории Среднего Поволжья.

Р.В.Билялов (г.Казань) выступил с докладом “Консервация и реставрация болгарских архитектурно-археологических объектов X-XI вв”. В нем отмечено, что планомерные комплексные реставрационные работы на болгарских памятниках ведутся с 1964 г. Методика реставрации и консервации применительно к болгарским объектам ныне успешно применяется и совершенствуется. Докладчик заострил внимание на том, что в данных работах решаются вопросы максимального выявления их первоначальной объемно-планировочной структуры с допуском введения современных защитных конструкций. Одновременно решаются вопросы материалов и конструкций, применяются и испытываются химические составы.

С.И.Валиуллина (г.Казань) в докладе остановилась на результатах исследования Билярского III селища, проводимых в 1994 г. в районе строительства дороги. Вещевой материал данного памятника полученный в последние годы

имеет дату в пределах XIII-XIV вв. Более узкую дату автор склонна определять в пределах второй половины XIII — первой половины XIV вв. Она считает Билярское III селище золотоордынским городом. Предположительно, здесь располагался Биляр золотоордынского времени, известный ранее по письменным нумизматическим находкам.

Г.И.Дроздова (г.Казань) сообщила о материалах А.Х.Халикова, полученных им при обследовании окрестностей Билярского городища. Они представляют интерес для всех археологов, занимающихся изучением этого региона.

А.Г.Иванов (г.Ижевск) в докладе “Завоевание родины волжскими булгарами” пытался обосновать, что данный термин вполне применим для ранних булгар на Средней Волге. Особенностью “Завоевания родины” в рассматриваемом случае, по мнению докладчика, являлось подчинение местного оседлого населения, набеги на соседние территории с целью захвата и увода пленных, грабежи, наложение дани. Археологически, считает А.Г. Иванов, это можно подтвердить наличием материалов мордовских, верхнекамско-сылвенско-чепецких в комплексах ранних булгар VIII-X вв.

М.Г.Иванова (г.Ижевск) доложила о древнеудмуртском городище Иднакар, заострив внимание на итогах и перспективах изучения этого памятника. Данный памятник систематически и планомерно исследуется в течение 17 полевых сезонов. Исследователю удалось зафиксировать рост этого городища. В XI в. площадь его достигла 40 тыс.к.м. Докладчице удалось, на мой взгляд, доказать, что данный памятник является остатками древнего удмуртского городского центра.

М.М.Кавеев (г.Булгар) сообщил о музеефикации “Восточного мавзолея” (церкви св.Николая в 1712-1735 гг.). Она стала возможной лишь после проведения дополнительных работ автора внутри мавзолея. Результаты раскопок позволяют демонстрировать остатки погребений мавзолея и всю шкалу культурных напластований Болгарского городища.

Е.П.Казakov (г.Казань) в докладе “Западное Закамье в раннебулгарский период” склонен утверждать, что во второй половине VIII — начале IX в. Западное Закамье, как и многие регионы Урало-Поволжского региона, входило в состав Хазарского каганата. Единое политическое пространство способствовало взаимодействию и взаимовлиянию различных групп населения. Основная часть болгар, по мнению докладчика, кочевала в Правобережье Волги и частично на территории Ульяновского Заволжья. На широкой территории Прикамья и Приуралья встречаются бронзовые салтовские изделия и керамика. Обширные пространства Прикамья и Приуралья были заняты носителями кушнаренковской, неволинской, ломатовской и помской культурами.

Д.Г.Мухаметшин (г.Болгар) сделал доклад на тему “Топонимы “Биляр” и “Сувар” на материалах нумизматики и эпиграфики. Автор пришел к заключению: 1) по эпиграфическим памятникам и данным нумизматики в конце XIII в. существовали город и административная единица под названием Биляр, 2) по эпиграфическим данным в начале XIII в. существовала административная единица — Сувар, 3) В XIII в. по нумизматическим данным существовал город Болгар; город или территория булгар (по данным эпиграфики) были в XII в. 4) чеканка монет с надписями “Биляр” в конце XIII в. свидетельствует о попытке возрождения былого могущества Биляр.

Н.Г.Набиуллин (г.Казань) выступил с докладом “К вопросу о керамике типа “джукетау”, в котором на большом фактическом материале показал особенности этой керамики, ее локальные варианты, количество посуды в отдельных зонах и высказал свое мнение по проблемам ее происхождения.

А.З.Нигамаев (г.Елабуга) сделал доклад “Раскопки Кирменьского городища в 1995-1996 гг.”. В нем отмечено, что на памятнике за два полевых сезона было вскрыто 310 кв.м и выявлено около десятка сооружений и обнаружено более 3,5 тыс. индивидуальных находок. Исследователь считает, что возникновение памятника следует относить ко времени не позднее XI в. Докладчик справедливо заметил, что на имеющихся материалах делать выводы о социальных проблемах носителей этого памятника преждевременно.

К.А.Руденко (г.Казань) делал доклад на тему “К вопросу о хронологии булгарских древностей (по материалам селищ Алексеевского района Татарстана)”. В основу доклада положены материалы VI Алексеевского селища, расположенного в зоне водохранилища и изученного автором в 1992 г. Материал памятника, по мнению докладчика, в целом датируется домонгольским временем. Но активная жизнь поселения началась только в конце XI в.; расцвет селища приходится на первую треть XII в. Предположительно, к началу XIII в. поселения прекратило существование.

В принятой резолюции конференции отмечено, что в 1997 г. Билярским заповедником велась значительная работа по построению новой экспозиции музея, приведены в порядок многие объекты (остатки древних зданий, мечетей, колодец и др.), а также подъездные пути. Усилиями многих организаций республики построен интересный и капитальный туристический комплекс в районе Святого Ключа.

Вместе с тем участники конференции с тревогой и болью констатировали, что многие объекты Билярского городища продолжают разрушаться строительством дорог, мостов, жилых домов глубокой вспашкой земель, сточными водами и т.п. Заповедник слабо контролирует проведение данных мероприятий. К сожалению, административные органы и министерства культуры РТ не принимают мер по пресечению действий разрушителей, привлечению их к ответственности. В Билярске и прилегающих деревнях слабо ведется работа с населением по пропаганде памятников Билярского городища и их сохранению. Темы, связанные с охраной памятников, недостаточно освещаются в печати. В штате заповедника нет профессионально подготовленных археологов, что затрудняет решение многих повседневных вопросов.

Участники конференции сочли, что отмеченная ситуация в итоге может привести к гибели городища.

Конференция обратилась к местным и республиканским органам власти с просьбой:

1. Завершить отчуждение земель для территории заповедника.
2. Запретить глубокую вспашку на прилегающих к нему селищах.
3. Использовать заповедные земли для посева многолетних трав.
4. Привлекать к ответственности за нарушение режима заповедника всех лиц, действия которых приводят к разрушению культурного слоя.
5. Переименовать одну из улиц с.Билярска, назвав ее улицей Халикова — одного из известных историков и археологов, посвятивших изучению древностей Биляра лучшие годы своей жизни.

6. Разработать генеральный план музеефикации Билярского городища, включающий: историко-архитектурные и археологические исследования на городище и проекты реставрации и музеефикации отдельных архитектурно-археологических памятников и сооружений.

7. Просить Министерство культуры РТ выделять ежегодные средства на проведение археологических исследований и реставрационно-восстановительных работ на городище и привлекать средства других регионов и меценатов, а также закрепить в штате заповедника по совместительству архитектора-реставратора, участвующего в процессе реставрации, музеефикации и благоустройства памятника.

Участники конференции рекомендовали ученым, работникам культуры, средствам массовой информации активнее пропагандировать значимость памятников Билярского городища в изучении истории Татарстана и татарского народа.

Участники конференции благодарят администрацию Алексеевского района и Билярска за помощь в организации и проведении конференции.

П. Н. Старостин

Сведения об авторах

Григорьев Василий Васильевич (1816-1881) — тюрколог, востоковед, член Русского географического общества и Русского археологического общества, специалист по восточной словесности (персидскому и тюркским языкам), по истории Золотой Орды, Средней Азии.

Баллод Франс Владимирович (1880-?) — профессор (Санкт-Петербург-Ленинград), специалист по древнему искусству Египта, археологии Золотой Орды.

Недашковский Леонард Федорович — главный хранитель Археологического музея Казанского государственного университета, специалист по археологии золотоордынских городов.

Ракушкин Алексей Иванович — аспирант Саратовского педагогического университета.

Сингатуллина Альфира Закиулловна — кандидат исторических наук, заведующая сектором нумизматики Государственного объединенного музея Республики Татарстан, специалист по нумизматике Золотой Орды.

Валеева Дина Каримовна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства (ИЯЛИ), специалист по истории древнего и средневекового искусства Поволжья и Приуралья.

Ахметзянов Марсель Ибрагимович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АНТ, специалист по древнетатарским рукописям, болгарской и татарской эпиграфике, шаджаре (родословные), народным календарям.

Старостин Петр Николаевич — кандидат исторических наук, заведующий Центром археологических исследований Института истории АНТ, специалист по первобытной и раннесредневековой археологии Среднего Поволжья и Приуралья.

Поправка

Фамилия Имре Башки, автора статьи “Тамги и этнические названия (Вклад тамга-знаков в этногенез татар)”, в 1-ом номере журнала “Татарская археология” (1997 г.), по техническим причинам, ошибочно передана в форме “Баски”. Редакция журнала просит прощения у уважаемого автора.

Список сокращений:

- АМЗ — Астраханский музей-заповедник
АС — Археологический съезд
БГИАЗ — Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник
ВОКМ — Волгоградский Областной краеведческий музей
ГИМ — Государственный исторический музей
ГОМРТ — Государственный Объединенный музей Республики Татарстан
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДВДС — Древности Волго-Донских степей
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАО — Известия Археологического общества
ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук
ИГР — История Государства Российского (Н.М.Карамзина)
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии (при Казанском университете)
ИРАО — Известия Русского археологического общества
КОМК — Кировский Областной музей краеведения
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР,
МОРРПТ — Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников
ТССР (Татарской Советской Социалистической Республики)
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
НС — Нумизматический сборник
ОАК — Отчет Археологической комиссии
СА — Советская археология
СОМК — Саратовский Областной музей краеведения
СУАК — Саратовская ученая архивная комиссия
ТКИ — Татарское книжное издательство
ТОИТ — Труды Общества изучения Татарстана
ЭВ — Эпиграфика Востока

Шеф-редактор — **Рафаэль Хакимов**
Главный редактор — **Равиль Фахрутдинов**

Редакционная коллегия:

Евгений Казаков

(Институт истории АНТ)

Марк Крамаровский

(Госэрмитаж, г. Санкт-Петербург)

Леонид Кызласов

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Азгар Мухамадиев

(Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина)

Джамиль Мухаметшин

(Булгарский государственный историко-архитектурный заповедник,
г. Булгар, Республика Татарстан)

Светлана Плетнева

(Институт археологии Российской Академии наук, г. Москва)

Рашо Рашев

(Шуменский филиал Археологического института
Болгарской Академии наук, г. Шумен, Болгария)

Петр Старостин

(Институт истории АНТ)

Герман Федоров-Давыдов

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, г. Будапешт, Венгрия)

Светлана Червонная

(Институт этнологии и антропологии Российской Академии наук,
г. Москва)

✉ Адрес редакции: 420503, г. Казань, ул. Кремлевская, 9,

Институт истории Академии наук Татарстана,

☎ Телефон: (8-432) 32-02-64, 38-73-56.

✉ E-mail: history@vega.ksu.ras.ru

Дизайн обложки — Миляуши Хасановой. Оригинал-макет — Дины Сахабутдиновой.

Объем 10 п. л. Подписано к печати

Тираж 999 экз.

Журнал издается при финансовой поддержке ООО “Квинтет”

